

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (37)

Апрель – июнь 2013

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.

Издается Тюменским государственным нефтегазовым университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
В. В. Новоселов

Редакционная коллегия
О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, В. Е. Генин, З. Т. Голенкова,
В. К. Левашов, Н. П. Нарбут, В. В. Пленкина,
Н. Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Редактор – Д. В. Подчувалова
Оператор электронной верстки, редактор – Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 227
Тел./факс: 8 (3452) 41-82-05
E-mail: nur@tsogu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993-1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2013

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

№ 2 (37)

April – June 2013

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS.**

Published by Tyumen State Oil and Gas University, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Founder Tyumen State Oil and Gas University

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief

V. V. Novoselov

Editorial Board

Oleg M. Barbakov, Marina L. Belonozhko, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Viktor K. Levashov, Nikolai P. Narbut, Vera V. Plenkina,
Nursafa G. Khairullina (Deputy Editor-in-Chief)

Editor – D. V. Podchupalova

Computer Design, editor – N. V. Shuvaeva

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, offices 227

Telephone/Fax: +7 (3452) 41-82-05

E-mail: nur@tsogu.ru

**Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
Sociology. Economics. Politics, 2013

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIAL PROCESSES STUDY

Киселева Л. С. Kiseleva L. S. Теория человеческого потенциала: содержание и сущность Theory of human potential: substance and essence	6
Латышева Т. В. Latysheva T. V. «Спор о методе» в современной социологической теории: противостояние позитивистской и интерпретативной методологии «Dispute about a method» in modern sociological theory: confrontation between the positivistic and interpretative methodologies	10
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ POLITICAL AND LEGAL PROCESSES	
Алланина Л. М. Allanina L. M. Особенности взаимодействия государства и недропользователей на современном этапе The specifics of cooperation between the government and mineral resources users at the present stage	15
Галлямов Р. Р., Горбунова Г. Д. Gallyamov R. R., Gorbunova G. D. Межсубъектное социальное партнерство как фактор развития гражданского общества Intersubjective social partnership as a factor of a civil society development	18
Грошева И. А., Дружин А. В. Grosheva I. A., Druzhin A. V. Формирование доверия в условиях нормативной системы постмодерна Trust as a resource of social control in the age of postmodernism	22
Изюмов И. В. Izyumov I. V. Гражданско-правовая ответственность за нарушение требований законодательства о недрах Civil responsibility for violation of requirements of the mineral resources legislation	26
Кононенко А. А. Kononenko A. A. 1917 год в Тюмени: уездная революция 1917 year in tyumen: district revolution	30
Хайруллина Н. Г., Конова Т. А. Hairullina N. G., Konova T. A. Оценка деятельности судебных приставов города Тюмени: по результатам социологического исследования Study of public opinion about the activities of court ushers of the town of Tyumen	33

Шеломенцева В. П., Давиденко Л. М. Shelomentseva V. P., Davidenko L. M. Интеграция бизнеса как механизм реализации корпоративной стратегии Казахстанских компаний Business integration as a mechanism of Kazakhstan companies corporate strategy realization	37
---	-----------

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Беззубцева Н. А. Bezzubtseva N. A. Концепция ноосферы в проекции современного общества The concept of noosphere in the projection of the modern society	42
Гарабажий В. А. Garabazhyi V. A. Организационная культура вуза, направленная на развитие творческого потенциала и творческой активности студентов Organizational culture of a higher education institution aimed at development of creative potential and creative activity of students	47
Жулева М. С. Zhuleva M. S. Контент-анализ как метод изучения повседневности Periodicals as a source for study of the soviet period everyday history	51
Койше К. К. Koishe K. K. Влияние языковых факторов на развитие культуры казахского населения Influence of language factors upon development of kazakhstan population culture	53
Коновалов В. Р. Konovalov V. R. Диагностика культуры офицера: системный подход Diagnosis of culture officer: a systems approach	57
Муратова И. А. Muratova I. A. Гламурный имидж как симулятивная реальность современного общества Glamorous image simulative reality as a modern society	61

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Гордиенко Н. М. Gordienko N. M. Содержание инвестиционной политики промышленного предприятия Contents of the industrial enterprise investment policy	65
Зубарев А. А., Глухова М. Г., Мартынов Д. Н. Zubarev A. A., Glukhova M. G., Martynov D. N. Развитие методического обеспечения экономической оценки риска аварий на магистральных нефтепроводах Development of a methodical support of the risk economic assessment of failures in oil-trunk pipelines	67

Илимбетова А. А. Pimbetova A. A.	
Социальные аспекты женской трудовой миграции в Россию Social aspects of female labour migration to Russia	71
Краснова М. И. Krasnova M. I.	
Механизм формирования конкурентной предпринимательской среды на региональном рынке нефтепродуктов Mechanism of formation of competitive entrepreneurial environment in the petroleum products market	75
Кузьмин Е. А. Kuzmin E. A.	
Проекционность экономического механизма в процессах преобразования неопределенности в объективный риск Projection of the economic mechanism in the processes of transformation of uncertainty into the objective risk	78
Шерстнев М. А. Sherstnev M. A.	
К вопросу финансового обеспечения реализации целей декларации тысячелетия ООН To the issue of financial support of the United Nations' Millennium Declaration targets realization	83
Шилова Н. Н. Shilova N. N.	
Количественно-качественная оценка экономического развития промышленного предприятия Quantitative and qualitative assessment of economic development industrial organization	87
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT	
Егорова Г. И., Сязи Н. М. Egorova G. I., Syazi N. M.	
Сущностные основы полиэтнической культуры современной образовательной системы Essential fundamentals of polyethnic culture of contemporary education system	92
Жапарова Б. М. Zhaparova B. M.	
Современные проблемы и тенденции реформы среднего образования Current problems and tendencies in the secondary education reform	94
Леонова Е. Ю., Мехришвили Л. Л. Leonova E. Yu., Mehrishvilly L. L.	
Высшее профессиональное образование в системе ресоциализации осужденных The higher professional education in the system of resocialization of convicted persons	97

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 330.88

ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ THEORY OF HUMAN POTENTIAL: SUBSTANCE AND ESSENCE

Л. С. Киселева

L. S. Kiseleva

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческое развитие, способности, социоэкономический человек
Key words: human potential, human development, capabilities, socioeconomic man

Представлены основные положения теории человеческого потенциала. Проанализированы определения понятия «человеческий потенциал» и предложена авторская трактовка данного понятия. Выделены составные компоненты человеческого потенциала.

The basic assumptions of the human potential theory are presented. The definitions of the notion «human potential» are analyzed and the author's interpretation of the proposed concept is offered. The human potential components are outlined.

Анализируя современные теории, так или иначе отражающие место человека в экономических отношениях, мы констатируем: общество начинает осознавать, что основное его богатство — это население, граждане, человек. Цель поступательного движения состоит не только и не столько в том, чтобы беспрерывно увеличивать производство, расширяя его до бесконечности, характерной для общества потребления, но чтобы открыть для человека новые возможности выбора. В связи с этим экономические теории, которые были актуальны на протяжении нескольких десятилетий, утрачивают свою актуальность либо нуждаются в развитии. Теория человеческого потенциала, спустя век с момента своего зарождения, (в первой декаде прошлого века) приобретает приоритетное значение в связи с происходящими в общественной жизни изменениями и может явиться интегральной по отношению к ряду существующих экономических теорий.

В данной статье мы ставим целью рассмотрение основных положений теории человеческого потенциала, её содержания в социально-экономическом контексте.

Термин «потенциал» (лат. *potentia* — сила) означает «скрытые возможности, мощь, силу». Широкая трактовка смыслового понятия «потенциал» состоит в рассмотрении его как «источника возможностей, средств, запасов, имеющихся в наличии и могущих быть использованными, приведенными в действие для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [1]. Современное экономическое знание заимствовало это понятие из физики, где оно определяет количество энергии, которую накопила система, и которую она способна реализовать в работе.

Интересна точка зрения К. М. Миско на потенциал не как на достигнутую перспективную возможность, а как на *реализованную и нереализованную*. Он использует понятие ресурсного потенциала как совокупную величину реализованных и нереализованных возможностей использования ресурсов в процессе удовлетворения общественных потребностей и делает вывод, что наращивание потенциала лежит не в плоскости увеличения его объемных характеристик, а в глубоком *структурно-компонентном анализе* ресурсов [2].

Определяя категорию «потенциал», не следует, на наш взгляд, противопоставлять ее понятию «ресурсы». Потенциал рассматривается как совокупность ресурсов, оценка потенциала заключается в установлении качественных и количественных характеристик значений отдельных видов ресурсов. Однако важно оценивать не только ресурсы, но и накопленные, еще не используемые резервы (франц. *reserve* от лат. *reservo* — сберегаю) — запас чего-либо на случай надобности; источник, из которого черпаются специально сохраняемые ресурсы в случае острой необходимости их использования [3]. Различие между понятиями «потенциал» и «резервы» заключается в том, что «потенциал» содержит как сущее, так и потенциальное, а «резервы» — только потенциальное, неиспользованное.

Родоначальником теории человеческого потенциала стал У. Джемс, который в 1901 году составил программу исследования потенциальных возможностей человека. Далее вклад в развитие этой теории внесли психологи Я. Морено, А. Маслоу. Как пишет Дж. Манн: «в 1960-е и в начале 1970-х гг. в нем (*исследовании человеческого потенциала — авт.*) было нечто от причуды, однако потом этот аспект исчез, и возникло нечто менее определенное, но, возможно, более жизнеспособное». Жизнеспособность данной теории стала особенно подтверждаться в последнее десятилетие, когда появилось значительное число работ социологов, экономистов, психологов, посвященных изучению человеческого потенциала. Своеобразный толчок такому развитию дала концепция человеческого развития А. Сена, который использовал подход «с точки зрения возможностей» и обосновал положение о том, что процесс развития — это не возрастание только материального или экономического благосостояния, а расширение возможностей человека, которое подразумевает «большую свободу выбора, чтобы каждый мог выбирать из большого числа вариантов ту цель и тот образ жизни, которые он считает предпочтительными» [4].

Человеческий потенциал (индивида, социальной группы, страны) будет величиной соотносительной, определяемой как характеристиками самого объекта (назовем их внутренними), так и характеристиками внешними — тем, что его окружает, и с чем ему приходится взаимодействовать при совершении некоторой работы. Мы предлагаем выделять 2 особенности человеческого потенциала индивида:

1) человеческий потенциал индивида только отчасти представляет собой нечто данное ему от рождения — в значительной мере он *формируется и развивается* в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться и реализовываться в разной степени в зависимости как от внешних условий, так и от самого индивида;

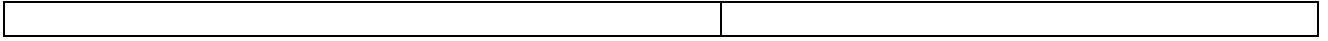
2) продуктивная реализация человеческого потенциала ведет не к уменьшению, а к его развитию, обогащению (например, использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний).

Приступая к анализу определений понятия «человеческий потенциал», заметим, что в научной литературе до сих пор не сложилась однозначно трактуемая система взаимосвязанных понятий для описания и анализа населения, человека и человеческого потенциала.

На наш взгляд, неслучайной является актуальность теории человеческого потенциала, поскольку она располагает терминологией, позволяющей объединить разрозненные теории, опираясь на современные приоритеты развития человека и общества. Элементарная единица человеческого потенциала общности, страны — потенциал отдельного человека. Ядро человеческого потенциала — человеческие способности. Определений понятия «человеческий потенциал» в научной литературе существует множество, некоторые из них представлены ниже (табл. 1). Каждое из них отталкивается от различных установок и представлений о человеке.

Определения понятия «человеческий потенциал»

Определение понятия «человеческий потенциал»	Источник
Это накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемой в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей	Соболева И. В. Реализация трудового потенциала [Электронный ресурс]. – // chelt.ru/2006/9-06/stalina9-06.html
Это целостная характеристика, отражающая важнейший фактор жизнеспособности общества, а именно: готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими национальными общностями	Заславская Т. И. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Институт экономики и организации промышленного производства. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008.

Определение понятия «человеческий потенциал»	Источник
Это расширяющиеся возможности человеческого выбора, направленные на решение трех ключевых проблем: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести всесторонние знания для активной деятельности; иметь доступ к ресурсам для реализации достойного в обществе положения	Доброхлеб В. Г. Старение населения и проблемы сохранения человеческого капитала / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. – 2009. – № 4
Это совокупные возможности общества, определяющие могущество страны вчера, сегодня, завтра	Римашевская Н. М. Качество человеческого потенциала в условиях инновационной экономики / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2009. – № 3
Это возможности для использования жизненных сил и профессиональных навыков человека в тех или иных условиях	Акьюлов Р. И. Человеческие ресурсы как комплексная экономическая категория / Р. И. Акьюлов // Журнал экономической теории. – 2009, № 4
Индикатор развития общественной системы, совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения целей	Козлов А. И. Человеческий капитал в системе экономических категорий труда / А. И. Козлов [Электронный ресурс]. – // www.top-personal.ru / issue.html?1577
Человеческий потенциал — совокупность способностей человека, используемых помимо основного места работы (для себя, для общества, для карьерного роста)	Андреев Ю. Н. Человеческий потенциал в инновационной экономике [Электронный ресурс]. – // miiris.ru>library/doc/andreev.doc
Это особого рода социально-биологическая целостность, в структуру которой включены следующие компоненты и отношения между ними: демографическая компонента; компонента здоровья; образовательная; трудовая; культурная; гражданская; духовно-нравственная	Иванов О. И. На пути к теории человеческого потенциала [Электронный ресурс]. – // socprob.ru/index.php?option
Трудовые ресурсы (население), обладающие определенными качествами и свойствами, детерминирующими потенциальную возможность поливариантного развития социума	Петухова И. Ю. Ресурсный императив динамики человеческого потенциала: факторы и механизмы реструктуризации: Автореф. дис...к. э. н. / И. Ю. Петухова; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д, 2009
Система физических и духовных сил человека, отдельной социальной группы и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышение качества жизни индивида	Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. Глоссарий / Под науч. ред. А. И. Юрьева, 2006

Как видим, существует разброс мнений в понимании «человеческого потенциала». У И. В. Соболевой ключевое понятие для характеристики человеческого потенциала — запас (запас здоровья, компетентностей, активностей). По ее мнению, в экономической теории человеческий потенциал может рассматриваться не во всех его свойствах, но лишь в той мере, в какой его развитие и реализация определяют социальную и экономическую эффективность воспроизводственных процессов, поэтому в фокусе её внимания — реализация человеческого потенциала в трудовой деятельности и в сфере потребления, а также анализ трудового потенциала. В определении человеческого потенциала Т. Н. Заславская использует понятие «способность» и понятие «готовность» общностей к саморазвитию, к ответу на вызовы и успешной конкуренции. Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб сосредотачиваются на тех целях, на достижение которых человек должен направлять свои возможности.

В нескольких вариациях представлена точка зрения на потенциал как совокупность физических и духовных сил человека. О. И. Иванов дает достаточно подробную характеристику компонент человеческого потенциала, каждая из которых выделена в соответствии с общественно-необходимыми видами деятельности. В частности, демографическая компонента потенциала определяется как потребность, способность и готовность общностей обеспечивать продолжение «рода», их жизни от одного поколения к другому. Компонента здоровья — это потребность, способность и готовность в течение долгих лет поддерживать хорошее здоровье (физическое и психическое) и работоспособность.

Попытки конкретизации понятия «человеческий потенциал» приводят, на наш взгляд, к сужению возможностей данной теории. Термин «человеческий потенциал» имеет совершенно определенный смысл, отражающий убежденность различных групп специалистов-практиков в том, что обычные люди используют лишь незначительную часть своего положительного потенциала. Следовательно, человеческий потенциал — это не только и не просто количество ресурсов, но еще и резервы, об активизации которых все чаще ведется речь в научной литературе. Л. Гримак и О. Кордобовский утверждают, «что без возвращения человека к формированию духовных, морально-этических резервов вопрос о выполнении ставших перед ним задач адаптации к жестким экологическим условиям и формировании резервов нового, более высокого уровня, во многом остается открытым».

По нашему мнению, ***человеческий потенциал есть фактически сформированные ресурсы индивида к определенному моменту жизни и заключенные в них перспективные возможности реализации в заданном направлении.*** Такая трактовка отражает данный от рождения и раскрытый к настоящему моменту потенциал (*фактический*) и *перспективный потенциал*, предполагающий резерв физических, духовных сил, которые возможно изыскать в случае надобности. Совокупность личностных потенциалов составляет нижний уровень совокупного потенциала общности, над которым надстраиваются более высокие уровни.

Базовые понятия теории человеческого потенциала — субъекты потенциала, агенты формирования потенциала, способности субъектов потенциала к выполнению социально-значимых видов деятельности, динамика человеческого потенциала (его возникновение, изменение, функционирование, исчезновение), формирование человеческого потенциала, деформация человеческого потенциала, деградация человеческого потенциала.

Мы полагаем, что ресурс здоровья (*психофизиологический потенциал*) выступает базой для реализации других потенциалов. *Профессионально-квалификационный потенциал* — множество способностей человека, необходимых для выполнения им своих профессиональных обязанностей. *Интеллектуальный потенциал* — совокупность знаний человека, которые могут быть применены в той или иной области деятельности. *Духовно-нравственный потенциал* — система ценностей, характеризующих данную личность. *Инновационно-творческий потенциал* — совокупность способностей человека в постановке и решении творческих задач, проявлении инициативы и предприимчивости.

В рамках теории человеческого потенциала логично обратиться к модели «социально-экономического человека», основывающейся на плюралистической мотивации личности, когда на выбор средств для достижения цели влияют не только рациональные, но и эмоциональные, а также этические соображения, присущие индивиду как члену социальной группы или общества в целом.

Список литературы

1. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1981. — С. 1058.
2. Миско К. М. Ресурсный потенциал региона (Теоретические и методологические аспекты исследования). — М.: Наука, 1992.
3. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Сен А. Развитие как свобода. — М.: Новое издательство, 2004.

Сведения об авторе

Людмила Сергеевна Киселева, к. э. н., доцент кафедры «Экономика, организация и управление производством», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел.8(3452)416867, e-mail: kiseleva-l@mail.ru

Kiseleva L. S., Candidate of Sciences in Economics, associate professor of the chair «Production economics, organization and management», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416867, e-mail: kiseleva-l@mail.ru

**«СПОР О МЕТОДЕ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ И ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ
«DISPUTE ABOUT A METHOD» IN MODERN SOCIOLOGICAL THEORY: CONFRONTATION
BETWEEN THE POSITIVISTIC AND INTERPRETATIVE METHODOLOGIES**

Т. В. Латышева

T. V. Latysheva

Ключевые слова: «спор о методе», позитивизм, герменевтика, теории рационального выбора, неофункционализм, интерпретативный подход, акционизм, неопрагматизм, холизм, номинализм

Key words: «dispute about a method», positivism, hermeneutics, rational choice theories, neofunctionalism, interpretative approach, actionism, neopragmatism, holism, nominalism

Анализируются основные доктрины, иллюстрирующие проявления «спора о методе» в социологической науке. На примере теорий рационального выбора и неофункционализма рассматривается позитивистская ориентация в социологии последней трети XX в. Изложены основные положения интерпретативных концепций, представляющих собой противоположную точку зрения в указанном споре. Приводится обобщение анализа, выявляются общие закономерности социологической теории рассматриваемого периода.

The basic theories which illustrate «the dispute about a method» manifestation in sociology are analyzed in the article. The positivistic orientation in sociology of the XX century last third is considered on the example of the rational choice and neofunctionalism theories. In the article the main principles of interpretative conceptions which present the opposite point of view in the dispute mentioned are also analyzed. In conclusion, the summary of the analysis is presented and the general regularities of the social science in the covered period are revealed.

На протяжении почти двух веков существования социологической науки исследователи подвергают ревизии её методологию, в ходе длительных поисков и ожесточённых дебатов рождаются новые парадигмы и концептуальные схемы анализа социальных процессов. В конце XIX в., когда легитимность гегемонии позитивистской доктрины была подвергнута сомнению, в социальных науках возник так называемый «спор о методе». С тех пор социологи разделились на два оппозиционных лагеря: сторонников фундаментальных теорий, опирающихся на объяснительные модели и методы естественных наук (традиция О. Конта, Г. Спенсера) и приверженцев герменевтического подхода, ориентированного на качественные методы, понимание смыслов человеческих действий и их интерпретацию (методология М. Вебера).

В 1970-х гг., когда стали очевидны все слабости структурно-функциональной парадигмы, герменевтический подход становился всё более популярным, постепенно приобретая статус доминирующей теоретической позиции. Кризис позитивистской парадигмы был обусловлен не только тенденциями развития социологии, но и открытиями в области философской эпистемологии, в частности, работами Т. Куна [1] и И. Лакатоса [2], опровергнувшими идею существования универсальной научной логики и метода. Кроме того, трансформация самого объекта исследования — социальной среды — требовала применения новых объяснительных схем и понятийно-категориального аппарата. Однако эти тенденции не означают полной победы сторонников метода «понимания». Исследуемый период истории социологии связан также и с существованием авторитетных теорий, близких позитивистскому видению реальности. Рассмотрим, как развивались вышеуказанные направления в русле конкретных исследовательских подходов — на примере теорий рационального выбора и неофункционализма с одной стороны, и интерпретативных доктрин — с другой.

Теории рационального выбора и неофункционализм

В конце XX в. всё отчётливее проявлялось стремление создать интегративную социологическую теорию, позволяющую исследовать социальные процессы на макро- и на микроуровне. Одной из базовых концепций такого рода становится *теория рационального выбора*, появившаяся в 1980-е гг. и не теряющая значимости в течение следующих двадцати лет.

Исследователи заимствовали подход неклассической экономической теории к объяснению действий рациональных акторов, стремящихся к максимизации полезности при совершении выбора из нескольких стратегий поведения, возможных в социальной среде. Выбор этот определяется воздействием общественной системы, предлагающей доступные поведенческие альтернативы, однако и социальность, в свою очередь, формируется действиями индивидов, стремящихся учитывать все ограничения и возможности, достигать положительного баланса между приложенными усилиями и полученным вознаграждением.

Рассмотрим, каковы эти общие положения на примере теории Дж. Коулмана.

В его исследованиях подробно рассматриваются ценностно-нормативные элементы социальной системы, определяющие интенциональность действий индивидов, анализируются социетальные последствия и непредвиденные эффекты, являющиеся результатом целерационального поведения индивидуальных и корпоративных акторов. Дж. Коулман выделяет базовые принципы теории рационального выбора, интегрирующие экономическое и социологическое знание: *методологический индивидуализм, максимизация полезности, соотношение понятий социального оптимума и равновесия, социальный капитал, институты и организации* [3].

Дополнив свою концептуальную схему некоторыми положениями теории обмена, автор заостряет внимание на важнейших проявлениях отношений обмена в социальной среде. К ним относится, в частности, добровольная *передача прав контроля* над собственным поведением другому индивиду, наиболее вероятная в условиях ограниченной информации. Процесс перераспределения контроля приводит к возникновению *социальных норм и властных отношений*, а также отношений *доверия*. Права же, в свою очередь, есть результат социального консенсуса, базирующегося на стремлении индивидов к наиболее полному удовлетворению потребностей и интересов. Важнейшим компонентом социальной системы, по мнению Дж. Коулмана, является *социальный институт*. Именно благодаря институтам деятельность индивидуальных акторов объединяется в некий коллективный результат, воздействующий на всю общественную систему. Кроме того, существует и обратная зависимость: институты оказывают влияние на индивидов, их ценностный мир, тем самым направляя их поведение.

Близким по проблематике к теориям рационального выбора является *неофункционализм*, также возникший в 1980-е гг. и представляющий собой серьёзную попытку вернуть прежнее влияние одной из базовых парадигм XX века. Создателем и главным идеологом новой научной школы являлся Д. Александер [4]. Отстаивая циклическую модель динамики науки, он выдвинул ряд положений, аргументирующих возможность и желательность актуализации наследия Т. Парсонса. Главным из них является тот факт, что современные исследователи осознают ограниченность отраслевых теорий и остро нуждаются в их синтезе, в выработке макротеоретической модели осмысления социальной реальности. Стержневые идеи Т. Парсонса, после определённых модификаций, могут послужить тем фундаментом, который способен объединить разрозненные научные школы под крылом единой парадигмы. Рассмотрим, как изменилось дискурсивное поле неофункционализма в сравнении с классической теорией.

Неофункционализм, прежде всего, стремился *избежать однофакторного детерминизма* в социологическом анализе. В поздних работах Т. Парсонс [5] склонен преувеличивать роль нормативной подсистемы, её влияния на материальные факторы социального бытия, что являлось недопустимым с позиции Дж. Александера. Ещё одним важным аспектом, подвергнутым переосмыслению, было соотношение социальной стабильности и динамики в общественной системе. Именно статичность структурно-функциональной парадигмы, её недостаточное внимание к проблематике социальных изменений в своё время были одними из ключевых пунктов критики. Неофункционализм, в свою очередь, уделяет *одинаковое внимание и упорядоченности социальных компонентов, и их динамике*, выражающейся в действии. Причём при анализе действия социальных акторов во внимание принимаются не только рациональные, но и аффективные действия, что существенно сглаживает абстрактность анализа, делает его ближе к действительности.

Неофункционализм признаёт, что *интеграция всех компонентов социальной системы — это не свершившийся факт, а лишь возможность*, для осуществления которой необходимо учитывать все

отклонения акторов, институтов, подсистем от нормы и прикладывать усилия по обеспечению *социального контроля*. Подсистема личности, как и в классической модели, играет у неофункционалистов существенную роль. И именно от неё зачастую зависят изменения в социальной структуре, в том числе и достигаемые посредством конфликта.

Акцент на исследование динамики всех подсистем общей парсоновской системы действия порождает интерес неофункционалистов к *проблематике дифференциации*, усложнения, индивидуализации, скорее вносящих дисбаланс в общество, нежели уравнивающих его.

Что касается методологической составляющей как неофункционализма, так и теорий рационального выбора, то она была вполне традиционной для социологии — это, прежде всего, опрос, эксперимент и другие количественные методы сбора и анализа данных.

Интерпретативный подход в социальных науках

Противоположную позицию в «споре о методе» заняли многие концепции, уже ставшие на сегодняшний день классическими — феноменологическая социология А. Шюца [6], драматургический подход И. Гоффмана [7], этнометодология Г. Гарфинкеля [8], постструктурализм и постмодернистская социальная теория. В рамках данной статьи представляется целесообразным акцентировать внимание на методологических аспектах интерпретативной доктрины, а не на её теоретической составляющей. Остановимся на краткой характеристике интерпретативной парадигмы, затем рассмотрим три наиболее интересные, на наш взгляд, методологические концепции конца XX в., связанные с именами П. Уинча [9], Р. Будона [10] и Р. Рорти [11].

Интерпретативная методология опирается на необходимость применения особого метода социально-гуманитарных наук — понимания, помогающего осмыслить индивидуальное поведение. Согласно этой исследовательской программе, любое действие может быть представлено как текст, раскрывающийся в ряде различных смысловых полей. При изучении такого сложного объекта, как человек, не может быть единого метода научного анализа, способного предоставить объективные, точные и неопровержимые данные. Слова и поступки людей не являются статичной данностью, которую можно исследовать в лабораторном эксперименте или просчитать математически. Они предполагают *субъективную интерпретацию* окружающей реальности, своего места в ней, целей совершаемого действия, окрашенную личностными переживаниями и строящуюся сообразно логике личностных умозаключений. Исследовать такой материал социолог может только качественными методами, предлагая собственное понимание поведения людей («*двойная интерпретация*»).

П. Уинч в работе «Идея социальной науки и её отношение к философии» [9], представил осмысление интерпретативной методологии в социальных науках в категориях философской эпистемологии. Центральным пунктом его концепции является различение причинного анализа как метода объяснения природных явлений и понимания мотивов, оснований действия как средства формирования представлений о социальном поведении человека. Несмотря на то, что причинные описания продолжают применяться относительно человеческого поведения, автор полагает, что они не дают исследователю возможности понять человеческие действия [9]. Вместо этого он предлагает обратиться к категории *основания* действия, операционализируемой посредством понятия «*правило*» [9]. Следование правилам в повседневной жизни предполагает *публичный, социально ориентированный характер действия*. Социальные отношения *конвенциональны*, так как существование правил возможно только в том случае, если они разделяются большинством. Суть любого осмысленного действия соотносится с тем или иным правилом, закреплённым в *лингвистической практике* людей. Вместе с тем стоит отметить, что правила в теории П. Уинча не носят императивный характер, они лишь очерчивают поле возможных поведенческих альтернатив. Поэтому и невозможен беспристрастный анализ поведения людей, так как исследователь сам в той или иной мере оказывается включённым в контекст «языковой игры» общества. Автор акцентирует внимание на сложности изучения «*иных культур*», неевропейских народов, к которым долгое время исследователи подходили с мерилем европейской рациональности, тем самым упуская возможность понимания их сущностных характеристик. Таким образом, интерпретативная методология в трактовке П. Уинча помогает избежать упрощённых натуралистических объяснений человеческих

действий и европоцентристского шовинизма, однако не исключает опасности релятивизации, неопределённости научного знания.

Создателей доктрины *акционизма* Р. Будона и Ф. Буррико можно назвать убеждёнными сторонниками номиналистической позиции, так как их социологический анализ берёт начало с микроуровня индивида и его действия. Появившись в 1970-е гг., акционизм разрывает холистскую традицию исследования общества, доминирующую во французской социологии, и предлагает подход, основанный на принципе методологического индивидуализма. Как и П. Уинч, авторы считают понимание субъективного смысла социальных действий основой научного анализа. Общество, по их мысли, не существует автономно от воли и сознания индивидов, его можно рассматривать лишь как контекст осуществляемого действия, но не его детерминанту. Рассматриваемая методология не отрицает влияния внешней среды на актора, более того, она постулирует необходимость глубокого анализа внутренних ограничений поведения, связанных с интериоризированными ценностями, нормами, установками и образцами. Кроме того, считается, что индивидуальное действие всегда рационально, но не с позиции формальной логики или экономических моделей максимизации полезности, а с точки зрения внутренних оснований, которые делают поступок целесообразным. Следовательно, понятие рациональности также субъективизируется.

Отрицая надындивидуальный характер социальных структур и институтов, акционизм не отказывается от необходимости и возможности понимания макросоциальных явлений. Это понятие, по их мнению, становится достижимым благодаря существованию особых эффектов, простейшей формой которых является сложение индивидуальных поступков в коллективные действия. Однако встречается и так называемый «эмерджентный эффект», не соответствующий первоначальной интенциональности действий, непрогнозируемый и не зависящий от воли акторов. Соответственно, несмотря на центральную роль субъекта действия в акционистской концепции, она применима также для исследования коллективных действий, реализации индивидуальных и групповых стратегий поведения в рамках социальных институтов, механизмов и форм протекания социальных процессов как совокупности взаимодействий рациональных индивидов.

Р. Рорти, представитель философского неопрагматизма, предложил собственный вариант разрешения «спора о методе». Его работы завершают ряд исследований, окончательно разрушивших позитивистские принципы верификации, репрезентативности, эмпиризма в социальной философии. Прагматическая трактовка предполагает использование любого метода, языка, стратегии исследования только в соотнесении с практической пользой их применения в каждом конкретном случае, общей целесообразностью, степенью их эффективности, простоты и удобства использования. Автор говорит о невозможности и нежелательности исключения субъективизма из науки. Во-первых, нельзя предотвратить оценочное использование терминов (в качестве примера он приводит выражения «репрессия», «примитивный», «рабочий класс», в которых невозможно четко разделить нормативный и дескриптивный смысл). Во-вторых, для использования результатов исследований в принятии управленческих решений необходимо, чтобы они были представлены на языке «самой политики», а не в сухих, формальных, «свободных от оценок» определениях [11].

Содержание «спора о методе» Р. Рорти считает некорректным ввиду того, что «объяснение» и «понимание» социальных явлений являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими методами. Различаются они конечной целью познания: в первом случае ею будет контроль и прогнозирование, во втором случае — оценка. Выбор метода не предполагает отказа от микросоциальных исследований в пользу изучения крупномасштабных структур и фундаментальных процессов или наоборот. Он определяется лишь конкретной целью и практической полезностью использования каждой из исследовательских программ [11]. Таким образом, неопрагматизм предлагает один из путей разрешения длительного и, как полагает автор, безосновательного диспута и формирует представление о новой, плюралистичной и релятивистской науке в динамичном и сложноорганизованном обществе с приставкой «пост».

Краткая ретроспектива исследовательских практик и воззрений последней трети XX в. делает очевидной их фундаментальные противоречия, касающиеся методологии, направленности и логики

исследования. Однако помимо этого их объединяют и некие общие черты. Во-первых, большинство рассмотренных теорий «по обе стороны баррикад» спора о методе являются синтетическими в плане осознания необходимости *интеграции микро- и макротеоретического знания*. Ввиду этого в конце XX в. социология переориентируется с создания абстрактных схем анализа макропроцессов на необходимость интеграции разных уровней знания в рамках одной парадигмы.

Во-вторых, холистский взгляд на социальную реальность постепенно вытесняется *номинализмом и методологическим индивидуализмом*. Сторонники количественных и качественных подходов едины в мысли о том, что следует принимать во внимание *индивида и его социальное действие*. Различается методика анализа этих действий и оценка их конститутивного по отношению к социальной реальности значения.

В-третьих, исследователи обращают внимание на *сознание* людей как источник социальных норм, ценностей и образцов поведения. Следовательно, индивид уже не воспринимается как «винтик» социального механизма, осознаётся взаимосвязь, взаимовлияние личности и общества, и соответственно, необходимость изучения элементов индивидуального сознания в их связи с социальной целостностью.

Отличия в стратегии исследования не позволяют считать «спор о методе» в социологии разрешённым и на сегодняшний день. В западноевропейской и американской социологии два рассмотренных направления конкурируют на равных, предлагая различные схемы анализа многообразных аспектов современной действительности. В российской же социологии, несмотря на аналогичное Западу доминирование методологического индивидуализма, интерпретативная традиция находится в неразвитом состоянии в силу консерватизма и традиционализма большинства сложившихся научных школ. Качественные методы используются в большинстве своём как дополнение к количественным, однако подобное комбинирование не очень укладывается в парадигмальные рамки интерпретативных концепций, предполагающих совершенно иную стратегию исследования. Необходимо развивать российскую социологическую «оппозицию», иначе очень многие тенденции современного общества так и останутся незамеченными и неисследованными.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995.
3. Коулман Дж. С. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора [Электронный ресурс] // Электрон. дан. - Экономическая социология. Электронный журнал. Том 5. № 3. – С. 35-44. URL: <http://ecsoc.hse.ru/>, свободный. Загл. с экр.
4. Александер Дж., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. – 1992. – № 10. – С. 112-120.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997.
6. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
8. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007.
9. Уинч П. Идея социальной науки и её отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачёва, Т. Дмитриева. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
10. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Перевод с фр. М. М. Кириченко; Науч. ред. М. Ф. Черныш. – М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Рорти Р. Метод, общественные науки и общественные надежды [Электронный ресурс] // Электрон. дан. – Русский гуманитарный интернет-университет, 2005. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/rorti_method/, свободный. Загл. с экр.
12. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического анализа. Обзорный план курса. – М.: ИС РосАН-TEMPUS/TASIS, 1996.

Сведения об авторе

Латышева Татьяна Владимировна, к. с. н., доцент кафедры «Социология и социальный сервис», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел.8(3452)453523

Latysheva T. V. Candidate of Technical Sciences, associate professor of the chair «Sociology and social service», Tyumen State Oil and Gas University, phone:8(3452)453523

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

УДК 347
**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
THE SPECIFICS OF COOPERATION BETWEEN THE GOVERNMENT AND MINERAL
RESOURCES USERS AT THE PRESENT STAGE

Л. М. Алланина
L. M. Allanina

Ключевые слова: государство, недропользователь, недра, право недропользования
Key word: state, mining company, bowels of the earth, the right of mineral resources use

Рассматриваются основные особенности и проблемы взаимодействия государства как собственника недр и недропользователей — горных предприятий. Выделяются характерные черты государства как носителя суверенитета и субъекта гражданского права. Предложены конкретные шаги по решению имеющихся проблем в данной сфере.

The article discloses the basic features and problems of interaction between the state as a mineral resources owner and the mineral resources users, the mining enterprises. Certain traits characteristic of the state as a sovereignty bearer and the civil law subject are distinguished. Some definite actions to solve the problems existing in the above mentioned sphere are offered.

Одним из субъектов правоотношений, возникающих в связи с предоставлением участков недр в пользование, является собственник недр — государство. С другой стороны, всегда присутствуют лица, использующие подземные пространства в установленном порядке (пользователи недр). Особенностью государства в данном случае является то, что оно относится к категории публично-правовых образований. Одни авторы в качестве основного критерия отнесения к последним видят обладание властными полномочиями, то есть функциями публичной власти [1], другие — назначение их деятельности, то есть достижение публичных (общественных) целей [2]. Полагаем, оба критерия отражают публично-правовой характер государства как субъекта права.

Существует точка зрения о том, что, выступая в гражданском обороте, государство лишается своих публично-властных свойств и предстает как хозяйственная публичная организация [3]. Указанная позиция, выраженная в отсутствии самостоятельности государства как субъекта гражданского права, представляется спорной, потому, что государство не может быть лишено иммунитета, который присутствует у него всегда (ст. 127 ГК РФ). В любом случае на основании ч. 2. ст. 124 ГК РФ государство выступает в качестве тех или иных коллективных образований. Например, согласно Постановлению Правительства РФ от 06 апреля 2004 г. N 171 Федеральное агентство по недропользованию является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом, а также правоприменительные функции в сфере недропользования. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 июля 2004 г. N 370, Министерство природных ресурсов РФ является федеральным органом управления государственным фондом недр.

Принимая во внимание глобальную мировую тенденцию «приватизации государственных функций» [4], трудно представить государственные образования, выступающие в сфере пользования недрами, в качестве единого унитарного субъекта: экономические законы объективно требуют включения вместо одного субъекта — государства — множества самостоятельных юридических лиц. При этом указанные лица могут быть в будущем рассмотрены с позиций не только публично-правовых форм, но и частноправовых — в свете мировой ориентации государств на рыночные формы и методы управления.

Вместе с тем государство могло бы распределить весь фонд недр между отдельными хозяйствующими субъектами, однако для выступления государства в гражданском обороте, в связи с распоряжением, государственным фондом недр создается особый правовой режим, не совпадающий с тем, который установлен для имущества остальных субъектов — юридических лиц или граждан. Кроме того, выступая в рассматриваемом качестве, публичный собственник недр может приобретать для себя целый ряд специфических прав, которые отражают его верховенство.

С учетом дискуссии о правомочиях государства в части распоряжения (и соотношения этого понятия с полномочием управления) недрами и иными природными ресурсами [5] можно отметить, что все правомочия, характеризуемые как «управление» недрами, так или иначе, характеризуют общий режим принадлежащего государству имущества, и то обстоятельство, что государство выступает одновременно как собственник и как суверен, лишь предопределяет особый характер осуществления принадлежащих ему как собственнику правомочий.

В ряде гражданско-правовых систем в силу самого факта принадлежности объекта государству они выведены из сферы действия обычного частноправового режима. Это означает, что в правовом регулировании отношений по поводу недр общие гражданско-правовые установления (в том числе и отношения собственности) вытесняются нормами права публичного. Как верно отмечено В. А. Лапачом, данные природные объекты лишь постольку допускают применение к себе цивилистической конструкции права собственности, поскольку они обладают объектными вещными правовыми признаками материальной ресурсной системы, обеспечивающей наиболее фундаментальные потребности общественного бытия [6]. Поэтому очень важно, чтобы правовой инструментарий, методы регулирования были адекватны сущности регулируемых отношений. Основной проблемой в данной сфере остается проблема создания эффективной гражданско-правовой конструкции справедливого распределения доходов, полученных в процессе пользования недрами и применения государством наиболее эффективных правовых способов управления фондом недр и создания специального органа государства, призванного осуществлять контроль и надзор за распределением указанных доходов.

Государство как суверенная власть не может осуществить эффективное управление недрами лишь одним фактом передачи недр в пользование без учета их значимости для общественных целей, поскольку это — один из бюджетобразующих факторов страны, основа ее жизнедеятельности. Существующий порядок передачи недр в пользование не до конца учитывает специфику горного производства, в результате на фоне истощения минерально-сырьевой базы можно наблюдать перевод огромного числа месторождений в разряд нерентабельных. На первый взгляд это выглядит нелогичным, поскольку регулируются имущественные отношения между государством как собственником недр и субъектом предпринимательской деятельности по вопросу определенного имущества путем передачи прав на него в определенном объеме. Действующий Гражданский кодекс РФ предусмотрел не только достаточно стройную систему регламентации отношений публичной собственности, но и определенные возможности ее эффективного использования собственниками [7]. Своеобразие публичной собственности, к которой относятся недра, проявляется, прежде всего, в цели ее функционирования, состоящей в достижении публичного интереса [8]. Это требует создания особого уполномоченного государством органа, который мог бы осуществлять подобные функции. Решением данной проблемы могло бы служить введение единой системы субъектов, вовлеченных в процесс пользования недрами, во главе которой должен стоять уполномоченный государственный орган. Предположительно, это должна быть государственная некоммерческая организация, не преследующая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, созданная для решения конкретных социально-политических задач.

Представляется очевидным наличие в качестве основания разграничения публичного и частного в нормативном акте, регулирующем отношения по использованию недр, категории «интерес». Какой из интересов является основным при извлечении горными предприятиями и обращении в частную собственность полезных ископаемых? Исходя из того, что вопросы владения, пользования и распоряжения государственным фондом недр являются основополагающими при определении порядка и условий осуществления права пользования недрами, предположим, что главным интересом выступают указанные в ст. 2 Закона «интересы народов, проживающих на соответствующих территориях, и всех народов Российской Федерации», то есть публичный интерес. Следовательно, нужно объединить задействованные ныне органы в единую систему субъектов, осуществляющих свою деятельность в связи с использованием преимуществ и полезных свойств недр в соответствии с этим интересом, так как недра — основа и достояние российского общества.

В настоящее время с переходом процессов реструктуризации на новый качественный уровень, когда процессы слияний и поглощений привели к появлению в России компаний международного уровня не только по натуральным показателям (ресурсная база, добыча), но и по капитализации, последние стали добиваться существенных изменений в системе государственного регулирования пользования недрами, которая теперь отражает интересы отдельных частных лиц в противовес интересам государства и других субъектов предпринимательской деятельности, что требует

детальной регламентации порядка распределения доходов от пользования недрами. Каким образом они должны распределяться? При участии и контроле государства в виде его уполномоченного органа или без него? И как не перешагнуть тонкую грань между публичным и частным, допустив вмешательство государства в частное, или наоборот, слишком ослабив государственное регулирование отношений? Вместе с тем без определения приоритета государственных (общественных) и частных интересов, невозможно точно определить задачи, связанные с эффективным использованием недр, стоящие перед публично-правовыми образованиями: подобного комплекса задач в законе РФ «О недрах» не сформулировано. Если у государства есть имущественные права на недра, то ими нужно распоряжаться с вовлечением профессиональных предпринимателей, но в России еще предстоит разработать современную законодательную базу регулирования отношений, связанных с использованием государственной собственности в целом и недр в частности.

Исторически публично-правовые образования возникли вовсе не с целью участия в обороте, поэтому государство выделяется из всей массы субъектов гражданского права, отличаясь рядом особенностей. Главное назначение государства как носителя суверенитета заключается в исполнении публично-властных функций. Участие в гражданском обороте так или иначе подчинено этой цели, поэтому, характеризуя государство как субъект указанных правоотношений, необходимо учитывать это. Выступление в гражданском обороте в качестве равноправного с иными субъектами не означает умаление или ограничение суверенитета государства. Речь идет о сокращении материальных и иных возможностей его проявления и осуществления, но не о формально-юридическом ограничении суверенитета как такового, исходя из той посылки, что в действительности государственный суверенитет, будучи формально-юридическим феноменом, одновременно несет и материальное содержание [9]. Признание этого не будет противоречить принципу равных начал, на которых государство и другие публично-правовые образования выступают в гражданском обороте с иными субъектами, так как в самом Гражданском кодексе указанный принцип соблюдается постольку, поскольку иное не вытекает из Закона и особенностей таких субъектов (ст. 124 ГК РФ).

Активы пользователей недр в виде отделенных (извлеченных) полезных ископаемых либо иных поступлений — это ценность. Эта ценность есть ничто иное, как отделенная составная часть недр, правовой режим которых закреплен в качестве основы благосостояния народов в Конституции РФ. В связи с этим отсутствие в действующем законе «О недрах» нормативной регламентации порядка оформления в собственность полученных в результате пользования недрами поступлений при действии общего правила статьи 136 ГК РФ не в полной мере отвечает социальной сущности и значению недр: представляется, что право на поступления от использования такого социально важного феномена, как недра, затрагивает публичные интересы. Соответственно, существующая в настоящее время «конструкция» приобретения подобных прав должна принять такую форму, в рамках которой реализуется как юридически значимая воля субъектов частного права, так и интересы третьих лиц.

Таким образом, необходима разработка оптимальной правовой конструкции права пользования недрами, которая, с одной стороны, позволяла бы надлежащим образом реализовывать юридически значимые интересы частных лиц (пользователей недр), а с другой стороны, учитывала бы и публичный интерес — интерес государства.

Список литературы

1. Суханов Е. А. Публично-правовые образования как участники гражданских отношений // в Кн.: Гражданское право. Том I. / Под ред. проф. Е. А. Суханова. 2-е изд. М.: 2002. – С. 280-294.
2. Масляев А. И. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации как субъекты гражданского права // в Кн.: Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под. ред. В. П. Мозолина, А. И. Масляева. – М.: Юристъ, 2003. – С. 192.
3. Панютин С. А. К вопросу о возникновении и государственной регистрации юридических лиц в исторической ретроспективе // Адвокат. – 2009, № 2. – С. 12-16.
4. Васильева А. Ф. Делегирование государственных функций субъектам частного права // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 66.
5. Карасс А. В. О содержании права государственной социалистической собственности // Советское государство и право. – 1949. – № 7. – С. 25.
6. Лапач В. А Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 151-156.

7. Суханов Е. А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый ГК РФ // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998. – С. 222.
8. Тихомиров Ю. А. Публичное право. – М., 1995. – С. 53-54.
9. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 197.

Сведения об авторе

Алланина Лилия Мансуровна, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)453526, e-mail: wildorchids9@yandex.ru
Allanina L. M. Tyumen State Oil and Gas University, tel: 8(3452)453526, e-mail: wildorchids9@yandex.ru

УДК 316.472

**МЕЖСУБЪЕКТНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**
INTERSUBJECTIVE SOCIAL PARTNERSHIP AS A FACTOR
OF A CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT

Р. Р. Галлямов, Г. Д. Горбунова
R. R. Gallyamov, G. D. Gorbunova

Ключевые слова: социальное партнерство, межсекторное социальное партнерство, межсубъектное социальное партнерство
Key words: social partnership, cross-sector social partnerships, intersubjective social partnership

На основе системного анализа, посредством исследования широкого круга публикаций, материалов Интернета и неопубликованных источников предпринимается попытка нового подхода к определению сущности и значения межсекторного социального партнерства, которое, по мнению авторов, необходимо характеризовать как «межсубъектное социальное партнерство».

Based on the systematic analysis through examining a wide range of publications, the Internet materials and unpublished sources, the author makes an attempt to apply a new approach to determination of the nature and value of cross-sector social partnerships, which, in the author's opinion, should be characterized as «intersubjective social partnership».

В отечественной обществоведческой науке и социально-политической практике проблема такого направления социального партнерства, которое принято называть сегодня межсекторным, в течение короткого времени приобрела популярность. Согласно мнению одного из признанных российских авторитетов научного исследования этой проблемы, профессора В. Н. Якимца [1], трудом, в котором впервые очерчены базисные элементы концепции межсекторного социального партнерства в России и поставлена проблема взаимодействия трех секторов (государство, бизнес и некоммерческие организации) при решении социально-значимых задач современного периода развития страны, стал коллективный сборник нескольких авторов, опубликованный в 1996 году [2]. С начала 1990-х годов, когда исследование социального партнерства в нашей стране стало возможным, данный феномен общественного развития рассматривался лишь в традиционном аспекте изучения триады, то есть отношений государства, работодателей и наемных работников (в лице их объединений — профсоюзов).

Однако уже к 2005 году именно межсекторное социальное партнерство стало одним из самых интенсивно разрабатываемых направлений данной проблематики. При этом, несмотря на относительно небольшой срок научного исследования проблемы, в отечественной науке сложилось значительное разнообразие не только базовых методологических оснований изучения этого феномена, но и определений его основной дефиниции. Как отмечает Н. В. Собчук: «...в литературе приводится множество терминов идентичных термину межсекторное социальное партнерство, в том числе такие как: «многосторонние процессы», «многосторонний диалог», «многостороннее управление», «многосекторные партнерства», «партнерства трех секторов», «общественно-частные партнерства», «новые социальные партнерства», «глобальные сети публичной политики» и многие другие, причем порой разные термины употребляются одновременно в одном документе» [3].

По результатам анализа материалов опубликованной литературы, фондов диссертационного зала Российской государственной библиотеки и ресурсов Интернета, наряду с вышеперечисленными

обозначениями понятия «межсекторное социальное партнерство», наиболее часто употребляются такие: «новое социальное партнерство» и «конкурентный корпоративизм» (С. П. Перегудов), «частно-государственное партнерство» (И. М. Бородачев), «межсекторное взаимодействие» (А. С. Автономов, Е. М. Осипов, Е. Н. Сидорова), «социальное партнерство в широком смысле» (А. В. Бородина),

«государственно-общественное социальное партнерство» (Л. А. Иванова), «социальный диалог» (М. П. Ситкова), «локально-территориальное социальное партнерство» (С. А. Алексеев) и т. д. Одновременно большинство исследователей пользуются для обозначения базовой категории понятием «межсекторное социальное партнерство».

На наш взгляд, истинный смысл рассматриваемого явления более адекватно отражает понятие «межсубъектное социальное партнерство». Достаточными аргументами в поддержку данной авторской позиции выступают несколько положений. Во-первых, понятие «межсекторное социальное партнерство» возникло именно в отечественной науке и практике в связи с необходимостью его отделения на определенном этапе от применяющегося уже в течение продолжительного срока термина «социальное партнерство». Последнее понятие внедрено в российскую действительность с начала 1990-х годов методом адаптирования западной терминологии, из-за того что в нашей стране, в связи с формированием рыночной экономики, вместо традиционной советской формулы «профсоюзы — школа коммунизма» возникла необходимость создания новых, адекватно отражающих реалии социальной жизни концептов. Именно тогда возникла идея определения отношений между молодым российским государством, обновленными профсоюзами, представляющими теперь интересы наемных работников, и нарождающимся классом бизнесменов в форме социального партнерства, к которому призывало все отечественное общество. Сам термин «социальное партнерство» был заимствован тогда из зарубежной теории и практики и применялся в традиционном, «трипатристском» смысле.

С середины 1990-х годов с появлением в нашей стране зачатков гражданского общества одновременно развернулись теоретические и прикладные исследования «некоммерческого сектора» социального развития, который был представлен тогда преимущественно самостоятельными общественными организациями самого различного толка. Как отмечает В. Н. Якимец, в мировой практике и терминологии вместо понятия «некоммерческий сектор» чаще всего используется термин «неправительственные организации», при одновременном применении дефиниций: «общественные организации», «гражданские организации» и «неприбыльные, некоммерческие организации». Однако в российской правовой практике эти понятия не закрепились. В дальнейшем чаще использовалось понятие некоммерческий или «третий» сектор [1]. То есть особенности становления демократического строя в нашей стране привели к тому, что некоммерческий или «третий» фактор общественного развития стал пониматься как соответствующий «сектор», а взаимодействие между акторами этого процесса — как «межсекторное партнерство», в отличие от «социального партнерства» как такового, обозначающего в основном социально-трудовые отношения. Таким образом, сам процесс внедрения соответствующей терминологии в отечественную теорию и практику не говорит об однозначной необходимости применения только понятия «межсекторное социальное партнерство», это сложилось в значительной степени случайно, а значит, условно.

Во-вторых, само слово «сектор», как известно, пришло в русский язык из европейских (прежде всего — латинского) языков и имеет четыре основных смысла, в том числе: а) часть площади чего-либо; участок, ограниченный радиальными линиями (например, сектор обстрела, сектор наблюдения); б) отдел учреждения или организации с определенной специализацией; в) часть народного хозяйства, имеющая определенные отличительные экономические и социальные черты (например, государственный сектор, частный сектор) [4]. Таким образом, из приведенных смыслов понятия «сектор» в нашем случае применяется своего рода объединенное значение пунктов а) и б). В этом случае «межсекторное социальное партнерство» понимается как партнерство, которое обеспечивается взаимодействием трех независимых секторов: 1) государства в лице правительственных организаций и представителей других ветвей власти; 2) предпринимательского сообщества, представленного как отдельными бизнесменами, так и их корпоративными организациями; 3) негосударственных и некоммерческих самостоятельных общественных организаций, представляющих интересы широких слоев населения, проявивших организационно-гражданскую активность и общественную позицию. При этом несколько в стороне оказывается такой важнейший элемент гражданского общества как высокоразвитое местное самоуправление, выступающее, с одной стороны, как бы «продолжением» государственного управления на местном

уровне, с другой стороны, территориальной формой общественной активности граждан, а, следовательно, своеобразным передаточным механизмом между политическим управлением и гражданским сообществом. Таким образом, социальное партнерство в широком смысле невозможно ограничить только рамками трех названных выше секторов, тем более что они (эти секторы) постоянно «накладываются» друг на друга. А в процессе взаимодействия различных субъектов гражданского сообщества возникают дополнительные социальные «площади, ограниченные радиальными линиями», то есть какие-то новые секторы. Таким образом, понятие «межсекторное социальное партнерство» не может в полной мере отразить смысл исследуемого нами явления.

В-третьих, межсубъектное (межсекторное) социальное партнерство, находящееся в процессе постоянного развития, представляет собой не просто «арифметическую сумму» наложенных друг на друга секторов, оно создается на основе генезиса совершенно нового качества социальных взаимоотношений, инициируемых, прежде всего, субъектами этих отношений, хотя и проявляющихся в соответствующих пространственных характеристиках. Именно взаимодействие субъектов, функционирующих в процессе этого партнерства, задает его смысл, определяет векторы ориентации, густоту и интенсивность взаимоотношений между отдельными субъектами. Не случайно некоторые авторы, исследующие проблемы межсекторного социального партнерства, отмечают несовершенство данного термина и пытаются включить в него дополнительные элементы. Например, социолог А. А. Ловкова считает, что межсекторное социальное партнерство представляет собой межсекторное взаимодействие, организованное сетевым образом. При этом она полагает, что при организации партнерства очень важна роль *концентратора* сети (здесь и далее курсив авторов статьи), который выступает организатором процесса взаимодействия, посредником между партнерскими организациями и создает благоприятные условия для сотрудничества. Таким организатором сети, по мнению А. А. Ловковой, являются инфраструктурные общественные организации [4]. В этом случае возникает еще один субъект социального партнерства — «инфраструктурные» организации, которые, по-видимому, каждым отдельным автором и в каждом отдельном случае определяются по-своему.

Именно несовершенство «межсекторной» концепции социального партнерства, не позволяющее отразить в ней все необходимые практические способы реализации этого процесса, привело некоторых авторов (В. Н. Якимец) к необходимости разработки новой парадигмы, основанной на создании теории «социальных полей», когда утверждается, что при взаимодействии межсекторного пространства «...почти всегда устойчиво возникает ансамбль из семи полей: поле адаптации корпоративных идентичностей; нормативное и правовое поле; поле взаимных потребностей, мотиваций, ожиданий; информационное поле; поле процедур, оргструктур, механизмов; финансово-экономическое поле» [1].

Поэтому, по нашему мнению, более приемлемым является использование понятия «межсубъектное социальное партнерство», так как оно исходит не из распределения «подведомственных территорий» в виде соответствующих определенных «секторов» сотрудничества, а основано на анализе активного участия в этом процессе соответствующих субъектов, на выявлении их «количественного» и «качественного» влияния, на определении «новых» субъектов партнерства, генезис которых неизбежен по мере развития демократии и совершенствования гражданского общества.

В связи с тем, что мы определили в качестве основных элементов общественного в широком смысле социального партнерства именно межсубъектное взаимодействие, возникает необходимость определить «веер» этих субъектов, обозначив значение каждой из составляющих данного веера. Анализ отечественных публикаций и диссертационных исследований показывает, что несмотря на наличие общепринятых в этом смысле подходов, существует определенная дискуссионная ситуация. Например, В. Н. Якимец считает, что «...смысл межсекторного социального партнерства (пост-социалистическое пространство или государство благосостояния) состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между тремя силами, существующими на общественной арене — *государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями*. Эти силы принято условно называть первым, вторым и третьим сектором» [1]. Позицию, несколько отличающуюся от точки зрения В. Н. Якимца, занимает А. А. Ловкова, которая считает, что «...межсекторное социальное партнерство на муниципальном уровне представляет собой взаимовыгодное сотрудничество *органов местного самоуправления, бизнеса и общественных организаций*, направленное на повышение качества жизни местного сообщества и обеспечивающее синергетический эффект от объединения ресурсов различных акторов и активизации ранее скрытых

ресурсов местного сообщества» [5]. Таким образом, А. А. Ловкова в качестве первого сектора рассматривает органы местного самоуправления, тем более что она специально подчеркивает роль вводимого ею понятия «концентратора сети», который «...выступает организатором процесса взаимодействия, посредником между партнерскими организациями и создает благоприятные условия для сотрудничества. Таким концентратором сети выступают инфраструктурные общественные организации» [5].

Более широко рассматривает состав субъектов социального партнерства Е. П. Чернобровкина, которая исходит из того, что «...межсекторное социальное партнерство — это конструктивное взаимовыгодное взаимодействие *институтов государства и гражданского общества*, в котором заинтересована каждая из сторон [6]. То есть автор ограничивается указанием лишь на два основных субъекта социального партнерства, не рассматривая их более подробно. Довольно подробно подчеркивает роль такого важного его субъекта в системе социального партнерства, как местное самоуправление, В. И. Филенко, отделяя его при этом от государственного и муниципального управления: «Социальное партнерство во взаимодействии органов муниципальной власти и местного самоуправления имеет больше шансов на осуществление, на достижение позитивных результатов, потому что оно инициируется *местным самоуправлением*, то есть, такой формой народовластия, которая обеспечивает возможность населению самостоятельно и под свою ответственность решать вопросы местного значения» [7]. Во многом согласуется с приведенным выше подход С. А. Алексеева, который, назвав партнерство «локально-территориальным», уверен в том, что межсубъектное социальное партнерство в основном носит локальный характер и присуще уровню муниципальных образований. То есть С. А. Алексеев выделяет в отдельный субъект межсубъектного социального партнерства именно муниципальный уровень территориального управления [8].

С конца первого десятилетия нынешнего века среди исследователей социального партнерства появляются работы, в которых авторы стремятся «расширить» ставший уже традиционным перечень субъектов или секторов, в рамках которых осуществляется это партнерство. Как справедливо отметила в данном контексте А. Г. Акрамовская: «Эффект «размытости границ» между разными секторами общества (власть, бизнес, некоммерческий сектор) и появление новых образований на их стыке (социальные предприятия, государственные корпорации, корпоративные благотворительные фонды и др.) ставит перед исследователями вопрос об определении их секторальной принадлежности, роли и месте в жизни общества, межсекторном взаимодействии, а также необходимости уточнения элементного состава самих секторов» [9]. При этом автор данной идеи совершенно по-новому подробно структурирует и описывает систему участников межсекторного социального партнерства, в том числе: 1) в третьем секторе (представительские, надзорные, сервисные, проектные, инфраструктурные и экспертные организации); 2) во втором секторе (бизнес-ассоциации, корпоративные благотворительные фонды, непосредственно фирмы, предприятия и т. д.).

В результате проведения компаративного анализа основных подходов к определению базового явления межсубъектного (межсекторного) социального партнерства, предлагаемых в отечественных работах, мы пришли к выводу, что наибольшее распространение среди них имеют такие, как: область социального пространства, тип социального взаимодействия, совокупность взаимных отношений, совокупность методов решения социальных проблем, реформа государственного управления, ценностная ориентация взаимодействующих субъектов, общественный институт. То есть межсубъектное социальное партнерство представляется как цель, процесс, отношения, методы, принцип, аксиологическая составляющая социального развития в ходе взаимодействия между различными субъектами современного общества. Подобная многоаспектность и многоуровневость рассматриваемого нами феномена создают дополнительные трудности для формулировки достаточно полной, но не очень громоздкой его дефиниции. На наш взгляд, основу данного социального феномена все же составляют система взаимодействия различных общественных субъектов и создаваемый ею тип социальных отношений, развивающийся в определенном пространстве.

Концептуальная позиция авторов данной статьи исходит из того, что межсубъектное социальное партнерство представляет собой системно организованное и взаимовыгодное взаимодействие различных имеющихся и вновь возникающих субъектов современного социума, формирующихся на этой основе разнообразных общественных отношений, генерирующих, в совокупности совершенно новые взаимно принимаемые ценности, механизмы и принципы влияния друг на друга этих субъектов в определенном пространстве и создающих в результате гармоничное

состояние общественного процесса в широком смысле слова. Основными субъектами межсубъектного социального партнерства на современном этапе выступают: во-первых, государственный аппарат во всех его проявлениях, ветвях и уровнях; во-вторых, муниципальное управление, выступающее «передаточным механизмом» между государством и местным сообществом; в-третьих, самостоятельное местное самоуправление, постепенно вытесняющее директивно-государственное управление из муниципального уровня управления обществом; в-четвертых, корпоративно организованный бизнес, активно взаимодействующий и с государством (государственно-частное партнерство), и с местным сообществом; в-пятых, совокупность граждан с высоким уровнем политической и правовой культуры, с активной общественной позицией, организованных в самые различные объединения и ассоциации. По мере дальнейшего развития гражданского общества происходит усложнение межсубъектного взаимодействия на основе возникновения методом «отпочкования» новых самостоятельных субъектов рассматриваемого партнерства.

Список литературы

1. Якимец В. Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России: Дисс. докт. соц. н. – СПб., 2002.
2. Либоракина М. И., Флямер М. Г., Якимец В. Н. Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России. – М.: Школа культурной политики, 1996.
3. Собчук Н. В. Основные подходы к интерпретации понятия межсекторного социального партнерства в современном мире // Научный вестник УрАГС. – 2008. – № 4 (5). – С. 38-42.
4. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
5. Ловкова А. А. Взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса как форма социального партнерства: Дисс. канд. соц. н. – Саратов. – 2009.
6. Чернобровкина Е. П. Институционализация межсекторного социального партнерства: региональный аспект: на примере Республики Бурятия: Автореф. канд. соц. н. – Улан-Удэ, 2006.
7. Филенко В. И. Социальное партнерство как взаимодействие органов муниципальной власти и местного самоуправления: Автореф. канд. соц. н. – М., 2000.
8. Алексеев С. А. К новой социальной политике // Социальное партнерство. – 2007. – № 3.
9. Акрамовская А. Г. Межсекторное социальное партнерство в России: состояние, механизмы, стратегии и управление развитием в регионах: Дисс. канд. экон. наук. – М.: Гос. ун. упр., 2007.

Сведения об авторах

Галлямов Рушан Рахимзянович, д. с. н., профессор кафедры философии и социологии, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Тел.: 8(347)2280617, 89033566024; e-mail: gal-rushan@yandex.ru

Горбунова Гюзель Дамировна, аспирант, кафедра государственного и муниципального управления, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа, тел.: 8(347)2665835, 89373132035; e-mail: ggd1@yandex.ru

Gallyamov R. R., Doctor of Sociology, professor of the chair of philosophy and sociology, Bashkir State Agricultural University, phone: 8(347)2280617, 89033566024; e-mail: gal-rushan@yandex.ru

Gorbunova G. D., post-graduate of the chair of state and municipal management, Bashkir President's Academy of Government Service and Management, phone: 8(347)2665835, 89373132035; e-mail: ggd1@yandex.ru

УДК 301.085:178

ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПОСТМОДЕРНА

TRUST AS A RESOURCE OF SOCIAL CONTROL IN THE AGE OF POSTMODERNISM

И. А. Грошева, А. В. Дружин

I. A. Grosheva, A. V. Druzhin

Ключевые слова: социальное доверие, постмодернизм, социальная система, социальный контроль, социальный капитал

Key words: social trust, postmodernism, social system, social control, social capital

Рассматриваются некоторые положения постмодернизма, затрагивающие нормативную систему и проблему формирования социального доверия в обществе. Авторы считают, что необходимо формировать институты «обобщённого доверия», которые могут стать одной из форм самоорганизации общества.

In the article some aspects of postmodernism regarding the regulatory system and the problem of formation of social trust in society are discussed. The authors believe that there is a need to build institutions of so-called «generalized confidence» that can become one of the forms of the society's self-organization.

Развитие современного общества — это социетальный процесс, где доминирующим фактором выступает время, порождающее целый спектр флуктуаций. В социуме постоянно присутствуют две противоположные тенденции: к порядку и беспорядку. В устойчивом состоянии социальная система справляется с вызовами, потому что обладает высокими адаптивными способностями. Если изменения в обществе накапливаются слишком быстро, то перестройка структуры социетальной системы не успевает совершиться, замедляется корректировка её функций и наступает системный кризис. При этом происходит изменение в структурном качестве системы и вероятность к возвращению в прежнее стабильное состояние невелика. В информационном пространстве формируется виртуальная реальность, которая позволяет генерировать изменения в других областях общества.

В тот момент, когда социетальная система достигает кульминационного развития, она становится чувствительной к воздействию внутренних и внешних факторов. На этой стадии из социального порядка возникает хаос, который под воздействием различных флуктуаций дестабилизируется [1]. Социальное доверие в обществе всегда сосуществует со своей противоположностью — недоверием. В постмодернистской среде чаще всего можно встретить утверждение, что анализ изучаемого феномена невозможно осуществить, поскольку идея установления границ «доверие-недоверие» сама по себе ошибочна. Попытка концептуализации некоего уникального набора культурных ценностей, способствовавших формированию доверия, является неудачной конструкцией, никак не связанной с быстро меняющейся социальной реальностью. Однако в постмодернистских теориях существуют рациональные положения, содержащие элементы дискурса культуры.

Повсеместное увеличение неопределённости, случайности, влияние внутренней саморефлексии в обществе ведут к многовариантности и альтернативным формам развития. Особенное внимание начинают уделять микропрактикам с целью выявления тенденций развития общественной системы. Э. Гидденс, характеризуя постмодернизм, обращает внимание на такие его характеристики как фрагментарность жизненного опыта индивида, появление разрывов в сознании, трактовка истины в определённом контексте, теоретическая беспомощность и «опустошение» повседневной жизни и др. [2]. Постмодернистская парадигма толерантна, как отмечает Ж. Бодрийяр в своей книге «Прозрачность зла», существует постмодернистское искусство, постмодернистское творчество, постмодернистская политика и даже постмодернистская порнография. Все составляющие объединяет постмодернистское безразличие, формирующее девиантную толерантность. Неудивительно, что в «Индивидуализированном обществе» З. Бауман обращает наше внимание на тот факт, что происходит «снятие вины с институтов и возложение её на отдельных лиц, объявляемых неадекватными» [3]. Мораль должна трансформироваться во внутреннюю этику по замыслу постмодернистов, однако происходит ли это на самом деле?

Этот приём должен «либо рассеять потенциально разрушительное раздражение, либо трансформировать его в стремление к самоцензуре и самобичеванию, а иногда даже перенаправить на мучение и истязание собственного тела». Последствия не заставляют себя долго ждать. Российская Федерация заняла по количеству самоубийств второе место в мире. Число суицидов в России в расчёте на 100 000 жителей в три раза превышает среднемировой показатель. Причём мужчины убивают себя в шесть раз чаще, чем женщины. Больше половины ушедших из жизни — это взрослые и пожилые люди старше 35 лет [4].

Известного постмодерниста Ж. Бодрийяра больше всего беспокоит тот факт, что вместо внутренней этической системы образуется пустота, а её наполнение фатально и требует определённых жертв. Отсутствие возвышенных целей подчёркивается заразной притягательностью модели терроризма. Биржевые махинации, рейдерство, вирусные атаки, захваты заложников — всё это является созвездием террористической деятельности. Сегодня под угрозой оказывается не только тело, но и мышление, содержащее антитела к воздействию современной действительности. Мы получаем постоянные инъекции нечистой совести. По его мнению,

наркотизация, СПИД, терроризм защищают человечество от ещё большего разложения. Подобно тому, как невроз является защитой для человека от безумия. Во времена, когда в искусстве пошлость и бесстыдство становятся нормой жизни, актуально высказывание: «Нас интересует ваша глупость, ваш дурной вкус» [5]. Главными становятся право на зло, право на преступление, право на несчастный случай, право на ошибку. Именно эти права делают человека достойным членом общества, которое не может существовать вопреки своей же системе ценностей. Секс, информация и деньги должны передвигаться свободно. Ничто не должно препятствовать этим процессам. Отменить сексуальность из-за боязни СПИДА это то же самое, что запретить товарообмен из-за биржевых спекуляций. Общество должно как самоорганизующаяся система само реагировать на возникающие отклонения и принимать меры, направленные на противодействие такой системе ценностей.

Теоретически такое возможно, практически — нет. У. Бек не случайно концентрирует наше внимание на обострении противоречий между запроектированной и социально действующей «типовой нормой», в результате чего здание индустриального общества грозит съехать в нормативно-правовую сферу [6]. Человека в окружающей нас социальной действительности ставят в такую ситуацию, из которой заведомо нет выхода, то есть решить поставленные перед ним задачи почти невозможно. Жажда порядка и надёжности начинает реанимировать призраки прошлого. Радикальные и даже фанатичные настроения распространяются ввиду беспомощности перед неуловимой угрозой, которая скрыта от непосредственного восприятия. Фанатично настроенные группы (будь то политические или религиозные) становятся социальными «громоотводами», отвлекая население от более глубоких причин создавшейся социальной ситуации.

По мере роста социальной системы растёт число проблем, включая и проблему правовой эффективности. Индивиды порой намеренно допускают отклонения от соблюдения социальных норм, ими же созданных и направленных на эффективную организацию общественной жизни с целью извлечения выгоды. В результате функция контроля и принуждения размывается, критерии для определения степени эффективности государственного регулирования становятся неясными. Идея постмодернистов о дисфункциональности самой нормативной системы представляется авторам статьи правомерной. Существование большого количества формальных норм и правил, противоречащих друг другу, неизбежно влечёт за собой их разрушение. Пышным цветом расцветают неформальные институты, «разъедающие» социальное доверие.

Американский исследователь Т. Хирши обращает особое внимание на создание прочной связи индивида и общества. Существуют определённые компоненты преданности, от чего зависит степень конформности или девиантности. Это, например, привязанность к конкретным людям или социальным практикам (школе, сверстникам, родителям и др.). Склонность к конформизму выражается в законных способах повышения социального статуса через образование, работу, бизнес, повышение квалификации и др. Формируется уверенность в завтрашнем дне через доверие к социальным институтам. Вовлечение в такие конвенциональные действия не оставляет времени не только для того, чтобы совершать девиантные поступки, но и для того, чтобы подумать о них. В связи с этим необходимо вспомнить всеобщий «охват» детей и подростков в бывшем СССР различными видами деятельности, связанными с пионерией, комсомолом и др. Ещё одним компонентом преданности является уважение к закону, вера в моральную ценность правил и норм, в уважении к полиции [7]. Народ может являться законопослушным в том случае, если закон будет служить моральным и нравственным потребностям народа, то есть осуществлять взаимоучёт целей и потребностей. Иначе государство окажется вне культуры и народа, будет восприниматься населением как нечто враждебное и чуждое. Государство — враг, а с врагом моральные нормы соблюдать не следует: у него можно воровать; его можно обмануть; данные государству обещания можно не исполнять. С таким восприятием государства возможно связать стремление россиян быть от него независимыми, уйти в неформальную экономику, «подстраховаться» (здесь и приобретение двойного гражданства, покупка недвижимости и бизнеса за рубежом, вывод активов капитала в иностранные государства и т. п.). Такое состояние «готовности покинуть своё Отечество» не позволяет в полной мере реализовать тот потенциал, который скрыт в трудовых ресурсах страны. В результате падает производительность труда, качество и количество выпускаемой продукции и объёмы предоставляемых услуг. Официальный бизнес сжимается до минимальных размеров, в противовес ему теневой бизнес охватывает всё большие сектора экономики. Такая ситуация не может не вызывать опасения, так как происходит трансформация человеческого капитала. Складывается благоприятная почва для различного рода деструкций, так как человек не может долго находиться в состоянии стресса. К такому же выводу приходят и другие исследователи. Например, согласно

утверждению канадского физиолога Г. Селье, человек без жизненных целей впадает в уныние, чувствует себя ничтожным, у него развиваются дистресс и апатия [8]. Российский демограф, профессор И. А. Гундаров, главным деструктивным фактором, вызывающим преждевременную смертность людей и снижение общей продолжительности жизни в национальном масштабе, определяет не материальные лишения сами по себе, а чувство закрытой перспективы, порождающее историческую безнадёжность [9].

В России не сформировалась традиция поддержки социокультурных институтов, восстанавливающих доверие. Более того, этот институт необходимо формировать заново, так как он выступает одной из форм социального капитала, повышающей институциональные возможности общества: чем выше уровень доверия, тем более высокоразвитой можно считать социальную систему. Разрушение доверия, с точки зрения З. Баумана, характеризуется общей неуверенностью и неопределённостью человека в современном мире. Индивиду даётся иллюзорная беспрецедентная свобода, но беспрецедентную неуверенность он получает реально. Социальные последствия сложившегося положения дел отражаются в возникновении опасного эффекта — это отрицание цивилизованных путей разрешения конфликтов, что отнюдь не способствует институционализации правовой культуры. Всё чаще в сводках новостей появляются сообщения о фактах самосуда, что свидетельствует о низкой эффективности института судопроизводства (нападение на «жемчужного прапорщика» через полтора месяца после разгона митинга; столкновения на Манежной площади и др.). Бесспорно, чувство справедливости никуда не исчезает, тем более стремление народа к её быстрому восстановлению, что воплощается через народную расправу. Если дальше мы пойдём по этому пути, то впереди нас ожидает восстановление ещё одного обычая древности — кровной мести. Кроме самосуда также встречаются и другие формы протеста, порождённые актами саморазрушительной агрессии: саможжение, отравление, употребление алкоголя и наркотиков и др.

Чтобы остановить этот процесс, необходимо формировать институты так называемого «обобщённого доверия», которые выступают удачной формой самоорганизации общества и ресурсом социального контроля. Например, в США в 1935 г. впервые была предложена Концепция гражданского наблюдения за деятельностью полиции. Представители Американского союза гражданских свобод (ACLU) и Международной ассоциации гражданского контроля правоохранительных органов (IACOLE) утверждали, что взаимодействие граждан и полиции должно строиться на партнёрских отношениях, предполагающих равенство, открытость, ответственность и доверие. Если граждане не имеют представления о деятельности полицейских, имеются факты злоупотреблений с их стороны, отделы полиции сопротивляются осуществлению гражданского наблюдения — всё это ведёт к увеличению подозрений и снижению авторитета правоохранителей. Снижение доверия, в свою очередь, формирует неуважение, правовой нигилизм и даже протестные действия, особенно со стороны молодых людей. Сегодня в США имеется около 90 гражданских надзорных органов, существующих в различной форме. Несмотря на кажущуюся декларативность некоторых структур, они помогают поддерживать социальное согласие. По словам шерифа Сан-Франциско М. Hennessey, находящегося в этой должности более 30 лет, для того, чтобы не появилось «уличное правосудие», необходимо в целях общественной безопасности формировать общественное доверие [10].

Ссылки авторов российских реформ на объективные и субъективные трудности трансформации социалистического общества, на специфику ментальности, характер противоборствующих сил не выдерживают никакой критики, учитывая тот показатель, что любая развитая страна использует ментальность населения во благо обществу, усиливая и ускоряя процессы «освобождения энергии народных масс». Неудивительно, что в России начала 90-х годов прошлого века наблюдался небывалый всплеск трудовой и гражданской активности, сошедший впоследствии «на нет», точнее — трансформировавшийся в нигилизм, девиантное поведение, апатию и равнодушие. Создание полноценной системы социального контроля, включающей в себя государственный и гражданский контроль, позволило бы решить ряд проблем, существующих в настоящее время между обществом и властью. Вступление на путь экономических, политических и социальных преобразований без конкретных планов, без чётких критериев оценки их исполнения указывает на стремление к игнорированию законов социального развития, то есть следование всё тому же пути «революционных скачков». Как следствие, наблюдается низкий уровень доверия граждан к агентам социального контроля (правоохранительным органам, судебной системе и др.), что нарушает преемственность в формировании социального капитала и снижает социальное согласие в обществе, что впоследствии

может привести (и уже приводит) к росту протестных настроений или самоагрессии, проявляющейся в суицидальном и аддитивном поведении. С точки зрения самоорганизующейся системы именно доверие могло бы стать основой социального контроля, который позволил бы вернуть систему в равновесие после очередной флуктуации.

Список литературы

1. Ельчанинов М. С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
2. Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 186 p.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/intro.php (дата обращения: 15.11.2011 г.).
4. Словецкий В. Убитые бедностью // URL: <http://svpressa.ru/society/article/41367/> (дата обращения: 21.12.2011 г.).
5. Бодрийар Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 430 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Фёдоровой. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.
7. Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkely, CA: University of California Press, 1969. – 309 p.
8. Селье Г. Стресс без дистресса / Пер. с английского. – М.: Прогресс, 1982. – 128 с.
9. Гундаров И. А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 5. – С. 58-65.
10. Hennessey M. Secure Communities destroys public trust // URL: <http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=/c/a/2011/05/01/INB81J8OCL.DTL> (дата обращения: 12.11.2011 г.).

Сведения об авторах

Грошева Ирина Александровна, к. с. н., доцент, заведующая кафедрой «Философия, история и социология», Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, тел.: 8(3452)335559, 89129280655, e-mail: grosh@nextmail.ru

Дружин Александр Васильевич, аспирант кафедры «Философия, история и социология», Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, тел. 89058572277, e-mail: sk1f72@mail.ru

Grosheva I. A., Ph.D. in Sociology, head of Department of philosophy, history and sociology, Tyumen State Academy of world economy, management and law, phone: 8(3452)335559, 89129280655, e-mail: grosh@nextmail.ru

Druzhin A. V., post-graduate of department of philosophy, history and sociology, Tyumen State Academy of world economy, management and law

УДК 349

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДРАХ CIVIL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF REQUIREMENTS OF THE MINERAL RESOURCES LEGISLATION

И. В. Изюмов

I. V. Izyumov

Ключевые слова: юридическая ответственность, недра, правонарушение, гражданское право
Key words: legal responsibility, bowels, offence, civil law

Рассматривается специфика юридической ответственности, анализируются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства в сфере недропользования, обосновывается эффективность данного вида ответственности в условиях сложившейся судебной практики.

The paper reviews the specific character of the legal responsibility. Some features of the civil responsibility for violation of the legislation in the sphere of mineral resources use are analyzed and the efficiency of this type responsibility in the conditions of the existing judicial practice is justified.

В настоящее время в юридической литературе не сложилось общего представления о юридической ответственности. По данной проблеме отечественные ученые-правоведы высказывают различные точки зрения. Например, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский утверждают, что юридическая ответственность есть сочетание трех элементов; они определяют юридическую

ответственность как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничений личного или имущественного порядка [1].

С. С. Алексеев отмечает, что сущность юридической ответственности состоит в обязанности лица признавать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение [2]. И. С. Самощенко полагает, что юридическая ответственность есть особое, предусмотренное и урегулированное нормами права отношение между нарушителем требований права и государством [3]. О. Э. Лейст, В. А. Тархов, Е. А. Суханов рассматривают юридическую ответственность как обязанность правонарушителя признавать меры государственного принуждения, порицающие совершенное им противоправное деяние и заключающиеся в лишениях личного или имущественного характера [4].

Таким образом, общим для всех этих определений является упоминание об ответственности граждан и организаций перед государством.

Об ответственности же самого государства в данных концепциях не упоминается. Однако действующее российское законодательство содержит ряд норм, свидетельствующих об ответственности государства. Например, в ст. 53 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Согласно ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Вышеизложенные нормы показывают, что юридическая ответственность государства приобретает реальный характер. Значит, в современных условиях юридическую ответственность следует рассматривать с позиции формирования в России государства со взаимной ответственностью гражданина и государства [5]. С учетом этой позиции считаем наиболее правильным согласиться с мнением

М. С. Богдановой [6] и определить юридическую ответственность как правоотношение между государством и другими субъектами права (гражданином, должностным лицом, организацией), возникающее на основе их взаимных прав и обязанностей нести неблагоприятные последствия нарушения правовой нормы.

В зависимости от отраслевой принадлежности можно выделить уголовную, административную, гражданскую и дисциплинарную ответственность [7].

Рассмотрим гражданско-правовую ответственность. В литературе это понятие иногда смешивается с понятием материальной ответственности, с учетом того, что в том и в другом случае речь идет о возмещении причиненного материального вреда. Но это неправильный вывод, так как гражданская ответственность наступает по нормам гражданского законодательства, в то время как материальная ответственность — по нормам трудового законодательства.

Гражданско-правовая ответственность предполагает лишения имущественного характера [8]. Основными формами выражения гражданской ответственности являются возмещение убытков, уплата неустойки, возмещение вреда в натуре и др.

Для взыскания убытков необходимо установить наличие вреда, противоправность поведения лица, причинно-следственную связь между совершенным деянием и наступившими последствиями, а также вину правонарушителя [9].

Согласно ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере недропользования наглядно демонстрирует Закон Российской Федерации «О недрах». В соответствии со ст. 51 Закона Российской Федерации «О недрах» вред, причиненный пользователю недр в результате деятельности

предприятий, учреждений, организаций, органов государственной власти, должностных лиц и граждан, виновных в нарушении естественных свойств недр или создании условий, частично или полностью исключающих возможность дальнейшего пользования недрами, подлежит возмещению за счет собственных средств предприятий, учреждений, организаций, граждан, средств соответствующих бюджетов. Вред, причиненный государству в результате деятельности пользователя недр, виновного в выборочной отработке богатых участков месторождений полезных ископаемых, а также иных действиях, которые привели к порче месторождения или созданию условий, частично или полностью исключающих возможность дальнейшего пользования недрами, подлежит возмещению за счет собственных средств пользователя недр. Подлежит возмещению также вред, причиненный государству в случае, если участок недр не передан в пользование.

Размер вреда определяется федеральным органом управления государственным фондом недр. Возмещение вреда, причиненного государству, производится путем взносов в федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты. Денежная форма возмещения вреда по соглашению заинтересованных сторон может быть заменена проведением работ по восстановлению нарушенных естественных свойств недр. Упущенную выгоду в данной ситуации следует определять как недополученные доходы, которые государство могло бы получить с участка недр при его дальнейшей эксплуатации, если бы имущественные права не были нарушены [10]. Помимо возмещения реального ущерба и упущенной выгоды, суд может обязать пользователя участка недр возместить вред в натуре. Возмещение вреда в натуре предполагает обязанность по проведению работ, связанных с восстановлением естественных свойств недр.

Например, решением Киселевского городского суда от 30 мая 2007 г. удовлетворен иск прокурора Новокузнецкой природоохранной прокуратуры в интересах неопределенного круга лиц к ЗАО «Салек» о возложении обязанности разработать и утвердить проект рекультивации нарушенных земель.

Судом было установлено, что ЗАО «Салек» выдана лицензия серии КЕМ № 00797 ТЭ с целевым назначением и видами работ — добыча угля подземным способом с геологическим изучением на Северо-Талдинском месторождении в Прокопьевском районе Кемеровской области. Согласно п. 4.10 Дополнения № 1 к лицензии КЕМ № 00797 ТЭ владелец лицензии обязан рекультивировать земельные участки, нарушенные в процессе добычных работ и других технологически связанных с ними работ, в соответствии с проектами ликвидации и утвержденными планами природоохранных мероприятий.

Пункт 4.13 предусматривает, что владелец лицензии обязан в сроки, предусмотренные природоохранными мероприятиями и планами, согласованными с контролирующими организациями, выполнять работы, позволяющие сократить влияние добычных работ на окружающую природную среду (рекультивация нарушенных земель) с приведением ее в состояние, пригодное для дальнейшего использования. Фактические объемы по добыче каменного угля на участке открытых работ ЗАО «Салек» оказались меньше проектных, горнотехническая рекультивация планируется с пятого года эксплуатации разреза, а биологическая — с шестого года. Таким образом, в судебном заседании установлено, что ЗАО «Салек» имеет отступления от утвержденного проекта «Технико-экономическое обоснование строительства участка открытых работ (корректировка)». Корректировка указанного проекта или изменения в него не внесены в установленном порядке. Ответчик осуществляет работы по добыче каменного угля открытым способом с отступлением от проекта, без положительного заключения государственной экспертизы.

При изложенных обстоятельствах суд решил обязать ЗАО «Салек» в срок до 1 декабря 2007 г. разработать и утвердить в установленном законом порядке проект рекультивации нарушенных земель в результате ведения работ по добыче каменного угля открытым способом на Северо-Талдинском каменноугольном месторождении Прокопьевского района Кемеровской области согласно лицензии на пользование недрами.

Самовольное пользование недрами и самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых прекращаются без возмещения затрат, произведенных за время незаконного пользования недрами. В отношении самовольной застройки площадей залегания полезных ископаемых данное правило, но более развернутое, содержится также в ч. 3 ст. 25 Закона Российской Федерации «О недрах». Согласно указанной норме такая застройка прекращается без возмещения произведенных затрат и затрат по рекультивации территории и демонтажу возведенных объектов. Такое регулирование вполне согласуется с нормами ст. 222 ГК РФ о самовольной застройке. При этом в отличие от норм ГК РФ, Закон Российской Федерации «О недрах» не предусматривает возможность

признания права собственности на самовольную застройку. Самовольная застройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет.

Согласно ст. 49 Закона Российской Федерации «О недрах» сделки, связанные с использованием недрами, заключенные с нарушением настоящего Закона, являются недействительными. В частности, в п. 1 ст. 166 ГК РФ предусмотрено, что сделка недействительна по основаниям в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Заключение сделок, связанных с использованием недрами, с нарушением Закона Российской Федерации «О недрах» следует применять с учетом норм ст. 168 ГК РФ, согласно которой сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения. Таким образом, если законодательством Российской Федерации о недрах не установлено, что сделка, не соответствующая требованиям данного акта, оспорима, и не предусмотрено, что такая сделка влечет какие-либо иные последствия, то такая сделка является ничтожной (то есть недействительной независимо от признания ее судом недействительной).

Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (п. 2 ст. 167 ГК РФ).

АК «Арч Лимитед» обратилась в суд с иском к Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа о признании недействительной сделки по приобретению АК «Арч Лимитед» права пользования недрами Аркатойского лицензионного участка, заключенной между АК «Арч Лимитед» с одной стороны и Минприроды России и Администрацией Ямало-Ненецкого АО, с другой стороны, и обязанности Администрации ЯНАО вернуть АК «Арч Лимитед» полученные по сделке 41 902 500 рублей.

В обоснование заявленных требований истец ссылался на то, что при заключении сделки АК «Арч Лимитед» действовала под влиянием заблуждения относительно ее предмета, а именно — перспективности Аркатойского лицензионного участка, поскольку данный участок недр не может быть использован для добычи нефти так, как это предполагалось при заключении сделки. В качестве правового обоснования истец сослался на ст. 178 и 167 ГК РФ. Для участия в деле в качестве третьих лиц были привлечены ООО «Аркатойнефть» и Минприроды России.

Решением от 15 ноября 2004 г. в удовлетворении иска отказано. Но постановлением кассационной инстанции от 12 мая 2005 г. решение отменено и дело направлено на новое рассмотрение.

Решением от 15 февраля 2006 г. суд признал недействительной сделку по приобретению АК «Арч Лимитед» права пользования недрами Аркатойского лицензионного участка и применил последствия недействительности сделки. Суд пришел к выводу, что решение административного органа, принятое по результатам аукциона, по существу является сделкой, направленной на установление и изменение гражданских прав и обязанностей как собственника недр, так и претендента на получение права пользования недрами. В результате совершенной сделки истец приобрел право пользования недрами Аркатойского лицензионного участка.

Однако впоследствии выяснилось, что в результате совершения сделки истец приобрел предмет сделки, качественные характеристики которого значительно снижают возможности его использования по сравнению с тем, как это предполагалось при совершении сделки. Указанное обстоятельство подтверждено экспертным заключением РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина и свидетельствует о том, что сделка по приобретению права пользования недрами Аркатойского лицензионного участка совершена последним под влиянием заблуждения. В силу п. 1 ст. 178 ГК РФ сделка, заключенная истцом с Минприроды России и Администрацией Ямало-Ненецкого АО, признана недействительной.

Перечисленные истцом департаменту природно-ресурсного регулирования и развития нефтегазового комплекса Ямало-Ненецкого АО денежные средства (бонус подписания) в сумме 41 902 500 рублей взысканы в порядке ст. 167 ГК РФ с Администрации Ямало-Ненецкого АО. Далее в ст. 181 ГК РФ регламентированы сроки исковой давности по недействительным сделкам. Срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня исполнения этой сделки (п. 1 ст. 181 ГК РФ); срок исковой давности по требованию о признании

оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (п. 1 ст. 179 ГК РФ), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной (п. 2 ст. 179 ГК РФ).

Таким образом, гражданско-правовая ответственность — это один из видов юридической ответственности, который способен оказать наибольшее влияние на эффективность пользования недрами в современных условиях.

Эффективность данного вида ответственности в том, что она позволяет взыскать с виновного лица весь материальный ущерб, причиненный государству, включая упущенную выгоду и неустойку.

Список литературы

1. Советское гражданское право: Курс лекций / Отв. ред. О. С. Иоффе. Ленинград, 1961. – 532 с.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. – 677 с.
3. Самощенко И. С. Позитивная роль юридической ответственности // Российская юстиция. – 1999. – № 2. – С. 32.
4. Гражданское право: Учебник. В 3-х т. Т. 1 / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др.; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 776 с.
5. Родионова Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Научн. руков. А. В. Корнев. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – 19 с.
6. Богданова М. С. О понимании юридической ответственности в современных условиях // Следователь. – 1997. – № 4. – С. 55-56.
7. Духно Н. А., Ивакин В. И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 12-17.
8. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 494 с.
9. Хохлов В. А. О гражданско-правовой ответственности // Известия вузов. Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 96-103.
10. Романов В. И. Юридическая ответственность за экологические правонарушения // Журнал российского права. – 2000. – № 12. – С. 74–83.
11. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (ред. от 30 февраля 2012 г.) «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 15.03.2012 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 293 «Об утверждении Положения о государственном контроле за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр» // СЗ РФ. 2005. № 20. Ст. 1885.
14. Постановление Госгортехнадзора России от 6 июня 2003 г. № 71 «Об утверждении Правил охраны недр» (зарегистрировано в Минюсте России 18 июня 2003 г.) // Российская газета. 2003. № 118.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 августа 1998 г. №1214-р (ред. от 4 декабря 2001 г.) «О возмещении убытков, причиненных в результате самовольного пользования недрами» // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4535.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» // СПС «Консультант Плюс».

Сведения об авторе

Изюмов Игорь Владимирович, к. ю. н., доцент кафедры социальных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень; тел. 89220428890, e-mail.: izyumov@rambler.ru

Izuyumov I. V., Candidate of Sciences in Law, associate professor of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and gas University, phone: 89220428890, e-mail: izyumov@rambler.ru

УДК 94(571.12)

1917 ГОД В ТЮМЕНИ: УЕЗДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 YEAR IN TYUMEN: DISTRICT REVOLUTION

А. А. Кононенко
А. А. Kononenko

Ключевые слова: революция 1917 года, Григорий Распутин, локальный переворот, Тюмень
Key words: revolution of the 1917 year, Gregory Rasputin, local upheaval, Tyumen

Рассматриваются социальные и политические события, происходившие в Тюмени в период революции 1917 года. Показаны основные этапы локального переворота.

The article is devoted to the social and political events that took place in Tyumen during the revolution of 1917. The author shows the main stages of the local upheaval.

К осени 1916 г. на фронте сложилась критическая для России ситуация. Русская армия оставила Галицию, Польшу, Литву, Курляндию, Добруджу. Российская союзница Румыния была разгромлена. Государственная дума стала центром оппозиции самодержавию. 1 ноября 1916 г. лидер кадетов П. Н. Милюков задал риторический вопрос: «Глупость или измена то, что происходит в стране?» К глупости в России давно привыкли, так что акцент в речи был сделан в сторону измены. Выступавший вслед за П. Н. Милюковым депутат А.Ф. Керенский прямо назвал министров предателями, братоубийцами и трусами [1]. 4 ноября депутат А.Ф. Керенский заявил, что царская власть — самый страшный внутренний враг, и что нынешнее правительство ведет страну к поражению, унижению и анархии. Керенский сравнивал царский в России режим с «оккупационным» и тоже прозрачно намекал на измену императрицы [2].

Если раньше «высокая» политика мало интересовала тюменцев, а карьера нашей покровской знаменитости, старца Григория Распутина привлекала внимание лишь небольшого круга местных журналистов, то в 1916 г. к его фигуре и к политической жизни государства интерес резко возрос. Особенно к отчетам с заседаний Государственной думы. Грамотные люди буквально зачитывались печатными материалами о делах «пророка, чью грязную десницу лобызает великосветские львицы», в том числе и в Тюмени, благодаря публикациям тобольского депутата А. С. Суханова. Он говорил своим коллегам — депутатам: « Я выйду на трибуну и с документами в руках расскажу про историю некоего господина Патушинского, которого императрица Александра Федоровна устроила нотариусом в Одессу вследствие того, что с женой этого Патушинского имел интимную связь Григорий Распутин и хлопотал за него (Григорий Патушинский служил нотариусом в Ялуторовске. Покончил жизнь самоубийством. Его жена Елена была близка с Г. Е. Распутиным — А. К.). Я предъявлю подлинные телеграммы по этому поводу за подписью «Александра». Затем я подробно опишу те обстоятельства, при которых председатель Совета Министров Б. В. Штюрмер был назначен почетным гражданином города Тобольска. И я, разоблачая все это, не сойду с трибуны до тех пор, пока меня не снимут военной силой» [3]. Опостылевшего всем премьер-министра Б. В. Штюрмера отправили 10 ноября в отставку после многочисленных выступлений депутатов разных фракций, включая и правые.

Начало 1917 г. в Петрограде напоминало канун 1905 года. Государственная дума требует создания ответственного перед думой Министерства общественного доверия. Правительство — ареста строптивого депутата А. Ф. Керенского, бесстрашно заявившего 15 февраля 1917 г. с думской трибуны царским министрам: «С нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения».... «Дело не в вас, а в вашем хозяине» [4]. Тем не менее руководство думы завершило Керенского, что оно его не выдаст.

А в это время, 22 января 1917 г., в Тюмени с почетом провожают на новое место службы полицейского исправника Н. Е. Скатова. Восемь лет служивший на благо города, он переводится в Ялуторовск. На его должность заступает бывший туринский исправник Мельников. В кинотеатре «Вольдемар» демонстрируют картину Скобелевского комитета «Знамена победоносно шумят». И вдруг...

Февральско-мартовский исторический рубеж до сих пор имеет неясные очертания. Вся обстановка событий в столице породила нехватку источников. Печать придавлена цензурой, документы изымались и опечатывались. Осторожные обыватели отсиживались дома, предпочитая получать сведения от побывавшей на улице прислуги. В Петрограде сформировано новое правительство. «Свершилось!!! Мгновенно. В несколько дней самодержавно-романовско-голштинский строй пал под натиском народа», — кричат заголовки центральных газет.

История почти бескровной Февральской революции 1917 года и созданной ей политической системы далеко не достоверна без отражения её в судьбах людей на «микроуровне» — на уровне захваченного ей врасплох «маленького человека» в российской глубинке — там, где в хлебах при домиках уездного городка, при звуках первой капли жадно ловят нежными ноздрями весенний

воздух коровы, а по снегу со втоптаннными в него яблоками конского навоза спешат на базарную площадь сани с ёжащимися от утреннего холода крестьянами. Судьба всех революционных перемен, в конечном счёте, решается именно здесь — в том, как они воспринимаются на уровне простых горожан.

В Тюмени вроде бы спокойно. Неожиданно 1 марта по телеграфу приходит известие — царь отказался от престола за себя и своего сына, передав престол брату Михаилу. Михаил отказывается царствовать. 2 марта в помещении городской думы собираются депутаты и общественность. Глава города К. А. Плишкин и представитель кооператива «Пчела» М. К. Николаев отправляются к командирам войсковых частей узнать их мнение о перевороте и отношении к новому правительству. Поездка городского головы заканчивается неудачей. Офицеры объяснили Плишкину и Николаеву, что их позиция еще не определена и предложили приехать после 19 часов. Помимо собрания в думе отдельно собираются группы ссыльных и поднадзорных лиц во главе с С. К. Тарабукиным и создают Совет. После 19 часов выясняется, что самодержавие защищать никто не будет, офицеры и солдаты на стороне нового правительства. Народ воодушевлен. Так как в здании думы не хватает места, собравшимся предложено перейти в помещение приказчиьего клуба. Собралось около 700 человек. Избран временный исполнительный комитет. Появляется жандармский подполковник со станции «Тюмень», который на вопрос, что ему угодно, заявляет о присоединении к решениям нового правительства. Руководители исполнительного комитета во главе с В. И. Колокольниковым, с его заместителями — врачом Г. И. Купенским и ротмистром Маркаровым — отправляются в полицию и спрашивают о ее позиции. Полицейский исправник Мельников и нижние чины заявляют о поддержке решений нового правительства. Они сдают оружие и передают делопроизводство в руки представителей исполнительного комитета. Затем члены исполкома двигаются к почтово-телеграфной конторе и спрашивают мнение ее начальника господина Г. С. Ерофеева. Тот заявляет, что в условиях военного времени он переписку и документацию выдать не может. Г. С. Ерофеева отстраняют от дел и заключают под домашний арест. Контору оставляют на одного из заместителей Ерофеева. Далее члены временного исполкома идут в жандармское отделение, где ротмистр, (по всей видимости — Калмыков — А. К.) и унтер-офицеры добровольно сдают оружие. Жандармские документы за последние 2 года изымаются, остальные опечатываются. Ротмистр при членах комитета составляет своему руководству телеграмму, что исполком конфисковал оружие, переписку, а что касается членов жандармского управления, то они признают власть нового правительства. Временный комитет заседал 3 марта с 9.00 до 19.00, а на воскресенье 5 марта на Базарной площади был запланирован парад частей местного гарнизона. Он состоялся под пение «Марсельезы» и «Вы жертвами пали в борьбе роковой». Принимали парад члены исполнительного комитета и полковник В. Я. Дмитриев.

5 марта 1917 года губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский призвал население к спокойствию и сохранению личной и имущественной безопасности. Но в тот же день Тобольская городская дума исключила бывшего премьер-министра России Б. В. Штюмера как ставленника «темных сил» из списка почетных граждан Тобольска, а на следующий день Тобольская городская дума отказала в доверии самому губернатору (так же за связь с «темными силами», читай с Г. Е. Распутиным — А. К.) и отправила его в отставку.

Из Тобольска сообщили, что глава города Тюмени К. А. Плишкин назначен уездным комиссаром. На должность начальника уездной милиции рекомендован бывший исправник И. И. Мельников, а на должность начальника городской милиции — П. И. Щепеткин. В те же дни был проведен обыск в монастыре и в доме распутинского друга сундучника Д. Д. Стряпчего. 10 марта состоялся массовый митинг на Базарной площади. Все выступающие говорили о поддержке нового строя, проклинали голштинскую династию, помещали на одежду красные банты, славили председателя государственной думы М. В. Родзянко. Революция тюменцами была признана.

Таким образом, как только государственная власть в столице ушла в отставку, произошел беспрецедентный распад властных структур в провинции. По сути дела, у представителей прежнего строя не нашлось ни сторонников, ни защитников, а все государственные органы власти, призванные обеспечивать надлежащий порядок, безропотно сдали свои позиции. Губернатор, органы государственной безопасности и внутренних дел без какого-либо сопротивления отрешились от своих обязанностей, а некоторые представители этих структур с воодушевлением перешли на сторону новой власти. Революция не только была доставлена «по телеграфу» и «прислана в запечатанном конверте» в провинцию, она начисто развенчала все надежды на возврат к прошлому. И если в столице апологеты свергнутого строя спрятались и разбежались, то на периферии их просто

не оказалось. Как писал по этому поводу И. В. Сталин: «Одна из особенностей нашей революции состоит в том, что базой ее до сих пор является Петроград ...Провинция ограничивалась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству» [5]. Старые мифы самодержавия давно уже не объединяли людей в единое целое, как это было на протяжении прошлых веков.

Список литературы

1. Керенский А. Ф. Потерянная Россия. – М., 2007. – С. 357.
2. Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 41-42, С. 74.
3. Спириин Л. М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. – М., 1987. – С. 8.
4. Керенский А. Ф. Россия в повторный вопрос истории. – М., 2006. – С. 187.
5. Сталин И. В. Об условиях победы русской революции // Сталин И. В. Сочинения. – М., 1951. Т. 3. С. 11-12.

Сведения об авторе

Кононенко Анатолий Анатольевич, д. и. н., профессор кафедры социальных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(919)9350276, e-mail: a-kononenko@yandex.ru

Кононенко А. А., Doctor of Sciences in History, professor of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(919)9350276; e-mail: a-kononenko@yandex.ru

**ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ГОРОДА ТЮМЕНИ:
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
STUDY OF PUBLIC OPINION ABOUT THE ACTIVITIES OF COURT USHERS
OF THE TOWN OF TYUMEN

Н. Г. Хайруллина, Т. А. Конова

N. G. Hairullina, T. A. Konova

Ключевые слова: федеральная служба судебных приставов, судебный пристав, исполнительное производство, гражданская служба

Key words: federal service of court ushers, a court usher, execution procedure, civil service

Представлены результаты проведенного в феврале 2013 г. опроса жителей города Тюмени о деятельности судебных приставов, экспертного опроса и встреч с судебными приставами во время проведения фокус-группы. Получена информация о действии Федеральных Законов «Об исполнительном производстве»,

«О государственной гражданской службе в Российской Федерации», предложены рекомендации по повышению престижа профессии судебного пристава.

The paper presents the results of Tyumen population poll held in February 2013, regarding the activities of court ushers, experts interrogation and meetings with court ushers during the focus-group holding. The information about the effects of the Federal Laws «On execution procedure», «On government civil service in Russian Federation» was obtained and some recommendations were offered regarding the improvement of a court usher professional prestige.

В Российской Федерации и в отдельных ее субъектах Федеральная служба судебных приставов предпринимает активные действия по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов и актов других органов. Сегодня все чаще расследуются уклонения от уплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей, принудительно взыскиваются алименты с должников, находящихся на территории иностранных государств. Особую тревогу для российского общества представляют нарушения действующего законодательства при исполнении судебных решений о предоставлении жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Увеличивается число судебных решений о взыскании жилищно-коммунальных платежей. Особую опасность для российского общества представляют проявления терроризма и экстремизма, коррупция и организованная преступность. Как следствие, судебные приставы вынуждены реализовывать полномочия по розыску и оказанию органам внутренних дел содействия в розыске и задержании лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия или суда. Все это нарушает спокойствие граждан, подрывает здоровье россиян, противодействует развитию страны в целом.

Несмотря на совершенствование нормативно-правовой базы (принятие), расширение полномочий судебных приставов для осуществления профессиональной деятельности, определенные законодательством для судебных приставов социальные гарантии, существующие формы материального и морального стимулирования, среди судебных приставов наблюдается высокая текучесть кадров, приводящая к снижению имиджа данной профессии.

Для получения информации о действии Федеральных Законов «Об исполнительном производстве», «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», разработки рекомендаций по повышению престижа профессии судебного пристава в феврале 2013 г. проведены два опроса (респондентов и экспертов) и фокус-группа с судебными приставами.

Сначала представим результаты анкетного опроса, проведенного с целью изучения общественного мнения о работе судебных приставов города Тюмени. В опросе приняли участие 281 респондент, из числа опрошенных 47 % составили мужчины, 53 % — женщины.

На вопрос анкеты «Известно ли Вам, что в России принят и с 2007 года действует Федеральный Закон «Об исполнительном производстве»?» только один из пяти опрошенных тюменцев (18,2 %) ответил утвердительно. При этом более половины опрошенных признались, что им не известно о том, что в России принят и с 2007 года действует такой закон, и они об этом впервые слышат (36,8 и 32,9 % соответственно). Вариант ответа «Меня это не интересует» выбрали 6,8 % респондентов, а 5,4 % затруднились ответить.

В ходе анализа ответов мы выяснили, что чуть более трети участников анкетного опроса знают, что задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. При этом об этом ничего не знает каждый пятый респондент (21,5 %), а 13,6 % тюменцев впервые об этом слышат. Никогда об этом не задумывался каждый десятый житель областного центра, а 6,1 % заявили, что их это не интересует. Вариант «Затрудняюсь ответить» выбрали 7,5 % участников опроса.

Три четверти респондентов (76,6 %) в последние шесть месяцев никогда не сталкивались с деятельностью судебных приставов. При этом 17,3 % сталкивались часто или редко с деятельностью судебных приставов (5,4 и 11,9 % соответственно). Затруднились ответить 6,1 % участников анкетного опроса.

Положительно ответившим респондентам (17,3 %) было предложено назвать причины. Респондентам разрешалось выбрать три варианта ответа. Ниже представлено распределение ответов тюменцев:

- а) получение (выплата) алиментов — 26,8 %;
- б) задолженность по кредиту в банке — 21,4 %;
- в) вселение в жилое помещение или выселение — 12,5 %;
- г) лишение родительских прав — 7,1 %;
- д) обеспечение возможного общения ребенка с родителями и другими родственниками после развода супругов — 8,9 %;
- е) арест, изъятие личного имущества — 19,6 %;
- ж) арест квартиры в счет уплаты ипотечного кредита — 7,1 %;
- з) взыскание долгов с заработной платы — 3,6 %;
- и) взыскание жилищно-коммунальных платежей — 8,9 %;
- к) взыскание административных штрафов (ГИБДД) — 26,8 %;
- л) ограничение въезда, выезда за долги — 7,1 %.

Большинство участников анкетного опроса (82,4 %) в последние шесть месяцев никогда не сталкивались с неправомерными действиями судебных приставов при исполнении ими служебных обязанностей по обеспечению общественного порядка. Положительно ответили на данный вопрос («Сталкивался часто или редко») только 7,2 % респондентов. При этом каждый десятый затруднился ответить.

В целях исследования важно было выяснить отношение тюменцев к деятельности судебных приставов. Анализ ответов показал, что каждый третий житель областного центра (32,6 %) одобряет деятельность судебных приставов. Каждый десятый (11,8 %) высказал противоположное мнение. Около половины опрошенных (42,7 %) никогда об этом не задумывались. При этом 12,5 % тюменцев затруднились ответить.

На следующий вопрос «Удовлетворяет ли Вас деятельность судебных приставов?» было получено больше положительных ответов, чем отрицательных (23,2 и 13,8 % соответственно). Каждый третий признался, что его это не волнует. При этом треть опрошенных испытали затруднения при ответе на данный вопрос.

На вопрос «Готовы ли вы работать судебным приставом?» были даны следующие ответы:

- а) да, безусловно, готов — 6,2 %;
- б) категорически нет — 19,8 %;
- в) скорее всего, нет — 33,7 %;
- г) никогда об этом не задумывался — 35,5 %;
- д) затрудняюсь ответить — 4,8 %.

Последний вопрос анкеты позволил выяснить, следует ли повышать престиж профессии судебного пристава.

Анализ ответов показал, что каждый пятый участник анкетного опроса считает необходимым повышать престиж профессии судебного пристава. В два раза меньше респондентов высказали противоположное мнение. Около половины опрошенных полагают, что в повышении престижа нуждаются и другие профессии. При этом пятая часть ответивших никогда об этом не задумывались, а 4,7 % затруднились с ответом.

Таким образом, нами выявлен невысокий уровень престижа профессии судебного пристава, связанный с негативной оценкой профессиональной деятельности. Эта профессия малооплачиваемая,

требующая частого и длительного присутствия на работе, не предоставляющая перспектив для карьерного роста и саморазвития.

Далее представим анализ результатов экспертного опроса, проведенного с целью изучения мнений представителей Федеральной службы судебных приставов Тюменской области о действии Федеральных Законов «Об исполнительном производстве», «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», для разработки рекомендаций по совершенствованию данного закона и механизма его реализации в части деятельности судебных приставов.

Ответ на вопрос «Какую роль сегодня играют судебные приставы в исполнительном производстве?» у экспертов не вызвал противоречий. Все они оценили роль судебных приставов как ведущую, главную, основополагающую или первоочередную, поскольку они являются основными исполнителями решений судов, и от их действий зависит исполнение решений суда и авторитет государственной власти.

Известно, что в России принят и с 2007 года действует Федеральный Закон «Об исполнительном производстве». В связи с этим экспертам предлагалось оценить ход реализации данного закона. В целом, закон оценивается экспертами положительно. Ниже процитируем ответы экспертов по поводу данного закона:

- «в целом закон не плох, за исключением некоторых пробелов, не все формы применимы на практике»;
- «жизнь не стоит на месте, пора принимать кодекс об исполнительном производстве»;
- «права приставам-исполнителям предоставлены обширные, однако из-за низкого материально-технического обеспечения этими правами нельзя воспользоваться в полной мере, не учтены положения других нормативных актов, например закон об ипотеке, СК РФ, о банкротстве»;
- «реализация Закона затрудняется проблемами в деятельности судебных приставов, с 2008 г. в ФЗ «Об исполнительном производстве» добавилось очень многое, есть и положительное».

В большей степени за реализацию Федерального Закона «Об исполнительном производстве», по мнению 80 % экспертов, несут ответственность судебные приставы — исполнители и старшие судебные приставы; судебные приставы, их начальники, зам. начальника — 50 %; ФССП России — 6 %; президент РФ — 6 %; кто изначально принимал законы — 6 %.

В заключение приведем мнения судебных приставов о своей деятельности, полученные в ходе фокус-группы. После знакомства с судебными приставами, принявшими участие в работе фокус-групп, модератор предложил определить их отношение к правопорядку и высказать свое мнение о деятельности судебного пристава.

На вопрос «Где и как вы узнали о деятельности судебного пристава? Из каких источников информации?» большинство участников ответили, что через знакомых или через учебное заведение, в котором обучались.

Отвечая на вопрос «Что послужило причиной вашего трудоустройства на должность судебного пристава? Какие факторы на это повлияли? Какие мотивы побудили вас принять это решение?», участники встречи почти единодушно указали, что главной причиной трудоустройства стало полученное образование. При этом важной для них является и возможность самовыражения. Один молодой пристав откровенно признался, что не прошел комиссию в органы внутренних дел и поэтому вынужден был устроиться на работу судебным приставом.

Анализ ответов на вопрос «Нравится ли вам работать судебным приставом? Почему? Что именно вам нравится, а что не нравится?» показал, что все судебные приставы довольны своей работой, поскольку, согласно их ответам, судебный пристав помогает людям взыскать в законном порядке с должников, например, недвижимость, имущество, денежные средства или выполнить другие решения суда. Профессия судебного пристава позволяет сделать что-то приятное простым тюменцам. Такая эмоциональная окраска звучала в большинстве ответов.

Под термином «исполнительное производство» судебные приставы понимают законную процедуру правильного и своевременного исполнения судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Под «законностью» участники опроса понимают следующую процедуру: на должника заводится дело, в рамках данного дела собирается информация, выносится решение, и далее происходит исполнение принятого судебного решения. Термин «законность» для рядовых граждан, по мнению судебных приставов, трактуется иначе. Большинство рядовых граждан не знакомы с основными законами и своими правами. Осведомлены чаще те лица, в отношении которых заведены судебные иски. Эта категория граждан не доверяет законам в области исполнительного производства,

соответственно они не согласны с выносимыми решениями и 90 % граждан препятствуют и противодействуют правильному и своевременному исполнению вынесенных судебных актов.

На вопрос «Как на сегодняшний день судебные приставы оценивают своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения в нашем городе» большинство участников своевременность совершения исполнительных действий увязали с загруженностью судебного пристава. По их мнению, сегодня судебные приставы из-за высокой текучести кадров, связанной с низкой заработной платой, сильно нагружены, им приходится выполнять работу одновременно по двум участкам.

На вопрос, как долго участники встречи планируют работать судебными приставами, они ответили, что готовы работать долго, но это зависит от уровня оплаты труда. При существующем уровне оплаты труда молодым приставам невозможно снимать квартиру (ведомственное жилье не предоставляют, общежитий нет), трудно содержать семью. В работе названы следующие осложняющие факторы: уезжаешь на работу рано, возвращаешься поздно; выходные, как правило, заняты; приходится задерживаться после работы на час-два для завершения работ, связанных с высокой загруженностью, по устному указанию вышестоящего руководителя; высокая степень ответственности за исполнение судебных решений.

В ходе обсуждения выяснилось, что все участники встречи знакомы с Федеральным Законом «Об исполнительном производстве». Данный закон является настольной книгой судебного пристава, его «правой рукой».

После знакомства с этим законом судебные приставы отметили для себя наличие в нем определенных пробелов. В ФЗ описаны не все ситуации, поэтому приходится самостоятельно изучать судебную практику через пояснения в «Гаранте», «Консультанте», других документах.

По мнению судебных приставов, существуют проблемы в реализации отдельных положений данного закона.

На предложение внести изменения в этот закон судебные приставы ответили, что следует добавить полномочий; увеличить заработную плату; ограничить количество возвратов исполнительного листа до трех раз; ввести платное обжалование действий судебного пристава (не менее 100 МРОТ).

В ходе обсуждения выяснилось, что все присутствующие знакомы и с Федеральным Законом «О государственной гражданской службе в Российской Федерации». Данный закон, наряду с Гражданским кодексом, Уголовно-процессуальным кодексом, законом «О судебном приставе», является настольной книгой судебного пристава.

После знакомства с этим законом судебные приставы утвердились во мнении, что их следует приравнять к уровню сотрудников внутренних дел, у которых год засчитывается за два, в МВД существует выслуга 20 лет, а судебные приставы выходят на пенсию по возрасту. Меньше и социальных гарантий, при выходе в отставку отсутствует материальное содержание.

На вопрос «Как изменились гарантии, права и обязанности, касающиеся самой государственной службы?» судебные приставы ответили, что их стало больше, но и ответственность возросла. До принятия закона «О судебном приставе» в 1997 г. судебные приставы работали при судах, а после принятия судебный пристав — самостоятельное лицо.

Все судебные приставы, участвовавшие в беседе, считают, что их социальные права осуществляются полностью в рамках указанного выше закона.

Далее в целях исследования интересно было выяснить у судебных приставов отношение общественности к их деятельности. Выявлено что, взыскатели к судебным приставам относятся положительно, должники — отрицательно. Многие должники не знают своих обязанностей, приходя не в установленные часы приема, возмущаются. Если говорить о рядовых гражданах, то в целом у них позитивное отношение к деятельности сотрудников службы судебных приставов. Соседи уважительно относятся к приставам.

Последний вопрос позволил высказать пожелания для улучшения условий деятельности судебного пристава. Судебные приставы хотели бы поднять имидж своей профессии. Врачи ассоциируются у граждан с людьми, помогающими встать на ноги больным, учителя — дают образование, художники — красоту, полицейские поддерживают порядок, а судебные приставы вызывают слезы, забирая последнее у простых людей. Средства массовой информации должны пропагандировать позитивные моменты, связанные с деятельностью судебных приставов. Показывать положительные примеры, когда государству или гражданам возвращаются принадлежавшие ранее объекты собственности, недвижимости и др.

В заключение следует отметить, что судебные приставы в целом удовлетворены своей работой, она приносит им моральное удовлетворение чаще, чем материальное, и они готовы оставаться в ней долгое время.

Сведения об авторах

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор, заведующая кафедрой социальных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)453526

Копова Татьяна Александровна, заведующая кафедрой естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин, Филиал военно-учебного научного центра «Общевойсковая академия вооруженных сил РФ», г. Тюмень, тел. 8(3452)411516

Hairullina N. G., Doctor of Sociology, professor, head of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)453526

Kopova T. A., head of the chair of natural sciences and general profession disciplines, branch of the military-educational scientific center «Combined arms academy of RF defense establishment», Tyumen, phone: 8(3452)411516

УДК 338.45:622.276

**ИНТЕГРАЦИЯ БИЗНЕСА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ
СТРАТЕГИИ КАЗАХСТАНСКИХ КОМПАНИЙ**
BUSINESS INTEGRATION AS A MECHANISM OF KAZAKHSTAN COMPANIES CORPORATE
STRATEGY REALIZATION

В. П. Шеломенцева, Л. М. Давиденко

V. P. Shelomentseva, L. M. Davidenko

Ключевые слова: корпоративная стратегия, процесс, интеграция бизнеса, слияния и поглощения
Key words: corporate strategy, process, integration of business, mergers and acquisitions

Проведен анализ современной интеграционной политики Республики Казахстан с позиции расширения экономических связей с государствами-партнерами по экономическим связям. Дана оценка проблем и перспектив развития конкурентной среды с участием крупных национальных и зарубежных корпораций. Рекомендован эффективный механизм реализации корпоративной стратегии на базе сделок слияния и поглощения.

In this paper the analysis of the modern integration policy of the Republic of Kazakhstan is made from the standpoint of expansion of economic relations with the states-partners in economic relations. The assessment is given of the condition of the economic concentration which reflects the problems and prospects of development of the competitive environment with participation of large national and foreign corporations. The effective mechanism of realization of corporate strategy on the basis of mergers and acquisitions transactions is recommended.

Национальные и транснациональные корпорации, составляя каркас мировой экономической системы, повышают стабильность международного сотрудничества и возможности макроэкономического регулирования. Прогрессивным вариантом интеграции на макроэкономическом уровне служат международные организации, членами которых являются Казахстан и Россия. В частности, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) объединяет экономические интересы хозяйственных субъектов, располагая 25 % мировых запасов нефти, 30 % мировых запасов газа и 50 % разведанных запасов урана [1]. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) реализует проект создания совместного Антикризисного фонда в размере 10 миллиардов долларов и международного Центра высоких технологий. Проекты ориентированы на формирование общей энергетической системы, единого цикла в области производства мирной атомной энергии, сооружение евразийских транспортных магистралей и др.

Глобальные цели, механизмы реализации интеграционной политики на макроэкономическом уровне можно представить в виде логической цепочки (рис. 1).

В качестве ориентиров интеграции на макроэкономическом уровне казахстанские компании принимают следующие цели:

- реализация совместных проектов в газовой сфере, металлургии, нефтедобыче и нефтепереработке; в области космических технологий, нанотехнологий, микробиологии, в машиностроении и сельском хозяйстве;
- обеспечение равного доступа к единой энергетической и транспортной системе;

- интеграция образовательного и научного пространства с помощью Евразийской ассоциации университетов, Евразийского клуба ученых, Международного центра высоких технологий, консалтинговых центров;
- выход на международный рынок инновационных проектов в области возобновляемых источников энергии, исследования проблем изменения климата.

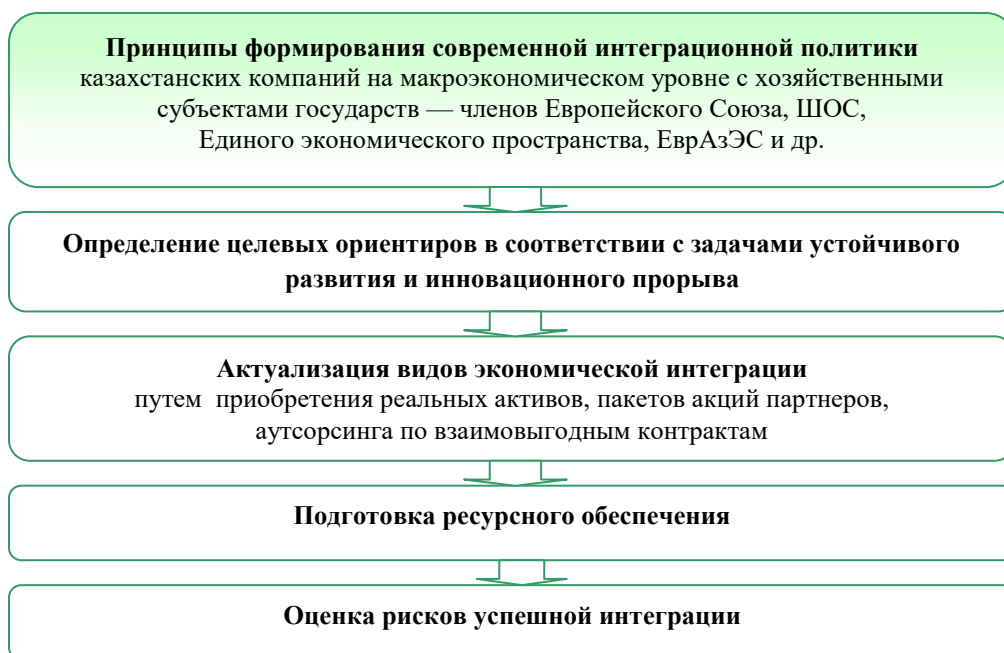

Рис.1. Принципы современной интеграционной политики казахстанских компаний на макроэкономическом уровне

Наиболее выгодными видами экономической интеграции признаются:

- кооперация, создание совместных предприятий, транснациональных корпораций (ТНК);
- приобретение реальных активов и пакетов акций предприятий-партнеров (сделки по слиянию и поглощению), аутсорсинг по взаимовыгодным контрактам;
- создание совместных рабочих групп, выбор специалистов в области оценки, построение схем покупки пакетов акций и объединения капиталов через управляющие компании;
- внедрение бизнес-процессов в области передовых технологий.

При оценке ресурсного обеспечения интеграционных процессов в качестве объектов рассматриваются:

- человеческий капитал, интеллектуальная собственность казахстанских компаний и партнеров по бизнесу;
- материальные активы, финансовые инвестиции казахстанских компаний и партнеров;
- IT-технологии, консалтинговые программы нового поколения;
- программы инновационного развития, коммерциализации, валоризации, модернизации производства на уровне государств.

В качестве барьеров и рисков успешной интеграции целесообразно выделить:

- последствия мирового экономического кризиса (изменения в глобальной финансовой системе, рост безработицы, колебательный тренд трансграничных слияний и приобретений, снижение притока прямых иностранных инвестиций);
- культурные различия потенциальных партнеров и расхождения в конечных целях интеграции;
- недостаточная компетенция инвесторов/партнеров, авторов/владельцев инновационных технологий;
- вероятность враждебного поглощения инновационных бизнес-структур компаниями-конкурентами на этапах эксплуатационной фазы реализации совместных проектов.

Анализируя современную ситуацию, можно констатировать тот факт, что интеграционные процессы на макроэкономическом уровне влекут за собой необходимость разработки эффективных

механизмов интеграции. В качестве конкретного механизма реализации корпоративной стратегии казахстанских субъектов хозяйствования путем интеграции бизнеса можно назвать сделки по слиянию и поглощению (*Merges and Acquisitions, сокращенно M&A*) (рис. 2).

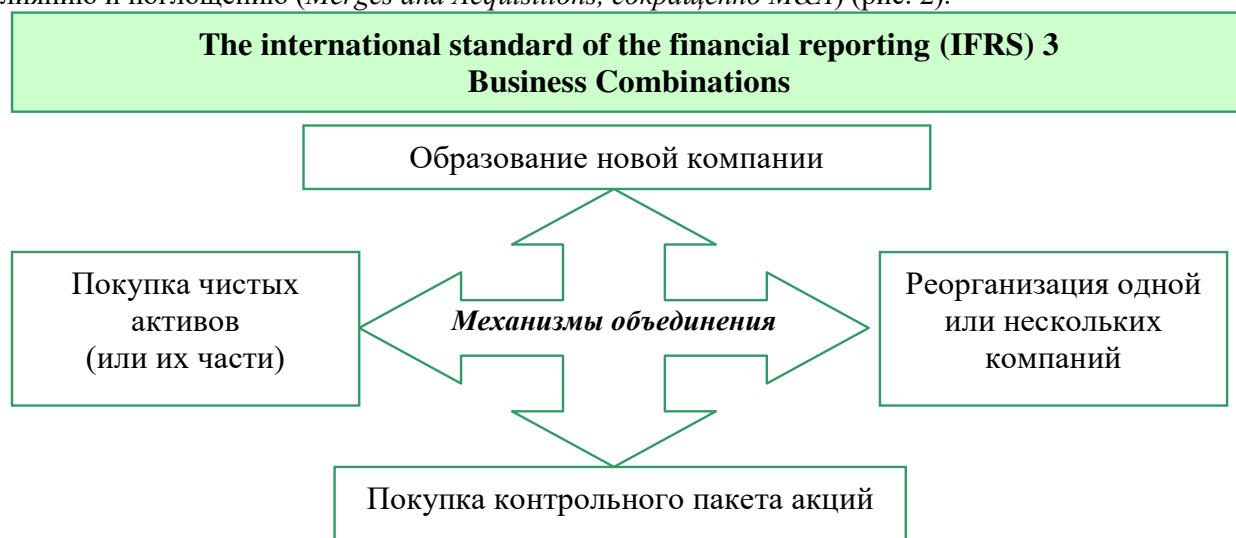

Рис. 2. Механизмы объединения компаний согласно (IFRS) 3 Business Combinations (составлено по [2])

Исторически сложилось так, что любая корпорация, которая желает увеличить свою стоимость за счет интеграции, опирается на стратегию роста, в том числе за счет сделок M&A (рис. 3).

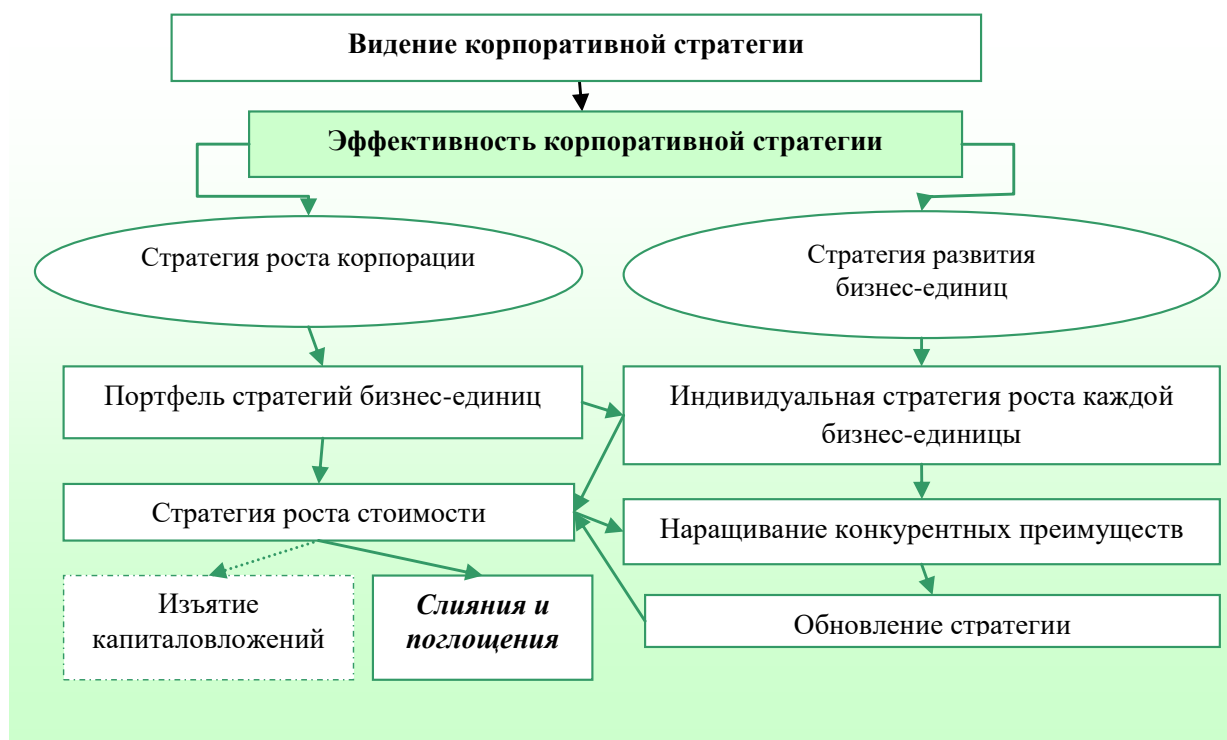

Рис. 3. Место сделок M&A в реализации корпоративной стратегии (составлено по [3])

В качестве примера успешной реализации корпоративной стратегии, основанной на росте масштабов бизнеса в горно-металлургической отрасли, рассмотрим корпоративную стратегию

крупной казахстанской корпорации Eurasian Natural Resources Corporation PLC (далее ENRC) (рис. 4).

Рис. 4. Механизм реализации стратегии корпоративного управления Группы ENRC, основанного на сделках M&A (составлено по [4])

В основе стратегии ENRC лежит миссия «достижения роста как ведущей группы в сфере добычи и переработки природных ресурсов и повышения общей ценности для ее акционеров». За период реализации стратегии корпоративного управления Группы ENRC, основанного на сделках M&A, были значительно расширены границы ее бизнеса. На данный момент ENRC осуществляет свою деятельность в Казахстане, России, Китае, Бразилии и Африке (в Демократической Республике Конго, Замбии, Мозамбике и Южно-Африканской Республике). Успешность реализации данной стратегии напрямую связана с действиями Инвестиционного Комитета при совете директоров Группы.

Главной составляющей стратегии роста выступает *программа риск-менеджмента*, которая опирается на следующие ключевые направления:

- развитие бизнеса;
- организационное развитие;
- финансовую устойчивость и ликвидность.

Развитие бизнеса. Это особое направление, которое позволило ENRC основать «низкозатратную модель производства», основанную на собственных энергетических и логистических мощностях. Для обеспечения эффективности роста разработаны и утверждены инвестиционные критерии оценки потенциальных целевых компаний. С этой целью разрабатываются формальные планы интеграции каждого приобретенного предприятия, затем осуществляется мониторинг хода их реализации.

В 2011 году утверждена *инвестиционная политика ENRC*, в которую включена политика в отношении дивестиций и продажи активов. Развитие бизнеса требует управленческих способностей

высокого уровня. Приобретение нескольких компаний за границей влечет за собой поиск модели управления, которая основана на сильном лидерстве, наличии опытной команды руководителей высшего звена. В связи с этим в функции директора по работе с кадрами Группы включены следующие сферы: разработка стратегии по работе с кадрами на 10 лет; повышение функциональных возможностей отделов кадров; неизменная приверженность высоким стандартам корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития.

Организационное развитие. Исторически сложилось так, что производственные предприятия ENRC изначально были расположены в Казахстане, а функциональное подразделение сбыта и маркетинга — в Швейцарии. Структура управления отличалась простотой по сравнению с настоящим периодом глобального развития корпорации. В течение последних трех лет прошла ревизия организационной структуры. Цель такой реорганизации — осуществление планового внедрения в масштабах ENRC практического руководства по управлению проектами.

Финансовая устойчивость и ликвидность. Начиная с 2009 года, ENRC активно внедряет стратегию роста. Географическая координата данной стратегии — это компании Казахстана, России, Бразилии, Африки. Вновь вошедшие в состав корпорации предприятия требуют финансирования проектов по модернизации производства.

В связи с этим совершенствуется процесс мониторинга и отчетности; составляется ежегодный бюджет с внутренним процессом ежеквартальных отчетов; разработан финансовый план сроком на пять лет, который призван ориентировать развитие системы финансов ENRC.

Данные меры должны сократить вероятность невыполнения обязательств по платежам, ограничение возможностей ENRC по привлечению финансирования. Кроме того, появятся доступные источники финансирования для завершения инновационных проектов и осуществления дальнейших приобретений.

В результате проведенных исследований можно сделать вывод, что наличие у современной компании четкого механизма реализации стратегии корпоративного управления, основанного на интеграции бизнеса, позволяет реализовывать эффективные сделки M&A, занимать достойные конкурентные позиции в глобальной экономике.

Список литературы

1. Назарбаев Н. «ШОС: десять лет истории»(2011) // «Российская газета», 03 июня 2011 года, «Официальный сайт Президента Республики Казахстан». – URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches/articles/shos>.
2. The international standard of the financial reporting (IFRS) 3 Business Combinations (2008) – URL: http://static.bdo.uk.com/imported/2010/3/IFRS_3_Business_Combinations.pdf.
3. Gomez, Peter; Weber, Bruno (1989): Acquisition strategy: Value increase by takeover from enterprises, Stuttgart, p.17.
4. Официальный сайт ENRC- URL: <http://www.enrc.com/about-us/our-strategy>.

Сведения об авторах

Шеломенцева Валентина Павловна, д. с. н., профессор, Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, тел. 8(7182)652659, e-mail: valshelom@mail.ru

Давиденко Людмила Михайловна, магистр менеджмента, старший преподаватель, докторант Ph. D специальности «Экономика», Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, тел. 8(7182)652659, e-mail: davidl3@rambler.ru

Shelomentseva V. P., Doctor of Sociology, professor of Pavlodar Innovation Eurasia University, phone: 8(7182)652659; 8(7182)681982, e-mail: valshelom@mail.ru

Davidenko L. M., master of management, senior lecturer, doctoral candidate for economics, Pavlodar Innovation Eurasia University, phone: 8(7182)652659, e-mail: davidl3@rambler.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

УДК 141.2

КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ В ПРОЕКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА THE CONCEPT OF NOOSPHERE IN THE PROJECTION OF THE MODERN SOCIETY

Н. А. Беззубцева

N. A. Bezzubtseva

Ключевые слова: ноосфера, ко-эволюция, кибернетика, синергетика, система
Key words: noosphere, co-evolution, cybernetics, synergetics, system

Центральная проблема, стоящая сегодня перед человечеством: как обеспечить совместную эволюцию биосферы и человека, а вместе с ней и дальнейшее развитие цивилизации. Ее решение связано с объединением усилий всего человечества, с утверждением новых ценностей, сотрудничества и взаимосвязи всего общества. Устремленность в будущее — характерная черта ноосферного учения.

The article reviews the central problem that the mankind faces today, that is how to ensure a joint evolution of the biosphere and a man and together with it a further development of civilization. The problems of origin and formation of the noosphere movement in the society are analyzed and an attempt is made to reveal the tendencies of the biosphere transformation in the modern world.

В современную эпоху особенно повышается роль научного познания. Являясь важнейшим компонентом культурного прогресса, частью духовной культуры общества, ключом поиска истины, наука оказывает существенное влияние на все стороны человеческой жизни. В период дальнейшего совершенствования общества, его качественного изменения и преобразования, когда ставится задача интенсификации науки, превращения ее в движущую силу общественно-политического, научно-технического и социального прогресса современного общества, большое значение имеют системно-философские исследования научного познания.

Среди основополагающих направлений современного научного знания и культуры важное место занимают исследования теории ноосферы, ее становления и формирования. С появлением общества и развитием науки и техники биосфера постепенно переходит в ноосферу. Знание законов организации, функционирования и развития ноосферы, понимание своего места в ее динамике является в настоящее время одним из условий человеческого существования и выживания, и поэтому приобретает мощную мировоззренческую ценность.

Философский подход к данной проблеме является универсальным, так как он конструирует целостный образ предмета исследования и раскрывает его истинный смысл. Человечество стало реально осознавать негативные последствия своей деятельности: загрязнение окружающей среды, разрушение естественных биогеосистем, нерациональное использование природных ресурсов и многие другие, которые привели к экологическому кризису. Вот почему и активизировались философские, культурологические, экономические, экологические, социально-аксиологические, психологические, правовые, педагогические и другие исследования, связанные с необходимостью понимания и прогнозирования взаимодействия человека с природным бытием. Это и дало толчок постановке и изучению проблемы возникновения и становления ноосферного знания.

Научная разработка данной проблемы необходима для более глубокого осмысления методологических путей формирования стратегии и программы регулирования и управления социально-экологическими явлениями и процессами на планете. В сложившихся условиях эколого-экономического кризиса разумным выходом из создавшейся ситуации для цивилизации является принятие идеологии реального гуманизма, поддерживаемого ноосферным движением. Однако привычная для людей антропоцентрическая картина мира не позволяет окончательно принять окружающую среду, природу как необходимое и достаточное условие для сохранения цивилизации.

Наше понимание ноосферы включает в себя современный синтетический образ. Мы определяем ноосферу в более широком планетарном масштабе как *новый этап развития биосферы, космопланетарную среду обитания человеческой цивилизации, организуемую и преобразуемую трудом и разумом цивилизованного человечества, характеризующуюся приоритетностью здоровья и экологических благ, нравственной ответственностью человека за судьбу будущих поколений на основе Истины, Добра и Красоты*. Это желание сердца жить в природосообразном окружении в

космосе и на Земле. Таким образом, понятие ноосферы подобно межклеточной жидкости, воссоединяющей все сущее в единый организм Вселенной.

Основной целью работы является системно-философский анализ ноосферного знания. В ходе реализации поставленной цели перед автором стояли следующие задачи:

- 1) реконструировать историю формирования ноосферного знания в историческом развитии философской и научной мысли;
- 2) раскрыть логико-методологические аспекты ноосферного знания;
- 3) исследовать организационно-методические аспекты ноосферного образования;
- 4) проанализировать ноосферные ориентации в современном образовании;
- 5) системно экологически осознать роль ноосферного знания в развитии биосферных наук и в безопасности жизнедеятельности людей.

Становление и формирование ноосферных идей в истории развития философской и научной мысли имело сложный многоступенчатый путь. От древних времен и до наших дней этот процесс видоизменялся и совершенствовался, привнося в свое содержание все новые и новые элементы. Динамический процесс формирования ноосферных идей не останавливается и в настоящее время, обогащаясь новыми идеями, положениями и концепциями. И процесс этот вечен и бесконечен как сам мир. Переход биосферы в ее новое состояние, как мы представляем, будет сопровождаться выработкой новых принципов согласования действий и нового поведения людей, новой нравственности, мышления, культуры, пропитанных идеями ноосферизма. Для этого потребуются смена стандартов и идеалов. По существу, это центральная проблема, стоящая сегодня перед человечеством: как обеспечить совместную эволюцию биосферы и человека, а вместе с ней и дальнейшее развитие цивилизации. Ее решение связано с объединением усилий всего человечества, с утверждением новых ценностей, сотрудничества и взаимосвязи всех народов мира. Устремленность в будущее — характерная черта ноосферного учения, которое мы представляем с позиции собственных умозаключений.

Философские исследования в своей основе имеют сложную логико-методологическую структуру. В этой сложной иерархической системе философских исследований главное место занимают коренные универсальные принципы диалектики, которые выступают в нашем исследовании как неразрывная целостная система. Именно через системные принципы раскрывается функционирование ноосферного знания. Существует огромное разнообразие принципов философского познания: всеобщей связи и взаимозависимости, движения и развития (или историзма), объективности, причинности и детерминизма, целостности и системности. Диалектика как целостная научная система, как сложная логическая структура, которая состоит из принципов, законов и категорий, может рассматриваться на различных уровнях. Наиболее высоким ее уровнем является диалектика как система принципов. Принципы, законы и категории находятся в системе диалектики в иерархической связи друг с другом. Принципы получают конкретное выражение в законах и категориях диалектики.

Современная наука занимается исследованием сложных систем с множеством элементов и связей между ними. Для более глубокого их изучения была создана кибернетика (А. А. Богданов, Н. Винер, А. И. Берг, В. М. Глушков и др.). *Кибернетика есть искусство управления*, наука об общих принципах управления. Одной из ключевых концепций тектологии Богданова является «закон наименьших» — идея о том, что стабильность системы определяется стабильностью ее самого слабого звена, то есть лимитируется крепостью самого слабого звена в системе. Для системы образования самым слабым звеном является развитие духовно-нравственного потенциала. Духовно-нравственный потенциал формируется в процессе приобщения личности к определенной системе ценностей. Функция такой системы состоит в регуляции деятельности личности. Это отношение человека к самому себе, к значимым другим (субъект-субъектные отношения), к обществу (субъект-объектные отношения), к биосфере в целом. Говоря о субъект-субъектных отношениях, следует упомянуть, в частности, о неких регуляторах, которые принято называть нормами морали, нравственности.

Духовно-нравственное воспитание всегда являлось столь необходимой, столь сложной проблемой. В последние десятилетия в силу известных социальных пертурбаций в России появились иные цели воспитания. Подходы, прежде считавшиеся классическими, подвергаются критическому переосмыслению. К нормам нравственности и духовности, их функциям в социальных системах проявляли интерес такие блестящие исследователи, как С. Л. Соловейчик, В. М. Бехтерев, Л. Н. Гумилев,

Н. Ю. Калуженская и др. Духовно-нравственная зрелость формирует адаптивно важные навыки поведения, которые обеспечивают выживание человека в окружающем мире, позволяют выработать систему ценностных ориентаций [1].

Духовно-нравственной основой ноосферного образования служит этика гражданина России, в которой уважение к природе является фундаментальной ценностью, главным принципом взаимоотношения человека и природы. Вместе с тем ноосферное образование опирается на основное правило православной этики русского народа, которое гласит, что от чистоты внутреннего мира человека зависит состояние окружающего нас мира и всей Земли. Человек на Земле лишь временный гость и окружающий мир дан ему для заботы и созидания.

Кибернетическое движение нашло отклик в развитии педагогических наук и продолжает оставаться системообразующим принципом ноосферного знания. Возрождение интереса к тектологии объясняется все большим стремлением к интегративным процессам современной науки, поиску объединяющих моделей развития, а также непомерному прогрессирующему усложнению организационных процессов во всех сферах, в том числе и в образовании.

Синергетика (Г. Хакен, И. Пригожин) как логическое продолжение принципа целостности и системности в настоящее время также получает все большее распространение не только в естествознании, но и в социально-гуманитарном познании. Основные элементы синергетики: бифуркация, флуктуация, нелинейность, необратимость, открытость и т. п. Поскольку большинство наук изучают процессы эволюции систем, постольку они вынуждены анализировать и механизмы их самоорганизации. С позиции самоорганизации весь окружающий нас мир и Вселенная представляют собой совокупность разнообразных самоорганизующихся процессов, которые служат основой любой эволюции. Не остался в стороне и процесс образования. Законы самоорганизации оказываются более адекватными именно для образовательного процесса. Идеи самоорганизации, самосовершенствования, эволюции в социальных системах проявляются в процессе жизнедеятельности людей. В образовательном процессе это развитие идет от ноосферных идей до построения логической структуры ноосферного образования. Ключ к пониманию процессов самоорганизации находится в исследовании процессов взаимодействия человека с окружающей средой. В синергетике исследуются механизмы возникновения новых состояний в процессе самоорганизации. Именно поэтому синергетика опирается на функцию положительной обратной связи, когда изменения, возникшие в системе, не подавляются или корректируются, а наоборот постепенно накапливаются и приводят к разрушению старой и возникновению новой системы. И процесс этот неизбежен. Как неизбежен процесс постепенного вхождения элементов ноосферного образования в образовательный процесс. В данном случае ноосферное образование является системой сложноорганизованной, открытой, динамически развивающейся, неравновесной, ибо равновесное состояние может привести к беспорядку и дезорганизации (по второму закону термодинамики).

Для системного подхода в исследовании ноосферного знания характерно целостное рассмотрение, установление взаимодействия составных частей или элементов совокупности, несводимость свойств целого к свойствам частей. Целостность играет роль исходного, центрального ядра в методологической функции **принципа целостности**. (В. Г. Афанасьев, И. Я. Лойфман, В. И. Табуркин, Г. А. Югай). Целостность рассматривается нами как принцип, который дает направленную программу исследований. Данный принцип исследуется со стороны единства диалектики, теории познания и логики, и с этой точки зрения более четко выявляются мировоззренческая, гносеологическая и логико-методологическая функции принципа целостности. Для того чтобы принцип целостности играл операциональную (методологическую) роль в процессе познания ноосферного движения, общие закономерности взаимосвязи и взаимодействия выражаются через следующие логические аспекты: структурно-генетический, структурно-динамический и структурно-исторический (эволюционный).

Структурно-генетический аспект, образуя первый категориальный узел, позволяет выделить параметры и границы ноосферного исследования, вычленив совокупность элементов, подсистем и их взаимосвязей. Через синтез таких понятий как структура, функциональная связь и генетическая связь, выражается противоречивость организации объективного мира. Структурно-генетический аспект принципа целостности отражает актуальный срез объекта исследования. В нем прослеживается онтогенез развития системы, а именно, каким образом отдельные части порождают множество вещей — целостных образований. При структурно-генетическом подходе объективный мир (ноосферное движение) характеризуется как сложная целостная система, состоящая из иерархии

взаимосвязанных уровней организации материи. При этом структурные единицы низшего уровня служат основой более высокого уровня. Поэтому познать целостный объект — значит вскрыть не только его внутреннюю структуру, но и связь данного целого с другим более высокоорганизованным целым, частью которого оно само является. В этом смысле любая целостность рассматривается как открытая система. В исследовании ноосферного движения можно выделить ряд уровней его организации: экологическое просвещение, эколого-гуманитарное образование, антропологическое образование, ноосферно-экологическое образование и, наконец, вершина — ноосферное образование и просвещение.

Структурно-динамический аспект принципа целостности реализуется в конкретном научном познании при помощи процессов восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, логического и исторического. Именно с помощью структурно-динамического аспекта возможно выделение внутренней основы, интегрирующего фактора развития материального и духовного мира. Значение выделения внутренней основы в процессе познания трудно оценить, ибо основная задача познания целого «состоит не только в констатации связи и упорядоченности компонентов системы, а скорее всего — в раскрытии всеобщих принципов организации системы» [2]. В связи с этим большую актуальность в исследовании ноосферного движения как целостной организации приобретает вопрос о субординирующей роли ноосферного сознания, ноосферного мышления, ноосферной культуры, ноосферного образования и воспитания, ноосферных отношений.

Структурно-динамический аспект позволяет осмыслить в ноосферном движении его внутреннюю основу, противоречивость взаимодействия, рассматривает ноосферное движение в качестве целостного понятия, части которого не только взаимодействуют друг с другом, но и находятся в соподчинении, субординации. Данные взаимоотношения строятся на таких понятиях, как «общественное бытие» и «общественное сознание». «Общественное бытие» в широком научном смысле отражает весь социальный мир во всем многообразии его уровней, свойств и отношений. В этом смысле ноосферное движение выступает как единая, саморазвивающаяся система, как высший уровень организации объективного мира, как высшая форма движения бытия. Общественное бытие людей — это и есть то объективное ноосферное движение, которое отражается в общественном сознании, определяет его и обуславливает. В узком смысле понятие «общественное бытие» соотносится с понятием «общественное сознание», оно представляет осознание обществом самого себя, своего общественного бытия и окружающей действительности, своего причастия к процессам, происходящим в биосфере. Соотношение общественного бытия и общественного сознания является исходным методологическим принципом познания социальных явлений и процессов на примере ноосферного движения.

Намеченный нами путь исследования ноосферного движения предполагает изучение не только отдельных его компонентов, выявление простого в сложном, но и изучение внутреннего единства всех частей объекта исследования. Этот путь в познании сложных объектов есть путь теоретического синтеза, посредством которого познается внутренняя необходимая связь между основными компонентами объекта исследования. Диалектико-материалистическое осмысление целостного объекта отличает прежде всего то, что «основное внимание устремляется именно на познание источника самодвижения». При этом материалистическая диалектика усматривает источник развития в противоречиях, присущих целостным, сложноорганизованным системам. В нашем исследовании это само ноосферное движение.

Через **структурно-исторический аспект** объясняются общие закономерности, направленность развития ноосферного движения. Важную роль здесь играет проблема развития применительно к исследованию ноосферных тенденций, что дает возможность получить более конкретное выражение с позиции синтеза принципов целостности и развития. На основе этого подхода полнее и глубже раскрывается конкретный механизм противоречивости развития ноосферного общества как целостной системы. Методологический анализ истории развития ноосферного движения в целом показывает, что от древних греков и до наших дней ноосферные идеи все более оформляются как учение, отражающее особый фазовый период человечества на новой ступени своего развития, «одухотворяя русскую и западноевропейскую естественнонаучную и религиозно-философскую мысль» [3].

В настоящее время ноосферная проблематика становится не только полем для научно-исследовательских работ, но и получает практически значимый статус, что дает возможность говорить о периоде формирования *целостной научно-философской ноосферной парадигмы*.

Таким образом, ноосферное движение вызревает в целостную ноосферную концепцию, ноосферное учение, становится доминирующим фактором формирования мировоззрения современного человечества. Процесс формирования ноосферного мировоззрения охватывает все основные формы духовного творчества человека и его качественное развитие. Важным звеном в этом формировании выступает ноосферное образование и воспитание, развитие биосферных наук, создание экологической безопасности людей.

Философская линия ноосферного образования — это важная системообразующая линия, поскольку включает в себя эпистемные (сущностные, научные) знания, позволяющие объединить получаемую информацию в единую, целостную картину мира. Именно философские знания способствуют самопознанию, самореализации личности, осознанию ею своего места в окружающем мире, неразрывной связи с его компонентами. Развитие ноосферных знаний способствует созданию условий ноосферного миропостроения, совершенствованию, оптимизации и гармонизации отношений в самоорганизующейся ноосферной системе, формированию ноосферного сознания и мировоззрения цивилизованного человечества.

Полагаем, что ноосферное образование, нашедшее благодатную почву в недрах экологического образования, строится на идее активной эволюции, то есть необходимости нового созидательного этапа развития Мира. Такой аспект или новый качественный уровень экологического образования, в котором ставятся приоритеты коэволюционного миропонимания, во многом определяемого Разумом, Волей и Верой человека в гармонию между миром Природы и миром Человека, можно определить как ноосферное образование. Его нравственной основой признана универсальная этика великого гуманиста XX века, представителя философии культуры А. Швейцера, который определял ее как безгранично расширенную ответственность по отношению ко всему живому, и чем пристальнее мы всматриваемся в природу, тем больше мы осознаем, что она наполнена жизнью, тем яснее становится нам, что жизнь есть тайна, и мы связаны со всем в природе [4].

Таким образом, исследование гносеологического аспекта ноосферного образования дает возможность полагать, что современное образование не может оставаться индифферентным по отношению к ноосферным идеям, создавая предпосылки формирования целостного мировоззрения в деле утверждения человеческой личности как главной ценности во Вселенной. Перспективы развития образовательной системы, как мы считаем, необходимо связывать с переходом к устойчивому развитию ноосферной ориентации. Ноосферный интеллект, становясь основным носителем общественного сознания, в ходе все более полной информатизации общества будет способствовать все большему опережению сознания относительно устоев цивилизации, формируя опережающие элементы социальной и социоприродной деятельности на благо безопасности жизнедеятельности людей.

С позиции ноосферного образования экологическая безопасность определяется как одно из важнейших направлений обеспечения безопасности человека, связанное с необходимостью восстановления нарушенного баланса взаимодействия человека и природы, гармонизации их сосуществования и рационального использования природных ресурсов. Истинной угрозой человечества является его невежество, а также инертность, конформизм и неверие в себя.

Учение о ноосфере и концепция устойчивого развития тесно взаимосвязаны. Именно сейчас, когда обострились глобальные проблемы, угрожающие цивилизации, стало наиболее очевидным, что невозможно стихийное становление ноосферы, что ее приближение возможно только благодаря социальному проектированию будущего с помощью человеческого разума и все укрепляющейся всемирной безопасности. Устойчивое развитие только тогда становится развитием ноосферным (ноосферогенезом), когда оно одухотворено разумом экогуманистической ориентации и оказывается приоритетным средством последующего непрерывного развития цивилизации в гармонии с окружающей природной средой [5].

Мы отмечаем, что проблема выживания человеческой цивилизации начинает все острее звучать в философских, социологических, политических, экономических кругах. Тому есть реальные эмпирические доказательства: истощение невозполнимых природных ресурсов, катастрофическое разрушение озонового слоя, уменьшение биотического разнообразия на планете, глобальное потепление климата. Пользуясь языком синергетики, человек и биосфера приближаются к бифуркационной точке, при достижении которой последуют необратимые изменения на планете. В связи с этим концепция ноосферы как наивысшей стадии развития биосферы, ее точки бифуркации дает возможность использовать весь наработанный в рамках учения о биосфере материал, позволяющий рассматривать закономерности совместного развития всех пластов природы и

ближнего Космоса в динамике развития ноосферы как на ближайшее будущее, так и на перспективу отдаленного будущего. Однако мы подчеркиваем, что вступление в эпоху ноосферы не должно произойти как бифуркационный скачок, а человечество с самого начала должно контролировать этот переход, разрабатывать стратегию Разума.

Безусловно, весомый вклад в формирование безопасности жизнедеятельности способны внести философские принципы и категории. Исходя из накопленных представлений о формировании экологических норм в обществе и нравственности личности, философия способна предложить стратегию внедрения принципов безопасности в общественное сознание. Влияние ноосферного образования на безопасность жизнедеятельности людей представляет широкий диапазон для философского анализа и одно из возможных направлений развития философского знания.

Мы считаем, что реализация этих решений основывается, прежде всего, на строгой научной, целостной разработке концепции ноосферы. Только при таких условиях достигается органичное единство философии, науки и культуры, более адекватно осмысливается конкретный механизм их взаимосвязи и взаимодействия. Именно при таком системном интегративном подходе современные ученые — философы, социологи, политологи, а также практики — найдут более четкие и глубокие ответы на вопросы, поставленные в ходе научно-технического и социального развития общества.

Список литературы

1. Коптюг В. А., Матросов В. М., Левашов В. К., Демянко Ю. Г. Итоги перестройки радикальных реформ и нынешнее состояние России // Новая парадигма России в XXI веке. – М., 2011.
2. Югай Г. А. Субстанциональный принцип организации живой системы. – В кн. Проблема целостности в современной биологии. – М.: Наука, 1968. – С. 8.
3. Кузнецов М. А. Философские основания ноосферного мировоззрения: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. – М.: Моск. гос. авиац. ин-т им. С. Орджоникидзе, 2011. – 365 с.
4. Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей: Мистика и этика, 2002. – 288 с.
5. Урсул А. Д. Стратегия устойчивого развития и новый этап в учении о ноосфере // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3.

Сведения об авторе

Безубуцьева Нина Александровна, к. ф. н., доцент кафедры «Социальные науки, Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел. 8(3452)453526, e-mail: ninel1157@mail.ru

Bezubtseva N. A., Candidate of Sciences in Philosophy, associate professor of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)453526, e-mail: ninel1157@mail.ru

УДК 316.6

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВУЗА, НАПРАВЛЕННАЯ НА РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ORGANIZATIONAL CULTURE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION AIMED AT DEVELOPMENT OF CREATIVE POTENTIAL AND CREATIVE ACTIVITY OF STUDENTS

В. А. Гарабажий

V. A. Garabazhyi

Ключевые слова: организационная культура вуза, творческий потенциал, творческая активность, развитие организационной культуры вуза

Key words: organizational culture of a higher education institution, creative potential, creative activity, development of a higher education institution organizational culture

Анализируется процесс развития организационной культуры вуза, направленной на развитие творческого потенциала студентов и повышение их творческой активности.

The article analyzes the process of development of the organizational culture of a higher education institution aimed at developing the creative potential of students and increasing their creative activity.

Развитие организационной культуры — сложный процесс, который должен учитывать стратегические и оперативные задачи организации. Поэтому он (процесс развития организационной культуры) предполагает не стихийные, а целенаправленные изменения, осуществляемые поэтапно [1].

Основным принципом развития организационной культуры высшего учебного заведения является соответствие культуры всем элементам системы управления вуза. На практике этот принцип означает, что при разработке или внедрении изменений в стратегию, структуру или в другие элементы системы управления высшим учебным заведением необходимо оценивать степень их реализуемости в рамках существующей организационной культуры и при необходимости разрабатывать программу по ее изменению.

Нельзя не согласиться с мнением Г. Р. Латфуллина, О. Н. Громовой, что «изменение культуры затрагивает отношения, сформировавшиеся за длительный период, поэтому процесс является сложным и болезненным для организации» [2]. Это обусловлено тем, что при изменениях в организационной культуре возникают проблемы, связанные с сопротивлением сотрудников этим изменениям. В отличие от предприятия проблема сопротивления изменениям в вузе будет еще более актуальной в силу многочисленности участников организации, различных по возрасту, уровню образования, статусу, а также наличию множества субкультур.

Развитие организационной культуры возможно только на основании ее предварительного анализа и оценки. Поэтому для выявления проблем в организационной культуре вуза, препятствующих развитию творческого потенциала и творческой активности студентов, автор статьи предлагает следующий алгоритм действий (рис. 1).

Рис. 1. Процесс анализа организационной культуры вуза с целью выявления проблем, препятствующих развитию творческого потенциала и творческой активности студентов

Развитие организационной культуры вуза, способствующей формированию и развитию творческого потенциала студентов, предполагает изменения в каждом из составляющих элементов организационной культуры высшего учебного заведения.

- Морально-психологический климат в коллективе: проведение тренингов по

командообразованию; проведение совместных (преподаватели со студентами) культурных, научных, творческих мероприятий; реализация лично-ориентированного и индивидуально-ориентированного подходов в преподавании.

- Образовательный процесс: внедрение в образовательный процесс инновационных технологий обучения; повышение мотивации преподавателей к совместному со студентами творчеству; ориентация вузовских программ на творческое развитие студентов; внедрение лично-ориентированного подхода в процесс обучения.

- Внеучебная работа: повышение престижности творческой деятельности, в том числе научно-исследовательской; построение внеучебной работы с учетом предпочтений студентов; повышение информированности студентов о творческих направлениях вуза; разработка системы поощрения творческой активности студентов.

- Воспитательная работа: переход от воспитательной системы к ценностно-ориентированной; пропаганда ценностей духовного развития, профессионализма, творческой активности.

- Традиции: сохранение традиций вуза, демонстрирующих престижность творческой деятельности и их приумножение.

- Миссия, стратегия: разработка стратегии вуза, культивирующей ценности развития творческого потенциала в студенческой среде.

При реализации обозначенных мероприятий необходим постоянный процесс информирования сотрудников и студентов вуза о том, что важно для организации, почему это важно. Это поможет существенно уменьшить уровень сопротивления преподавателей и студентов привносимым в оргкультуру изменениям.

Механизмы реализации мероприятий в рамках развития организационной культуры вуза представлены ниже.

- Сбор, обработка и передача информации. Данный метод предполагает открытое обсуждение идей и мероприятий, чтобы помочь преподавателям и студентам убедиться в необходимости изменений в организационной культуре вуза. Для этого можно использовать различные формы передачи информации: индивидуальные беседы, выступления в студенческих группах, проведение тренингов с преподавателями и т. д.

- Привлечение самих студентов и преподавателей к принятию решений. Этот метод позволяет и студентам, и преподавателям, которые настроены против изменений в организационной культуре вуза, свободно выразить свое мнение в отношении потенциальных проблем.

- Поддержка, с помощью которой и преподаватели, и студенты легче адаптируются к новой обстановке. Например, преподавателю можно оказать эмоциональную поддержку, помочь повысить квалификацию, что позволит ему справиться с новыми требованиями.

- Переговоры для обеспечения инноваций. Например, руководство вуза, чтобы получить поддержку со стороны преподавателей, может обсудить с ними предложения о системе поощрения студентов, участвующих в творческих проектах.

- Кооптация — предоставление сотруднику или студенту, которые могут оказать или оказывают сопротивление, ведущей роли в принятии решений, направленных на развитие организационной культуры вуза.

- Маневрирование — составление четкого графика инновационных мероприятий с целью оказать желаемое воздействие на сотрудников и студентов для уменьшения их сопротивления изменениям в организационной культуре вуза.

- Принуждение — с целью получения согласия на изменения в организации: для студентов, например, угроза продвижения по курсам обучения; для преподавателей — угроза продвижения по карьере, повышения заработной платы.

Каждый механизм имеет свои преимущества и недостатки. Руководители должны эффективно оценивать ситуацию и выбрать наиболее подходящий из них (таблица).

***Преимущества и недостатки механизмов реализации мероприятий
по развитию организационной культуры вуза***

Механизм	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Образование и передача	Может помочь получить согласие	Может потребовать немало времени,

информации	на перемены со стороны преподавателей и студентов, когда их убедят	если в этот процесс вовлечено много людей
Привлечение самих студентов и преподавателей к принятию решений	Может помочь преподавателям и студентам осознать необходимость перемен и получить их обязательство помогать этому	Может потребовать много времени и привести к ошибкам в проведении перемен
Облегчение и поддержка, с помощью которых и преподаватели, и студенты легче адаптируются к новой обстановке	Оптимальная тактика для решения личных проблем	Может отнять много времени и не помочь

Механизм	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Переговоры для обеспечения новшеств	Можно сравнительно легко избежать основного сопротивления со стороны преподавателей и студентов	Во многих случаях может стоить дорого; может настроить других добиваться согласия уговорами
Кооптация	Может найти поддержку в проведении перемен (но меньшую, чем участие преподавателей и студентов в принятии решений)	Может создать проблемы, если преподаватели и студенты распознают кооптацию
Маневрирование	Может помочь сравнительно быстро и недорого решить проблемы сопротивления изменениям со стороны преподавателей и студентов	Инициаторы изменений могут лишиться какой-либо доли доверия к себе
Принуждение	Может быстро преодолеть любой вид сопротивления	Может создать у преподавателей и студентов недоброе отношение к инициаторам перемен

Поскольку развитие организационной культуры — процесс длительный, необходима систематическая оценка результатов, достигнутых на каждом последующем этапе изменений. Оценка организационной культуры с точки зрения нацеленности ее на развитие творческого потенциала студентов, а также повышение их творческой активности возможны посредством определенных критериев (рис. 2).

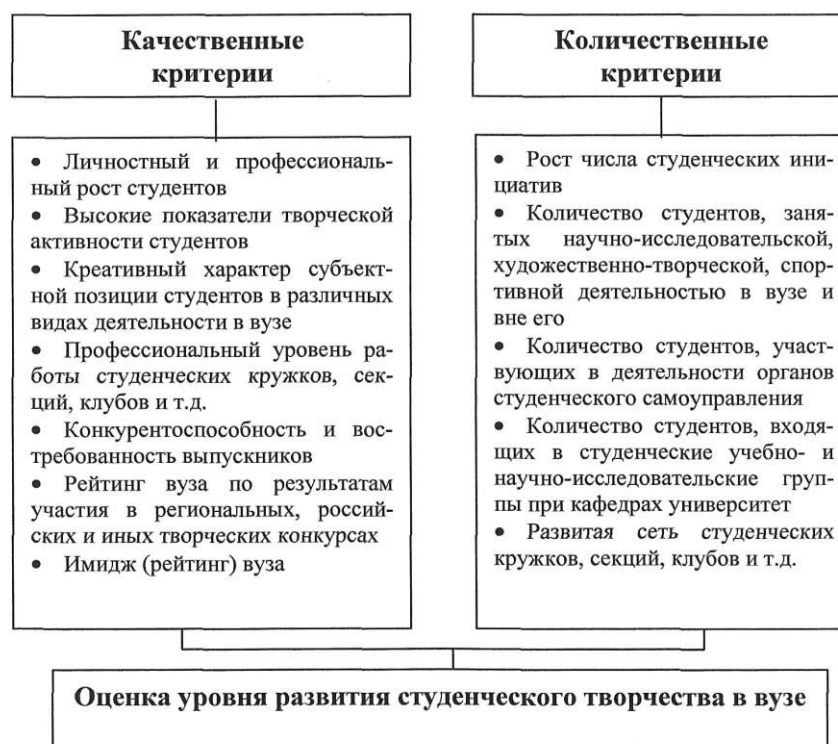

Рис. 2. Критерии оценки элементов организационной культуры, оказывающих влияние на творческую активность студентов

Таким образом, организационная культура вуза — это не только условие эффективного проведения организационных изменений, но и самостоятельный объект управления, ее можно формировать, поддерживать и развивать.

Предложенные в статье направления развития организационной культуры вуза при условии грамотно выбранного механизма реализации помогут существенно усовершенствовать организационную культуру вуза, что будет способствовать развитию творческого потенциала

студентов и повышению их творческой активности.

Список литературы

1. Смирнова И. А. Корпоративная культура организации. Психолого-акмеологические основы формирования и развития. – М.: КДУ, 2009.
2. Организационное поведение. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. Г. Р. Латфуллиной, О. Н. Громовой. – СПб.: Питер, 2010. – 460 с.

Сведения об авторе

Гарабазжий Виктор Александрович, доцент кафедры «Маркетинг и муниципальное управление», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)208456

Garabazhnyi V. A., associate professor of the chair «Marketing and municipal management», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)208456

УДК 303.446.4

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ PERIODICALS AS A SOURCE FOR STUDY OF THE SOVIET PERIOD EVERYDAY HISTORY

М. С. Жулева
M. S. Zhuleva

Ключевые слова: повседневность, социология повседневности, «структуры повседневности», источники изучения повседневности, контент-анализ, периодическая печать

Key words: everyday life, everyday history, «structures of everyday life», sources of everyday life study, periodicals

Анализируется понятие повседневности и дается формулировка понятию «социология повседневности» как популярному направлению современного социологического знания, обращение к которому позволяет перейти от анализа абстрактных процессов и структур к анализу конкретной ситуации, проблемам, поступкам, жизни обычного человека. Среди многообразия источников социологического исследования повседневности особое место отводится периодической печати — «зеркалу нашей жизни». Рассматривается метод контент-анализа, позволяющий работать с газетным материалом, извлекать из него нужную информацию.

This article reviews the concept of «the everyday history» as popular directions of modern human knowledge. It is stated that the appeal to these trends permits one to go from the analysis of abstract processes and structures to the analysis of the specific situation, the problems and behavior in life of an ordinary person. Among the variety of sources of research of everyday life a special accent is made on the periodicals considered as «a mirror of our life». The methodology of work with a newspaper material with specific features of the Soviet press study is also given in this article.

Сегодня все чаще социальные науки обращаются к конкретным повседневным практикам, чтобы понять, что есть социальное [1]. Такие понятия, как повседневная жизнь, повседневное действие, повседневное знание, повседневное сознание, становятся обязательными компонентами социологического языка и языка других научных дисциплин: истории, философии, психологии, антропологии, лингвистики. Каждая из этих дисциплин обращается к повседневной жизни, сосредотачивая внимание на ее определенных аспектах. Единой признанной дефиниции повседневности не существует. Социологи иногда употребляют ее как синоним «повторяемости, рутинности, постоянства» [2], «сферы социальных практик» [3]. Философы связывают повседневность с рациональностью, упорядоченностью, привычкой [4], понимают под ней то, что окружает каждого человека в любой момент его жизни [5]. Этнографы объясняют повседневность как «быт». Нет согласия во мнениях у историков: одни из них подразумевают под повседневностью сферу частной жизни, охватывающей вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения, другие рассматривают жизнь трудовую, те модели и отношения, которые возникают на рабочем месте [6].

Самое главное — это не повседневность или социология повседневности, а тот, кто стоит в ее центре. Социология повседневности обращается к жизни тех людей, которые включены в социальный процесс как рядовые участники. Она стремится показать социальные реалии, которые осуществляются в практике живущих людей. Социология повседневности — это «социология жизни», позволяющая обществу обрести знание о себе самом для практических действий. Таким

образом, центральными в социологическом анализе повседневности являются рутинные отношения между людьми, способ мышления, который складывается на основе ежедневного опыта, социальные нормы и формы поведения на основе этих социальных норм, которые опять же возникают в результате обыденной жизни. «Структуры повседневности» включают все то, из чего складывается жизнь человека: условия, потребности (питание, жилище, одежда, медицина) и возможности их удовлетворения. Это также и весь спектр соответствующих взаимоотношений, поступков, желаний, идеалов, обычаев и традиций, ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей, индивидуальную и коллективную практику, формы коммуникаций.

В центре внимания «социолога повседневности» находится материальная и культурная среда, в которой происходит удовлетворение потребностей в пище, одежде, жилище, влияние тех или иных событий на повседневный быт человека и образ мыслей людей, их страхи, переживания, радости, идеалы, эмоциональные реакции на существующие правила и законы.

Перечисление тем и проблем можно продолжить, так как эта проблематика безгранична. Соответственно и источники изучения повседневности разнообразны. Это и данные статистики, и ведомственные отчеты (больниц, отделов здравоохранения, жилищного строительства, транспорта, коммунального хозяйства), акты обследования учреждений (столовых, школ, детских садов, поликлиник, больниц), письма, обращения, заявления, жалобы граждан, анкеты, личные персональные дела, судебно-следственные материалы. Исключительное значение имеют биографии, мемуары, дневники рядовых граждан. Данные источники позволяют понять человека, его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах. Источником особого рода, помогающим исследовать обозначенную проблематику, является художественная литература. Несмотря на специфику художественной литературы: неизбежность субъективного подхода автора, право последнего на вымысел и фантазию, художественные произведения зачастую содержат ценные наблюдения и сведения о человеческой психологии, людских взаимоотношениях и настроениях в то или иное время, ту или иную эпоху.

Важным социологическим источником для изучения повседневности является периодическая печать. Своеобразие прессы заключается, во-первых, в ее многоплановости. Это синтетический материал, включающий в себя самую разнообразную по жанру, происхождению, содержанию информацию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, заметки, отчеты, репортажи, интервью, объявления, беллетристику, некрологи и т. д. Во-вторых, в злободневности, оперативности обнародования общественно значимой информации. Периодика — это так называемая «повседневная летопись событий» [7], дающая представление о политической истории, сознании, уровне культуры общества.

В социологии метод контент-анализа позволяет работать с газетным материалом, извлекать из него нужную информацию. Достигается это с помощью количественного и качественного анализа. Первый рассматривает частоту отдельных тем, слов, символов, содержащихся в тексте источника; второй — учитывает наличие или отсутствие какой-либо характеристики, имеющейся в документе.

Таким образом, применяя контентный анализ, первоначально нужно определить наличие в периодических органах необходимых материалов по интересующей проблеме. Далее следует их фронтальное, тщательное изучение, все выявленные факты должны обобщаться, систематизироваться, группироваться тематически. В исследовании повседневности это — изучение, в первую очередь, демографического аспекта: поиск и систематизация материала по проблемам рождаемости и смертности, заболеваний и медицинского обслуживания, жилья и благоустройства. К демографии формально примыкают проблемы брака, семьи, любви, сексуальной жизни, поэтому далее следует искать и систематизировать материалы, раскрывающие интимные отношения, взаимоотношения поколений, воспитания детей и т. д. Нельзя забывать и о сфере досуга: здесь, как и по всем другим направлениям, можно выделить множество сюжетов, начиная с физкультуры и спорта и заканчивая дворовыми любителями игры в домино.

Важно обратить внимание на то, как подан газетный материал, есть ли анализ опыта, оценка эффективности того или иного мероприятия, сравнение, сопоставление и выводы по затронутым вопросам. Такая аналитическая направленность материалов позволяет глубже понять научно-историческую ценность опубликованной информации. Необходимо учитывать реакцию, отклики общественности на опубликованные материалы, а также то, какие решения были приняты государственными органами или учреждениями по вопросам, поднятым в печати. При работе с периодикой следует принимать во внимание опровержение редакции на опубликованные материалы

и исправления допущенных опечаток. В газетах могут быть опубликованы материалы, не прошедшие достаточной проверки и не соответствующие действительности. Поэтому следует проводить глубокий критический анализ напечатанного. Для этого, прежде всего, необходимо установить источники получения информации. Наиболее действенной формой является обращение к архивным документам, содержащим сведения по вопросам, которые затрагиваются газетами.

Можно также провести изучение всего комплекса содержащегося в газете материала по интересующему вопросу. Если имеющиеся сведения в данной газете неоднократно подтверждаются материалами других газет или в газете имеется параллельный материал о тех же событиях и явлениях, то сам факт можно считать установленным. Тщательно сопоставив все материалы газет, можно выявить подлинный ход событий.

Таким образом, периодическая печать, и в первую очередь газета, является важнейшим и незаменимым источником для исследования повседневности. Использование метода контент-анализа в изучении повседневности дает возможность измерить (выразить) изучаемый материал в виде данных, исследовать тексты, исходя из функций отдельных понятий, систематизировать и анализировать большие массивы информации.

Список литературы

1. Борсяков Ю. И. Философские основания феномена повседневности // Культурология. – 2012. – № 2. – С. 142-143; Елисеев А. Б. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: сб. науч.ст. / Ред.-сост. Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. – 384 с.; Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.; Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. – 2009. - № 8. – С. 3-13.
2. Савченко Л. А. Социология повседневности. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2000. – 200 с.
3. Козлова О. Н. Повседневность как источник и итог социального бытия // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 6. – С. 69-82.
4. Вальденфельд С. Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Социологос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39-50.
5. Вахонина О. В. Мерные характеристики повседневности: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997. – 156 с.
6. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 336 с.
7. Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. – М.: Высшая школа, 1976. – 296 с.

Сведения об авторе

Жулева Мария Сергеевна, к. и. н., доцент кафедры социальных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)453526

Zhuleva M. S., Candidate of Sciences in History, associate professor of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)453526

УДК 316.4:811.512.122

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

**INFLUENCE OF LANGUAGE FACTORS UPON DEVELOPMENT
OF KAZAKHSTAN POPULATION CULTURE**

К. К. Койше

K. K. Koishe

Ключевые слова: этническое самосознание, культура, казахский язык, казахское население, провинциальный город

Key words: ethnic self-consciousness, culture, Kazakh language, Kazakh population, provincial town

Рассматриваются языковые аспекты этнического самосознания, оказывающие влияние на культуру казахского населения. Результаты анкетного опроса, проведенного в среде казахского населения провинциальных городов юга Тюменской области, показали, что наблюдается ассимиляция родного языка с государственным языком страны пребывания.

The paper reviews the language aspects of ethnic self-consciousness influencing upon the culture of the Kazakh population. The results of the questionnaire carried out among the Kazakh population in the rural towns of the Tyumen

region south areas demonstrated that there occurs an assimilation of the native language by the state language of the country of residence.

При анализе языковых факторов в среде казахского населения необходимо учитывать многоуровневый характер этого явления с присущими ему этнокультурными, социально-психологическими, экономическими, политическими аспектами. При этом анализ аспектов должен осуществляться в их тесной взаимной связи и зависимости.

При проведении социологического исследования автор выявил тенденции этнического самосознания, изучил социологический аспект явления этнической идентификации и определил у казахского населения юга Тюменской области степень владения родным языком, знания элементов традиционной культуры, являющихся важнейшими признаками идентификации этноса.

По результатам исследований, этническая самоидентификация достаточно устойчива и носит позитивную направленность. Например, 79,4 % казахов, проживающих в провинциальном городе, выразили удовлетворение своей национальной принадлежностью; противоположного мнения придерживаются 5,7 % респондентов. Чуть более десяти процентов респондентов (12,0 %) затруднились дать ответ. Число респондентов, не придающих значения своей национальной принадлежности, составило соответственно 2,9 %. По мнению автора, в условиях провинциального города существует среда, вырабатывающая удовлетворенность своей национальностью и гордость за принадлежность своему народу. Этот вывод подтверждается и ответами казахов на вопросы языкового блока анкеты.

- Более образованные респонденты чаще выражают удовлетворенность своей национальностью, чем респонденты, получившие начальное или неполное среднее образование.

- Неудовлетворенность своей национальной принадлежностью чаще высказывают респонденты, получившие неполное среднее и среднее образование и респонденты возрастной категории до 20 лет.

- Респонденты, состоящие в однонациональном браке, чаще выражают удовлетворенность своей национальностью, чем респонденты, состоящие в межэтнических браках.

- Мужчины чаще женщин высказывают удовлетворенность своей национальной принадлежностью.

По данным исследования, обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этническим критериям идентификации над этнокультурными и психологическими. Если для 55,2 % казахов, проживающих в провинциальном городе, определяющее значение имеет происхождение, то есть национальность родителей (национальность отца — 51,2 % и национальность матери — 4,1 %); то 14,0 % участников анкетного опроса указали, что национальность следует определять по родному языку, а 24,4 % — по желанию самого человека. Как видим, на уровне обыденного сознания каждый второй респондент, проживающий в провинциальном городе, идентифицирует личность по национальности родителей. Лишь 4,1 % опрошенных увязывают определение национальности с гражданством. На анкетные данные обращают внимание 2,3 % участников опроса.

Язык и культура сближают человека с конкретной общностью. Распространение национального языка, его использование из поколения в поколение, трансляция теле- и радиопередач, издание газет и журналов на родном языке вызывают чувство гордости за свой народ. Кроме того, язык способствует сохранению самобытной культуры любого этноса. Таким образом, язык и культура как косвенные индикаторы этнической самоидентификации являются неотъемлемыми элементами национальной самоидентификации личности независимо от того, где она проживает — в условиях больших, средних или малых городов. Безусловно, сохранять язык и передавать его от поколения к поколению в условиях провинциального города легче, поскольку у казахов в одном доме часто проживают представители нескольких поколений; больше возможностей найти брачного партнера своей национальности, чаще посещать родственников и др.

Проведенные исследования показали, что разрыв с культурой своего этноса наблюдается и у представителей казахского населения, проживающего в провинциальном городе. Это подтверждается ответами респондентов на вопросы, затрагивающие языковые процессы.

Первый вопрос данного блока (Какой язык лучше всего знаете?) выявил, что около пятой части опрошенных (19,0 %) лучше всего знают казахский язык, чуть более четверти опрошенных — русский язык, а каждый второй (50,6 %) ответил — родной и русский (табл.1).

Для сравнения приведем ответы на данный вопрос представителей кавказских диаспор, проживающих на юге Тюменской области. Более трети кавказского населения (37,5 %) и чуть меньше половины представителей кавказских диаспор лучше всего знают русский язык, каждый соответственно 62,5 и 55,4 % опрошенных ответили — родной язык (даргинский, ингушский, чеченский, осетинский, балкарский, кабардинский).

Таблица 1

Языковые предпочтения респондентов, в процентах к общему числу ответивших

Вопросы	Язык		
	казахский	русский	казахский и русский
Какой язык лучше всего знаете	19,0	28,7	51,8
Язык детства	29,4	17,1	53,5
Язык, на котором говорите дома	22,5	18,5	58,9
Язык, на котором общаетесь на работе	7,0	68,0	25,0
Какому языку научили или собираетесь научить своих детей	15,5	69,5	14,9

Вызывает тревогу то обстоятельство, что более четверти казахов (28,7 %) ответили, что лучше всего знают русский язык. Казахский язык был языком детства только для 29,4 % респондентов. Одновременно только каждый четвертый участник анкетного опроса указал, что дома общается на казахском языке. Причем на работе число общающихся на казахском языке меньше в три раза — 7,0 %. В производственной сфере, то есть на работе, большинство представителей казахского населения вынуждены говорить только на русском языке. Вызывает тревогу то обстоятельство, что более половины опрошенных казахов (69,5 %) научили или собираются научить своих детей русскому языку.

Как было отмечено выше, знание и свободное владение родным языком наделяет человека особым статусом хранителя, носителя и транслятора традиционной культуры, традиционного образа жизни. По результатам опроса (табл. 2), к таковым можно отнести почти все казахское население, проживающее в провинциальном городе. Следует отметить, что анализ ответов респондентов на данный вопрос в зависимости от возраста и образования выявил следующие тенденции. С повышением возраста уменьшается число казахов, не владеющих родным языком или владеющих языком не в совершенстве (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка степени владения родным языком в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Степень владения	Все респонденты	Возраст				
		до 20	21–30	31–40	41–50	старше 51
Владею свободно, разговариваю, пишу	30,9	42,9	20,7	34,2	37,8	14,3
Разговариваю, могу читать	28,6	7,1	44,8	26,0	27,0	21,4
Только разговариваю	21,1	28,6	10,3	15,1	27,0	50,0
Языком не владею	9,7	14,3	6,9	12,3	5,4	7,1
Не знаю, но хочу выучить	2,8	0,0	3,4	4,1	0,0	7,1

Не знаю, изучение языка не входит в мои планы	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Знаю плохо	5,7	7,1	13,8	5,5	2,7	0,0
Затрудняюсь ответить	1,1	0,0	0,0	2,7	0,0	0,0

С другой стороны, более образованные казахи владеют языком свободно, могут разговаривать и писать. Одновременно с повышением возраста уменьшается число казахов, которые могут разговаривать и читать на казахском языке. Респонденты возрастной категории до 20 лет чаще других указывали в своих ответах желание выучить родной язык (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами степени владения родным языком в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Степень владения	Образование					
	без образования	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	высшее
Владею свободно, разговариваю, пишу	25,0	40,0	0,0	18,4	27,3	45,2
Разговариваю, могу читать	37,5	40,0	25,0	26,3	27,3	29,0
Только разговариваю	12,5	20,0	25,0	28,9	25,4	14,5
Языком не владею	12,5	0,0	50,0	7,9	10,9	6,4
Не знаю, но хочу выучить	12,5	0,0	0,0	2,6	3,6	0,0
Не знаю, и изучение языка не входит в мои планы	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Знаю плохо	0,0	0,0	0,0	10,5	5,4	4,8
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,0	5,3	0,0	0,0

Исходя из ответов респондентов (см. табл. 3), видно, что владеют свободно языком, разговаривают, пишут и читают 59,5 % казахского населения, а 21,1 % — только разговаривают. Следует отметить, что 12,5 % участников анкетного опроса ответили, что языком не владеют.

Свободное владение русским языком характерно для всех респондентов. Почти во всех возрастных группах (кроме 60 и более лет) 100 % опрошенных отметили свободное владение русским языком. В возрастной группе 60 и более лет 29,6 % говорят плохо на русском языке.

При анализе степени владения казахским и русским языками в зависимости от школьного образования респондентов выявлено, что 30,9 % окончивших школу на русском языке свободно владеют казахским языком; степень владения бытовым казахским языком в данной группе составила

64,9 %. В свою очередь, 77,1 % респондентов, окончивших школу на казахском языке, свободно владеют русским языком. Таким образом, степень свободного владения русским языком у казахов, окончивших школу на казахском языке, в 2,5 раза превышает показатель свободного владения казахским языком у лиц, окончивших школу на русском языке. Получается следующее: казахи, окончившие школу на родном языке, владеют высокими формами русского языка, то есть знание казахского языка не отражается на знании русского языка.

Рассматривая степень владения казахским и русским языками в зависимости от уровня образования, можно выявить следующую тенденцию: чем выше уровень образования респондента, тем ниже показатель свободного владения казахским языком. Самые высокие данные по степени свободного владения казахским языком получены в группе малограмотных респондентов и равны 72,2 %. Наименьший показатель по степени свободного владения казахским языком в группе респондентов с незаконченным высшим образованием (16,1 %). Число лиц, отметивших свободное владение русским языком, наоборот, увеличивается с повышением уровня образования респондента. Это соответствует полученным данным по степени владения казахским и русским языками в зависимости от возраста респондентов. В группу лиц малограмотных входят респонденты 60 и более лет, а в группу лиц с незаконченным высшим образованием — респонденты до 25 лет.

Автор считает, что средства массовой информации в настоящее время не способствуют в должной степени развитию культуры представителей казахского населения в условиях

полиэтнического государства, а также не позволяют поддерживать и развивать духовные и этнические ценности не только у представителей своего этноса, проживающих на юге Тюменской области, но и у тех, кто живет на родине — в Республике Казахстан.

Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопросы о том, смотрят ли они телепередачи и слушают ли радиопередачи на родном языке. Анализ ответов показал, что три четверти казахского населения, проживающего в провинциальном городе, в отличие от своих этнических собратьев не смотрят телепередачи на родном языке. Это связано, по мнению половины опрошенных, с тем, что передачи на родном языке не транслируются или телевизионный канал в населенном пункте отсутствует. Кроме того, три четверти казахского населения, проживающего в провинциальном городе, не слушают радиопередачи на родном языке, так как они не транслируются, или в населенном пункте нет радиоточки. Анализ причин, которые не позволяют смотреть телепередачи или слушать радиопередачи на казахском языке, позволяет сделать вывод, что это связано, в первую очередь, с отсутствием радио- и телепередач на казахском языке, поскольку только 4,5–6,9 % респондентов указали, что языком не владеют.

В ходе этносоциологического опроса информаторами было отмечено, что есть желание смотреть передачи на казахском языке, однако на сегодняшний день нет такой возможности. Таким образом, сложно сделать вывод о предпочтении выбора языка передач, поскольку респонденты не имеют права выбора, так как вся информация, поступающая из СМИ, только на русском языке.

Каждый человек должен иметь право выбора. Если этого нет, то налицо факт ущемления его прав как гражданина своей страны. Таким образом, для молодого поколения казахов казахский язык становится языком своей национальности, родным же языком является русский. Казахский язык сохраняет свои позиции среди лиц старшего возраста. В среде казахов прослеживаются те же процессы, что и в целом в казахской диаспоре: ассимиляция родного языка с государственным языком страны пребывания.

Сведения об авторе

Койше Кенесар Куанышевич, к. с. н., доцент кафедры социальных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 89129976797

Koishhe K. K., Candidate of Sciences in Sociology, associate professor of the chair of social sciences, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 89129976797

УДК 355.332:37.04

ДИАГНОСТИКА КУЛЬТУРЫ ОФИЦЕРА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД **DIAGNOSIS OF CULTURE OFFICER: A SYSTEMS APPROACH**

В. Р. Коновалов

V. R. Konovalov

Ключевые слова: культура офицера, техническая культура, дополнительное образование, повышение квалификации, военная служба

Key words: culture officer, technical culture, additional education, training, military service

Диагностируются проблемы развития технической культуры офицеров в системе дополнительного профессионального образования и предлагаются конкретные мероприятия для ее формирования. Выводы автора основаны на результатах собственных эмпирических исследований, проведенных в 2011–2012 гг.

Diagnosed problems of technical officers in the culture system of additional vocational education and proposes concrete measures for its formation. The author's conclusions are based on the results of own empirical research carried out in 2011-2012.

Образование офицера происходит непрерывно и вызывает необходимость регулярной диагностики его культуры. При этом культура офицера автором рассматривается как компонент дополнительного профессионального военного образования, выполняющий системную функцию формирования полноценного представления о технической культуре офицера в ее текущем состоянии и развитии. Система диагностики развития технической культуры офицера позволяет получить информацию об уровне развития технической культуры офицера в сравнении с эталонным; об индивидуальных особенностях технической культуры офицера, ее сильных и слабых сторонах; о

трудностях и противоречиях, возникающих в процессе самостоятельного развития технической культуры, возможных способах их преодоления. На основании анализа данной информации определяются прогнозы и индивидуальные стратегии самостоятельного развития культуры офицера; дается заключение о профессиональной компетентности офицера и его карьерных перспективах с учетом потенциала в развитии технической культуры.

По мнению автора, система диагностики технической культуры офицера включает следующие компоненты:

- критерии диагностики;
- показатели оценки состояния технической культуры офицера;
- инструменты сбора эмпирических данных и проверки их достоверности;
- анализ данных, формирование обобщений и качественной оценки уровня развития технической культуры офицера;
- измерительные линейки;
- характеристики уровней развития технической культуры офицера;
- учет и наблюдение развития технической культуры офицера.

Изучение мотивов выбора работы с техникой как условия личностной и профессиональной самореализации предусматривает получение представлений о составе мотивов взаимодействия офицера с техникой, в том числе и задающих отрицательную направленность, построение иерархии мотивов, разделение их на ситуативные и устойчивые. Оценка мотивационной сферы может производиться с помощью показателя — *полнота и устойчивость положительных мотивов взаимодействия офицера с техникой*.

Интересы и склонности офицера, связанные с техникой, поддаются изучению достаточно трудно. Трудность заключается в том, что они отражаются в профессиональной деятельности лишь косвенно, большая часть интересов и склонностей относится к личной жизни офицера, следовательно, в их изучении наиболее активное участие должна принимать сама личность. Изберем в качестве показателя *наличие связи основных интересов и склонностей с техникой*, а в качестве инструментов оценки — анкетирование, индивидуальные беседы и обобщение независимых характеристик.

При изучении перспектив профессионального и личностного развития офицера нас, прежде всего, интересуют два момента: насколько эти перспективы реальны и, если они реальны, то какую роль в них офицер отводит развитию своей технической культуры. Поэтому в качестве показателя оценки нами избрана *роль технической культуры в обеспечении перспектив* с использованием для самой оценки тех же самых инструментов, что и в предыдущем случае.

В обобщенном виде критерии, показатели, а также инструменты сбора эмпирических данных, позволяющих оценить состояние качеств, формирующих техническую культуру офицера, представлены в таблице.

Критерии, показатели и инструменты сбора данных для оценки технической культуры офицера

Компонент	Критерии	Показатели	Инструменты сбора эмпирических данных
Когнитивный	Достаточный когнитивный потенциал	Полнота и функциональность технических знаний	Обобщение независимых характеристик, анализ результатов профессиональной и учебно-профессиональной деятельности, беседа
		Продуктивность интеллекта	Анализ результатов продуктивной учебной деятельности, выявление зоны ближайшего развития технической культуры
		Широта технического кругозора	Беседа, анализ результатов профессиональной деятельности
ят ел ьн ос тн ы	де ят ел ьн ос тн	Владение необходимыми технологиями	Анализ результатов

		военно-профессиональной деятельности, связанными с техникой	профессиональной деятельности, обобщение независимых характеристик, моделирование ситуаций
		Актуальность опыта взаимодействия с техникой	Изучение личных дел, обобщение независимых характеристик, беседа
		Творческая активность	Анализ результатов профессиональной деятельности, обобщение независимых характеристик, беседа, наблюдение

Компонент	Критерии	Показатели	Инструменты сбора эмпирических данных
Аксиологический	Достаточный аксиологический потенциал	Значимость техники для офицера	Экспресс-диагностика социальных ценностей личности
		Роль техники в формировании жизненных смыслов	Анкетирование
		Развитие внутренней ответственности офицера при работе с техникой	Обобщение независимых характеристик, анализ результатов профессиональной деятельности
Нормативный	Достаточный нормативный потенциал	Сформированность нравственной сферы	Обобщение независимых характеристик, анализ результатов профессиональной деятельности
		Развитие внутренней ответственности офицера при работе с техникой	Обобщение независимых характеристик, анализ результатов профессиональной деятельности
Направленность	Действительность направленности	Полнота и устойчивость положительных мотивов взаимодействия офицера с техникой	Беседа, анкетирование, ранжирование мотивов
		Наличие связи основных интересов и склонностей с техникой	Анкетирование, беседа, обобщение независимых характеристик
		Роль технической культуры в обеспечении перспектив	Анкетирование, беседа, обобщение независимых характеристик

Далее перейдем к основному инструменту, с помощью которого выносятся качественная оценка технической культуры офицера. При его выборе мы сталкиваемся с основной проблемой педагогической квалитметрии — проблемой измерения субъективных явлений. Наиболее остро она формулируется в работах С. И. Архангельского, которому удалось заложить основы объективного контроля за ходом и результатами педагогических процессов.

Применяя метод экспертной оценки в диагностике технической культуры офицера, мы рассчитываем получить от каждого эксперта оценку того или иного ее компонента в баллах, с помощью которой мы сможем оценить существующее состояние технической культуры офицера в контрольной точке. Затем в процессе совещания экспертов следует сформировать общее мнение о прогнозах развития технической культуры офицера, трудностях и противоречиях в этом процессе, а также выработать рекомендации по организации самообразования и самостоятельного развития технической культуры. Экспертная оценка в системе диагностики технической культуры офицера предусматривает следующие действия:

- подбор экспертов. Мы считаем, что достаточную объективность обеспечит выбор трех экспертов, к которым обязательно следует отнести непосредственного начальника офицера, психолога военного образовательного учреждения и наиболее квалифицированного эксперта в области военного вооружения и техники (в военном образовательном учреждении им может стать ведущий преподаватель технических дисциплин);
- сбор эмпирических данных о состоянии компонентов технической культуры конкретного офицера с применением инструментов, представленных в таблице;
- индивидуальная оценка экспертами показателей технической культуры в баллах; определение суммарной оценки по каждому компоненту и оценка технической культуры в целом; отнесение результата к одному из уровней развития технической культуры;
- совещание экспертов, формирование общего качественного суждения об уровне развития технической культуры конкретного офицера;
- ознакомление офицера с результатами экспертной оценки и коррекция индивидуальных планов самообразования и самостоятельного развития технической культуры.

Результаты исследований должны быть измеримы и выражены в количественных показателях. Важно не только выяснить, обладает ли офицер таким важным личностным образованием, как техническая культура, но и показать, в какой степени она развита. С этой целью автор использовал 3-

балльную оценку показателей развития технической культуры офицера, дающую достаточную степень градации исследуемых показателей:

- 3 балла — качество проявляется ярко, постоянно и широко во всех видах учебно-профессиональной деятельности; оно стало чертой характера и является следствием осознанного, глубоко мотивированного выбора профессии;

- 2 балла — качество проявляется достаточно широко, но иногда имеют место незначительные отклонения;

- 1 балл — качество только зарождается, в поступках и действиях проявляется недостаточно и эпизодически.

В соответствии с выделенными критериями балльная оценка уровня технической культуры офицера может располагаться в диапазоне от 13 до 39 баллов.

Для управления образовательным процессом в системе дополнительного профессионального военного образования необходима уровневая дифференциация развития технической культуры офицера. Целесообразным нам кажется выделение *трех уровней*: допустимого, достаточного и оптимального. Приведем их качественные характеристики.

Допустимый уровень означает такое состояние технической культуры офицера, при котором он в целом справляется со своими текущими должностными обязанностями, связанными с работой с техникой, способен разрешать трудности и противоречия в этом процессе с помощью окружающих, но не может профессионально развиваться далее. Мы допускаем, что у части испытуемых результаты диагностики могут оказаться ниже этого уровня.

Достаточный уровень соответствует такому состоянию технической культуры офицера, которое обеспечивает ему не только самостоятельное успешное выполнение текущих должностных обязанностей, но и определяет потенциальную возможность профессионального развития до следующей карьерной ступени при условии самообразования.

Оптимальный уровень по своей качественной характеристике означает, что уровень развития технической культуры офицера обеспечивает ему возможность успешно выполнять обязанности вышестоящей должности. Мы, безусловно, учитываем, что на этом уровне развитие технической культуры офицера не останавливается, есть, например, ряд офицеров, которые в процессе технического творчества, научно-исследовательской деятельности значительно превзошли его, однако такая градация необходима для привязки к системе управления кадрами, с которой связано дополнительное профессиональное военное образование.

Определению измерительной линейки предшествовали:

- оценка уровня развития технической культуры группы выпускников военно-инженерного вуза;

- анализ их военно-профессиональной деятельности в первые два года службы в офицерском звании.

Как выяснилось при анализе отзывов и характеристик, выпускники с разной степенью успешности выполняют должностные обязанности, связанные с проявлением технической культуры.

Оптимальный уровень развития технической культуры определен в границах сумм баллов, набранных выпускниками, получившими повышение по службе, успешно выполняющими обязанности, связанные с техникой, занимающимися техническим творчеством и техническим самообразованием. По этим признакам были отобраны пятнадцать выпускников, суммарный балл оценки уровня развития технической культуры которых располагался в пределах от 35 до 42 баллов.

Для определения достаточного уровня рассматривались результаты оценки уровня развития технической культуры пятнадцати молодых лейтенантов, успешно выполняющих обязанности военной службы, не получивших повышения, но имеющих его перспективу. Результаты данной категории выпускников оценивались в пределах от 23 до 33 баллов.

Допустимый уровень определялся анализом результатов оценки уровня развития технической культуры выпускников, которые не смогли квалифицированно работать с техникой в пределах обязанностей первичной офицерской должности и не занимались техническим самообразованием. К такой категории мы отнесли 6 человек, оценки которых не превышали 17 баллов.

На основании приведенного анализа нами установлены суммы баллов по всем показателям, определяющие три уровня развития технической культуры офицера:

- допустимый уровень — от 17 до 23 баллов;
- достаточный уровень — 23–33 баллов;

- оптимальный уровень — свыше 33 баллов.

В управлении самообразованием и самостоятельным профессиональным развитием офицера важно видеть, как изменяется личность, определять динамические параметры процесса развития. В-первых, нам кажется необходимым определить контрольные точки, которые в логической связи с циклом управления развитием технической культуры офицера будут характеризовать динамику этого процесса. Автор выделяет четыре:

- контрольная точка № 1 соответствует началу контрольно-ориентировочного этапа. За счет ее выделения реализуется ориентировочная функция диагностики технической культуры;
- контрольные точки № 2 и 3 соответствуют началу и окончанию организационно-обучающего этапа. Их выделение необходимо для управления образовательным процессом в системе дополнительного профессионального военного образования;
- контрольная точка № 4 избирается индивидуально, применительно к каждому офицеру. В логике циклического процесса управления развитием кадров диагностика должна выполняться в тот момент, когда офицер достигнет самостоятельного и успешного выполнения обязанностей текущей должности;
- контрольная точка № 5 назначается в момент принятия решения о подготовке офицера к вышестоящей должности.

Таким образом, система диагностики развития технической культуры офицера выполняет системную функцию формирования полноценного представления о технической культуре офицера в ее текущем состоянии и развитии. Представленная система диагностики технической культуры офицера позволяет более полно понять суть реализации системы в практике дополнительного профессионального военного образования. На основании анализа получаемой в ходе диагностики информации определяются прогнозы и индивидуальные стратегии самостоятельного развития технической культуры офицера; дается заключение о профессиональной компетентности офицера и его карьерных перспективах с учетом потенциала в развитии технической культуры.

Сведения об авторе

Коновалов Василий Робертович, к. пед. н., доцент, инспектор в группе инспекторов командующего ЦВО, г. Екатеринбург, тел. 8(3452)543555

Konovarov V. R., Candidate of Sciences in Pedagogy, associate professor, Inspector in the group of inspectors commander CVO in Ekaterinburg, phone: 8(3452)543555

УДК 008 (18)

**ГЛАМУРНЫЙ ИМИДЖ КАК СИМУЛЯТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**
GLAMOROUS IMAGE SIMULATIVE REALITY AS A MODERN SOCIETY

И. А. Муратова

I. A. Muratova

Ключевые слова: современная культура, гламурный имидж, симулякр, гиперреальность, демонстративное потребление, соблазн, «истинный» и «ложный» гламур

Key words: modern culture, glamorous image, simulacrum, hyperreality, conspicuous consumption, the lure, the «true» and «false» glamor

Рассмотрена симулятивная природа гламурного имиджа. Посредством теории гиперреальности анализируются причины актуализации гламура, его основные признаки, категории потребителей, а также обнаруживаются скрытые мотивы в его формировании.

We consider the simulative nature glamorous image. Through the theory of hyperreality update the reasons behind the glamor, its main characteristics, types of customers, and also found hidden motives in its formation.

Исследование гламурного имиджа в контексте современной реальности определяется научными и общественными интересами, обусловленными реалиями российского общества. На сегодняшний день фундаментальное, традиционное наследие уступает место более влиятельным, простым в восприятии, мифологизированным и симуляционным феноменам, активно трансформирующим российское общество по своим законам существования.

Одним из таких феноменов является гламурный имидж, который в качестве стержневого элемента и господствующего эстетического концепта воздействует на коллективное сознание и частное поведение индивидов, тем самым фабрикуя актуальный концепт — «человека гламурного».

Популяризация гламурного образа начинается ещё с развития голливудского кинематографа, который стал главным окном в мир красивой жизни. Голливудские костюмеры и кутюрье изобрели фантастические образы, подчеркивающие ослепительную, искусственно созданную красоту. Сложилась целая методика выстраивания гламурного имиджа, ярчайшим образцом которого стала голливудская система звёзд. Данный тип кинематографического имиджа, продуманный до мельчайших деталей, коррелирующий с совершенными экранными образами, стал обладать особым притягательным воздействием на массового зрителя, диктуя эстетические стандарты всему миру: имидж знаменитых актеров стал эталоном, образцом для подражания. Традиционный эстетический эталон трансформируется, уступив место глянцу, эффектной внешности, подчеркнутой сексапильности. Значимость этих свойств возрастает с середины XX века одновременно с развитием продуктов массовой культуры, таких как глянцево-журналы и кинематограф.

XXI век можно считать временем окончательного становления концепта гламурной телесности, так как в этот период сформировалась система связываемых с ним экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов. В словаре Вебстера гламур трактуется в трёх значениях: 1) «ускользающая, загадочно-волнующая и, зачастую, иллюзорная привлекательность, которая будоражит воображение и разжигает вкус к необычному, неожиданному, красочному или экзотическому»; 2) «странно-соблазнительная атмосфера романтического волшебства, околдовывающего, непостижимого, неодолимо-магнетического очарования»; 3) «личное очарование в сочетании с необыкновенной физической и сексуальной привлекательностью» [1].

Как отмечают Л. В. Полубиченко и Н. С. Платонова, принципиальное отличие сегодняшнего прочтения концепта «гламур» заключается в том, что при сохранении основных смысловых доминант меняется его оценочная составляющая из-за условий широкого коммерческого спроса на товары и услуги в обществе потребления. Современный гламур, несмотря на свою труднодоступность, все же задает массово-воспроизводимые образцы, где совершенство внешнего облика становится формульным и приобретает всё более коммерциализованный характер [1].

Российский вариант гламурного имиджа распространяется только с 1990-х годов. Достаточно быстро адаптируясь к новым социальным реалиям, он трансформируется в более влиятельный феномен, по сравнению с английским или французским прототипом, и отличается ярко выраженной колоритной, агрессивной коннотацией. Сегодня он выступает символом определенной модели жизни как наслаждения, которая возможна только при приобретении дорогих товаров и услуг: наикрутейшие иномарки, рублёвские и иные дворцы, яхты, соперничающие в длине, ролексы с бриллиантами... как эмблема элиты, высшего общества [2].

Основой, ядром гламурного имиджа являются те образы, которые сегодня получают своё легитимное признание и идеологическое одобрение в СМИ: медиа, глянцево-журналах, массовой литературе, телевидении, то есть в целом комплексе массовых медиа-изданий, поставляющих и закрепляющих среди населения популярные образцы для подражания. Это обстоятельство является основополагающим в актуализации и столь широком распространении гламурных стандартов: визуальный образ, пропущенный сквозь призму телеэкрана, становится чем-то неизмеримо большим по отношению к стоящей за ним реальностью. Как отмечает У. Эко, у таких образов есть «платоническая сила», преобразующая частные идеи в общие, и поэтому посредством визуальных коммуникаций легче проводить стратегию убеждения, сомнительную в ином случае [3].

Сегодня массовая коммуникация стала той областью, в которой образ, знак представляет более значимый элемент, чем сама реальность. Произошло резкое увеличение роли знака, так что почти все сферы социального бытия стали ориентированы на производство символических ценностей. Данный факт детально описан Ж. Бодрийяром в эссе «Америка», где автор осмысливает процесс создания все более искусственной среды обитания, одним из важнейших средств реализации которой является масс-медиа. Ж. Бодрийяр пишет: «Идолы экрана имманентны развертыванию жизни в образах. Они — система великолепного заводского производства, восхитительный синтез стереотипов любви и жизни... (Это) объекты-фетиши, не имеющие ничего общего с воображаемым, но представляющие собой материальный вымысел образа» [4]. Именно в данных условиях наиболее ярко и рельефно проявляет себя процесс отчуждения знака от референтной реальности. Это уже не передача информации, отражающая реальную действительность, а, если использовать терминологию Ж.

Бодрийяра, процесс создания гиперреальности, «которая оказывается более реальной, чем сама реальность» [4].

Подобно и гламурный имидж, формируемый посредством СМИ, по словам Ж. Бодрийяра, «более не зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформируя её в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба — быть образом» [5]. Именно гламурный имидж сегодня претендует на роль демидурга социально-культурной реальности, так как фабрикуемое им изображение этой реальности выдаётся за действительность, где виртуальное и реальное перемешиваются, сливаются, переходя друг в друга. Гламурный имидж, таким образом, обнаруживают своё социальное могущество, превращаясь в гиперреальность, которая всецело заключается в симуляции, ибо, словами Ж. Делеза, «ничто более не отражается в своем истинном видении ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности, где логика вирусного рассеяния сетей уже не есть логика ценности или равноценности» [6].

Реальность «человека гламурного» — галлюцинация, муляж, видимость, имитация образа, за которой нет никакой обозначаемой действительности, это всего лишь пустая форма, которая превалирует над внутренним содержанием. Симулятивная природа гламура проявляется посредством замены гуманных ценностей ценностями симулятивными.

Гламурный имидж напрямую зависит от искусства и уровня мастерства, умения создавать впечатление высокого качества и уровня потребляемых товаров и услуг. Демонстративное потребление — это черта, без которой не обходится существование ни одного отечественного гламурного имиджа. Демонстративное расходование денег, потребление товаров более высокого качества, товаров ручной работы, товаров модных, дорогих есть свидетельство гламурного образа жизни.

Необходимо отметить, что гламурный имидж создается вовсе не на потреблении реальных товаров, а на симуляции образов, знаков, и поэтому всё превращает в знаки массовой культуры, когда все сферы производства создают исключительно символические ценности, знаки-симулякры. Внутренние качества вещей, их строение и полезность оказываются стертыми и не столь важными, как их символика и мифическая притягательность. Поэтому владение вещью означает знаковое удовольствие, удовольствие от симулятивных свойств предмета.

Д. А. Руднева выделяет две группы потребителей гламура: «истинные» (их материальное обеспечение так высоко, что позволяет потреблять подлинные артефакты этой культуры) и «ложные» или «псевдо-гламурные», которые в силу ограниченных финансовых возможностей потребляют копии брендов, более дешевых по стоимости и качеству изготовления [7].

На первый взгляд, наиболее показательным материалом, демонстрирующим симуляцию, является вторая группа потребителей, так как они пользуются методом копирования под «истинный» гламур. Однако при более детальном анализе такой вывод может оказаться недостаточно объективным. По нашему мнению, функционирование и первого, и второго типа имиджа происходит не через соотнесение их с реальностью, а благодаря различению. Они приобретают смысл только внутри некой «универсальной» системы, которая ими же и формируется. Как сказал Ж. Бодрийяр, описывая ситуацию современной культуры: «Все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное, причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются именно постольку, поскольку не обмениваются больше ни на что реальное» [5].

Имидж, обозначенный в концепции Д. А. Рудневой как «истинный гламур», на наш взгляд, является ярким примером постмодернистского симулякра, что нельзя сказать про «псевдо-гламур». Во-первых, они обладают разной степенью участия, погружения в мир гламура. Например, псевдо-гламур реализует в своём поведении только некоторые внешние атрибуты подобной жизни, то есть он погружен в симуляцию частично. Человек же «истинного» гламура полностью погружен в структурно организованный комплекс симуляционных практик. Растворение в мире гламура ведёт к потере индивидуальности, и человек оказывается ещё более отдаленным от естественного своего состояния.

Во-вторых, имидж человека «истинного гламура» как постмодернистский симулякр скрывает симуляционный аспект своего существования и выдаёт себя за чистую реальность. Утаивание реального происходит в форме идеализации как своей внешности, так и жизни в целом. Альтернативный мир заменяет естественное проживание жизни, потому что в основе гламурной идеологии лежит принцип «косметологии» реального человека, стремление симулировать его образ жизни, судьбу, внешность. И первым шагом к созданию имиджа-симулякра является преобразование

своего тела, причем до идеального состояния, которое возможно только для представителей «истинного» гламура. Однако пластическая хирургия — это работа с человеческой природой, где «грань между очевидными преимуществами и вкрадчивым злом провести невозможно» [8]. Ф. Фукуяма замечает: «Во многих случаях медицинская техника предлагает нам сделку с дьяволом: продление жизни — но со снижением умственных способностей; избавление от депрессии — но и от творческой силы духа; медикаментозная терапия, стирающая грань между тем, чего мы достигаем сами — и чего достигаем с помощью воздействующих на мозг химикатов» [8].

В-третьих, мир человека «истинного гламура» как «истинный» постмодернистский симулякр обладает притягательной, даже гипнотической силой. О связи симулякров с искушением, обольщением, соблазнительностью говорит Ж. Бодрийяр. Наделенные особой силой очарования и обольщения, симулятивные образы «сворачивают», «захватывают» [9]. Имидж «истинного» гламура как яркий симулякр современности представляет собой подобный соблазн, как острое метафизическое обольщение пропавшей реальности, как обманка. Стратегия обманки является стратегией обольщения: всегда хочется получить то, что исчезает, не даётся в руки. Они вовлекают в свою орбиту людей далеких от глянца, формируя, таким образом, представителей «ложного гламура». Например, в книге Оксаны Робски и Ксении Собчак «Замуж за миллионера, или Брак высшего сорта» написано о гламурном мире как современной мечте: «Там льётся рекой «Вдова Клико», проносятся трети «хаммеры» цвета «угольный бриллиант», и девушкам за ночь любви дарятся жёлтые и голубые алмазы» [6]. Мир культуры превращается в придуманный мир грез, пассивного ожидания чуда, в котором восторженными глазами российская действительность взирает на волшебный мир гламура, и, разумеется, жаждет в этот мир проникнуть. Особенность же подобного их обольщения заключается в том, что «своей реверсией из реальности они резко противопоставляют себя репрезентативному пространству»; их соблазн — это «острое метафизическое обольщение пропавшей реальности», ибо обольщение, по Бодрийяру, «состоит в динамике преобразования вещей в чистую видимость» [11], то есть в самом процессе симулятивизации. Всеми своими ресурсами, стимулируя приобретение товаров, они *соблазняют* массового человека, задавая недостижимый, но манящий идеал для подражания. Престижные, модные предметы домашнего обихода, дорогие автомобили, просторные квартиры и фешенебельные дачи являются предметом сокровенных мечтаний людей «ложного гламура». Дразня воображение в рекламных призывах, престижные вещи становятся желанной целью и смыслом существования поклонников гламурного имиджа. Стремление обладать желанными вещами превращает массового человека в суетливого созерцателя и униженного просителя недоступных ему символов модного благополучия: vip-ложа «истинного гламура» доступна для немногих, но намеренно создаётся иллюзия причастности к ней каждого представителя «ложного гламура».

Таким образом, современный гламурный имидж в трансформированном виде содержит в себе идею гедонизма, которая превратилась в крайнюю форму симулятивности. Нивелируя нравственные ценности, он сводит устремление человека только к приобретению и демонстрации материальных богатств и роскоши. В основе данного типа имиджа лежит принцип создания косметического эффекта повседневной реальности, стремление её замаскировать и приукрасить, идеализировать реальные жизненные проявления. При всем своём внешнем лоске гламурный имидж является симулякром беспечной, счастливой жизни.

Список литературы

1. Полубиченко Л. В., Платонова Н. С. Эволюция межъязыковых концептов «glamour» и «гламур»: смысловые и оценочные сдвиги / Л. В. Полубиченко, Н. С. Платонова // Вестник Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011.– № 2. – С. 9-25.
2. Рассадин С. Рублевский комплекс Акакия Акакиевича // Новая газета. – 2009. – № 3. – С. 7-11.
3. Эко У. От интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Интернет. – 1998. – № 6-7. – С. 92-108.
4. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 205 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.
6. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 297 с.
7. Руднева Д. А. Гламур и его презентации в культуре постиндустриального общества на рубеже XX–XXI вв.: дис. канд. культурологии. – 2011. – 175 с.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
9. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. – 1992. – № 10. – С. 64-70.
10. Максимов А. М. Интеллигенция и гламур. – М.: ЗАО «СВР-Медиа», 2010. – 224 с.

11. Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. – М.: AdMarginem, 2000. – 318 с.

Сведения об авторе

Муратова Ирина Анатольевна, кафедра гуманитарных и социальных наук, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, г. Тюмень, тел.89068238255, e-mail: irina_muratova_81

Muratova I. A., Department of Humanities and Social Sciences, Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering, Tyumen, phone: e-mail: irina_muratova_81

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 330.322

СОДЕРЖАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

CONTENTS OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE INVESTMENT POLICY

Н. М. Гордиенко

N. M. Gordienko

Ключевые слова: инвестиционная политика предприятия, процесс инвестирования, инвестиционная деятельность, управление инвестициями, доходы на вложенный капитал

Key words: investment policy of the company, the investment process, investment management, income on invested capital

Формулируется определение «инвестиционная политика промышленного предприятия» с учетом специфики промышленной отрасли на основе опыта отечественных и зарубежных экономистов. Детально рассматриваются цели, которые организация намерена достичь в процессе осуществления инвестиционной деятельности. На основе приоритетных целей предприятие определяет направленность и оптимальный вид инвестиционной политики: консервативная, компромиссная или агрессивная.

The paper formulates a definition of “investment policy of an industrial enterprise” with the account of the industrial sector specific character, based on the experience gained by the domestic and foreign economists. The author examines in detail the goals that an enterprise intends to achieve in the process of the investment activities implementation. Based on the priority objectives a company determines a direction and the best type of investment policy, i.e. conservative, aggressive or compromise.

В современных условиях глобализации экономики все большую роль играет процесс инвестирования. Инвестиционная деятельность становится одним из ключевых факторов, определяющих динамику капитала в экономике, а также темпы экономического роста.

Для большинства развивающихся промышленных предприятий привлечение инвестиций и осуществление инвестиционной деятельности является важнейшей функцией эффективного управления производственным процессом. Но на современном этапе становится недостаточным просто удовлетворение инвестиционных потребностей, таких как замена выбывающих активов или приобретение новых в связи с изменением структуры производства. Необходимо сознательное управление инвестициями на основе научной методологии, определяющей наиболее рациональные пути для реализации поставленных целей и получения ожидаемых эффектов с учетом изменяющихся условий и влияния различных факторов. Поэтому для осуществления инвестиционной деятельности предприятие вырабатывает инвестиционную политику, которая является частью стратегии развития предприятия и общей политики управления прибылью. Основой ее является определение направлений использования инвестиционных вложений, их объем и структура для достижения определенного полезного эффекта.

Несмотря на то, что проблеме инвестиций уделялось много внимания и в настоящее время она является весьма актуальной, в большинстве научных работ определение «инвестиционной политики предприятия» достаточно размыто. Точное определение данного понятия позволит применить его для промышленных предприятий, что немаловажно ввиду осуществления научных исследований в данной области.

Рассмотрим модификации понятия «инвестиционная политика предприятия». А. И. Ильина и В. П. Волков под инвестиционной политикой предприятия понимают систему принятых решений о получении доходов от инвестиционной деятельности, основанную на совокупности критериев и

предпочтений, которые определяются условиями деятельности и стратегией развития предприятия [1].

В словаре современных экономических терминов Б. А. Райзберга и Л. Ш. Лозовского, определение инвестиционной политики предприятия звучит так: «Инвестиционная политика — составная часть экономической политики, проводимой предприятиями в виде установления структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников получения с учетом необходимости обновления основных средств и повышения их технического уровня» [2].

Достаточно четкое определение у И. А. Бланка: «Инвестиционная политика представляет собой часть общей финансовой стратегии предприятия, заключающуюся в выборе и реализации наиболее эффективных форм реальных и финансовых его инвестиций с целью обеспечения высоких темпов его развития и расширения экономического потенциала хозяйственной деятельности» [3].

В. П. Попков, В. П. Семенов определяют инвестиционную политику предприятия как «комплекс мероприятий, обеспечивающих выгодное вложение собственных, заемных и других средств в инвестиции с целью обеспечения финансовой устойчивости работы предприятия в ближайшей и дальнейшей перспективе. Инвестиционная политика предприятия исходит из стратегических целей его бизнес-плана» [4].

Полагаем, ни одно из данных определений в полной мере не раскрывает значение инвестиционной политики предприятия промышленной отрасли. Поэтому возьмем за основу формулировку, данную в словаре современных экономических терминов Б. А. Райзберга и Л. Ш. Лозовского и внесем некоторые уточнения с учетом специфики промышленного предприятия.

Во-первых, стоит отметить, что инвестиционная политика это не просто часть экономической политики, а сложная система управления инвестициями, представляющая собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых видов инвестиционной деятельности.

Во-вторых, инвестиционная политика направлена на решение нескольких задач, а не только «на обновление основных средств и повышение их технического уровня», хотя это, пожалуй, приоритетное направление для промышленного предприятия, но не единственное. Поэтому в определении следует учитывать, что целью является обеспечение развития и расширения предприятия, наращивание производственных мощностей, а также внедрение инноваций. Ни в одном определении возможность вложений инвестиций в инновации не предусматривается. Хотя инновационная деятельность для промышленного предприятия на современном этапе развития общества имеет немаловажное значение и является основой для модернизации и совершенствования производства, содействующего развитию предприятия и позволяющего соответствовать современным условиям и потребностям рынка.

В-третьих, если обобщить цель осуществления и управления инвестициями, то можно сделать вывод о том, что итогом должно стать увеличение дохода и получение других положительных эффектов в целом для промышленного предприятия, иначе осуществление инвестиционной деятельности бесполезно.

В итоге понятие «инвестиционная политика промышленного предприятия», сформулированное нами на основе определения из словаря современных экономических терминов Б. А. Райзберга и Л. Ш. Лозовского, с произведенными уточнениями будет звучать следующим образом: «Инвестиционная политика промышленного предприятия — сложная система управления инвестициями, представляющая собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых видов инвестиционной деятельности, определяющих долю реинвестируемой прибыли, структуру и масштабы инвестиционных вложений с учетом приоритетных направлений их использования с целью обеспечения развития и расширения предприятия, наращивания производственных мощностей, внедрения инноваций и, в целом, увеличения дохода и получения других положительных эффектов».

Из данного определения следует, что основной целью инвестиционной политики промышленного предприятия становится создание оптимальных условий для вложения финансовых и иных ресурсов, а также наиболее приемлемое комбинирование собственных и заемных средств, обеспечивающих возрастание доходов на вложенный капитал, необходимый для расширения производства, увеличения конкурентоспособности производимого товара и внедрения инноваций.

Помимо основной цели, любое предприятие стремится в процессе инвестирования к достижению других целей и подцелей, таких как:

1) выработка стратегии и тактики экономической деятельности промышленного предприятия в перспективе на краткосрочный и долгосрочный периоды;

- 2) поиск и оценка наиболее эффективных объектов для инвестирования;
- 3) выбор из рассматриваемых вариантов оптимального инвестиционного проекта;
- 4) поиск и оценка альтернативных источников финансовых ресурсов для осуществления инвестиционного процесса;

5) достижение максимального результата в процессе реализации инвестиционной политики при минимальном вложении капитала, сроках его использования и организационных усилиях.

Руководствуясь своими целями, промышленное предприятие выбирает инвестиционную политику в зависимости от ее направленности. Она может быть нацелена на: повышение эффективности производства; модернизацию технологического оборудования, технологических процессов; расширение или создание новых предприятий; внедрение принципиально нового оборудования и инноваций, а также выход на новые рынки сбыта.

В зависимости от поставленных целей при осуществлении хозяйственной деятельности предприятие может придерживаться одного из возможных вариантов инвестиционной политики.

- Консервативная инвестиционная политика — вариант политики инвестиционной деятельности предприятия, приоритетной целью которой является минимизация уровня инвестиционного риска. При осуществлении такой политики инвестор не стремится ни к максимизации уровня текущей прибыльности инвестиций, ни к максимизации темпов роста капитала.

- Компромиссная (умеренная) инвестиционная политика — вариант политики осуществления инвестиционной деятельности предприятия, направленной на выбор таких объектов инвестирования, по которым уровни прибыльности и риска в наибольшей степени приближены к среднерыночным.

- Агрессивная инвестиционная политика — вариант политики осуществления инвестиционной деятельности предприятия, направленной на выбор таких объектов инвестирования, по которым уровни прибыльности и риска значительно выше среднерыночных [5].

Предприятие должно определиться с приоритетными направлениями инвестирования, целями, преследуемыми в результате его осуществления и факторами, оказывающими влияние на инвестиционный процесс, и максимально реализовать их при разработке инвестиционной политики.

Для промышленного предприятия формирование и реализация эффективной инвестиционной политики должны стать ключевым фактором управления, так как ее основной задачей является рациональное сочетание различных источников финансирования, оптимальное использование инвестиционных ресурсов, а также достижение положительных интегральных показателей эффективности деятельности предприятия. Отсутствие тщательно обоснованной инвестиционной политики может привести после временного успеха к непредсказуемым отрицательным последствиям, одними из вариантов которых могут стать вынужденная реорганизация предприятия или банкротство.

Список литературы

1. Экономика предприятия: Учеб. пособие / В. П. Волков, А. И. Ильин, В. И. Станкевич и др.; Под общ. ред. А. И. Ильина, В. П. Волкова. — М.: Новое знание, 2003. — 677 с.
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Словарь современных экономических терминов 4-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 480 с.
3. Бланк И. А. Основы финансового менеджмента. Т. 2. — К.: Ника-Центр, 2002. — 512 с.
4. Попков В. П., Семенов В. П. Организация и финансирование инвестиций. — СПб.: Питер, 2001.
5. Самарина Г. П. «Финансы предприятий», Учебно-методическое пособие. — СПб., 1999 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://idiinvest.narod.ru>.

Сведения об авторе

Гордиенко Надежда Михайловна, аспирант кафедры «Теория и методология науки», Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, тел. 89524373393, e-mail: nadejdagordienko@mail.ru

Gordienko N. M., post graduate student of the chair «Theory and methodology of science», Belgorod State Technological University named after Shukhov V. G., phone: 89524373393, e-mail: nadejdagordienko@mail.ru

УДК 330.322.012

**РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ОЦЕНКИ РИСКА АВАРИЙ НА МАГИСТРАЛЬНЫХ НЕФТЕПРОВОДАХ
DEVELOPMENT OF A METHODOICAL SUPPORT OF THE RISK ECONOMIC
ASSESSMENT OF FAILURES IN OIL-TRUNK PIPELINES**

А. А. Зубарев, М. Г. Глухова, Д. Н. Мартынов
A. A. Zubarev, M. G. Glukhova, D. N. Martynov

Ключевые слова: риски, экономическая эффективность, нефтепровод
Key word: risks, cost efficiency, the oil pipeline

Предложен методический подход к экономической оценке риска техногенных аварий по отдельным участкам трубопроводной системы, основанный на оценке величины среднего (фонового) риска предприятия от аварий за последние 5 лет, скорректированный с учетом определения веса факторов воздействия технологических и природных факторов риска на конкретном участке нефтепровода с помощью метода анализа иерархий.

The paper presents a methodical approach to the economic assessment of the risk of man-caused failures by separate sections of the pipeline system. This approach is based on the assessment of the value of the average (background) risk of accidents for the past 5 years adjusted to take into account the influence of the technological and natural factors impact risk on a particular section of the pipeline using the method of hierarchies analysis.

Статистика техногенных аварий, произошедших на объектах магистральных нефтепроводов (МН) за последние 15 лет, показывает, что их последствия становятся все более опасными для объектов экономики, населения и окружающей среды. Одной из основных причин аварийности является возрастная структура объектов МН. Кроме снижения пропускной способности объектов МН по отношению к проектной, техногенные аварии приводят к необратимым последствиям. В условиях ограниченных финансовых и материально-технических ресурсов особую актуальность приобретает формирование программ планово-предупредительных работ с учетом экономических показателей риска аварий и экономических потерь, что должно обеспечить своевременную защиту от последствий техногенных аварий и снизить социально-экономический ущерб.

Современный подход к экономической оценке риска техногенных аварий на объектах МН изложен в руководящем документе «Методическое руководство по оценке степени риска аварий на магистральных нефтепроводах и нефтепродуктопроводах» (РД-13.020.00-КНТ-148-11), утвержденном ОАО «АК «Транснефть» 17 октября 2011 г. Оценка степени риска линейной части МН проводится на основе идентификации опасностей и оценки риска отдельных участков, характеризующихся примерно одинаковым распределением удельных показателей риска по всей длине участка. Длина каждого участка трассы МН может быть скорректирована с учетом возможных последствий.

На рис. 1 представлена динамика интенсивности аварий и средняя интенсивность аварий. В течение последних 5 лет наблюдается снижение средней аварийности, но фоновый риск остается на высоком уровне, что подтверждает несовершенство данной методики.

Авторы считают использование фонового риска за последние 5 лет недостаточным для определения веса фактора риска. Дополнения простым методом экспертной оценки будет недостаточно в связи с субъективностью оценок эксперта. Вследствие этого принятие решения имеет неопределенный характер, что сказывается на качестве итогового результата оценки риска аварии. В связи с этим существует необходимость повышения качества принятия решений, оценки противоречивости приоритета и ее минимизация.

Предлагается использовать метод анализа иерархий (МАИ) для оценки влияния факторов для каждого участка МН при оценке риска. Метод иерархий позволяет структурировать проблему выбора в виде иерархии групп факторов с детализацией данных групп. После иерархического воспроизведения устанавливаются приоритеты критериев, и оценивается каждая из альтернатив по критериям.

С помощью метода анализа иерархий элементы групп факторов будут сравниваться попарно по отношению к их воздействию на общую характеристику. Метод позволяет оценить важность учета каждого решения и каждого фактора, влияющего на приоритеты решений. В соответствии с формулировкой задачи принятия решения величина приоритета напрямую связана с оптимальностью решения, поэтому решения с низкими приоритетами отвергаются как несущественные.

При исключении некоторого фактора приоритеты решений изменяются незначительно, такой фактор можно считать несущественным для рассматриваемой задачи.

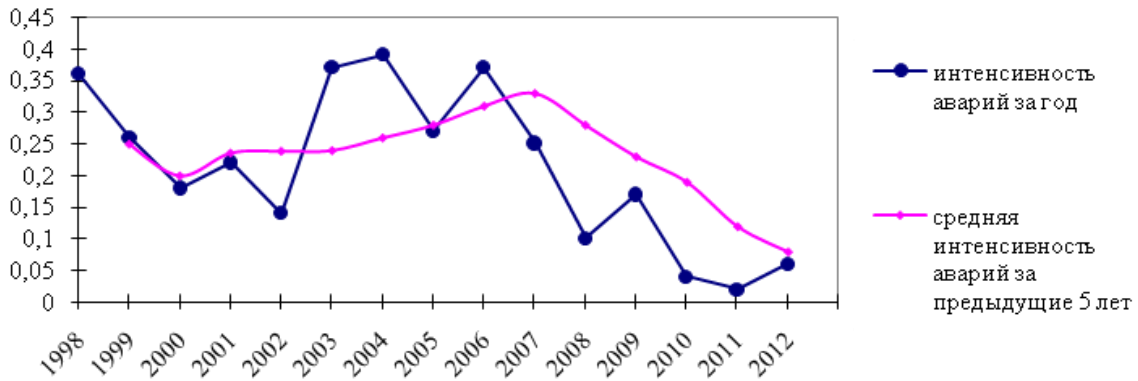

Рис. 1. Динамика интенсивности аварий за год и средняя интенсивность за предыдущие 5 лет

Метод анализа иерархий включает пять этапов.

1. Выделение проблемы аварийности участков нефтепровода. Определение глобальной цели — обеспечение надежности эксплуатации трубопроводного транспорта нефти.
2. Построение иерархии: от вершины (цели) через промежуточные уровни (критерии) к нижнему уровню альтернатив степени риска на отдельных участках нефтепровода.
3. Построение множества матриц парных сравнений уровня риска на участках нефтепровода. Матрица строится для глобальной цели и для каждого из элементов промежуточных уровней степени аварийной опасности магистральных нефтепроводов.
4. Расчет собственных векторов и дополнительных величин по каждому из матриц парных сравнений уровня риска аварийных ситуаций на магистральных нефтепроводах.
5. Иерархический синтез оценок для получения значений искомого веса факторов риска.

После иерархического представления изучаемой проблемы строятся матрицы парного сравнения для каждого элемента иерархии. Суть проводимой процедуры можно свести к схеме, представленной на рис. 2, где показан механизм сравнения первого элемента иерархии со всеми остальными (E_j^i — элемент иерархии).

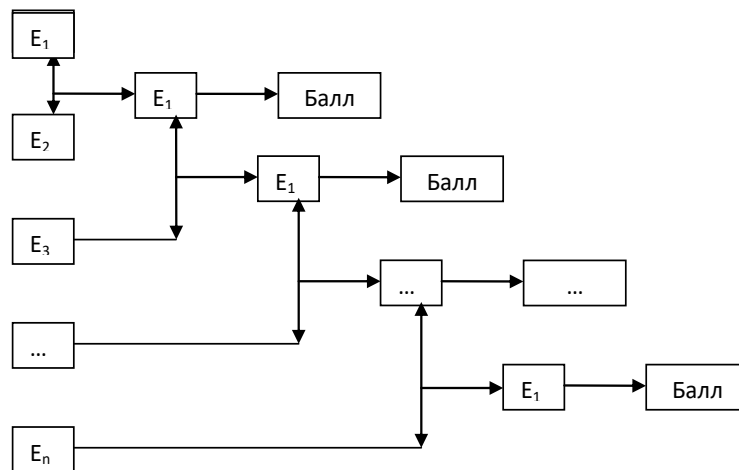

Рис. 2. Схема реализации механизма парных сравнений методом МАИ

Посредством парного сравнения элементов иерархии выбирается наилучший вариант из пары по какому-либо заранее заданному критерию или признаку. Процедура повторяется до тех пор, пока не будет произведено сравнение по всем элементам иерархии (n — количество элементов). При этом превосходящему элементу экспертным путем присваивается соответствующее значение (балл) в рамках выбранной балльной шкалы, которые и образуют матрицу парных сравнений.

Использование предлагаемого автором инструментария позволит сформировать материал для последующего принятия управленческих решений по снижению уровня экономических потерь от

возможных аварий на трубопроводном транспорте. Замена экспертной оценки на МАИ позволит уточнить затраты на возмещение затрат в результате аварий на разных участках линейной части МН, что даст возможность более обоснованно планировать бюджет на возмещение экономических потерь при авариях, и, как следствие, выстроить систему приоритетов предупредительных работ.

Для оценки локальной частоты аварий АК «Транснефть» ввела систему классификации и группировки факторов влияния в соответствии с общими причинами аварий, выявленными при анализе статистических данных по аварийным отказам. Из статистических данных по авариям на МН выделены пять групп факторов влияния $Гр_i$ ($i=1, \dots, 5$):

- а) внешние антропогенные воздействия,
- б) коррозия,
- в) природные воздействия,
- г) конструктивно-технологические факторы,
- д) дефекты тела трубы и сварных швов.

Долю группы r_i предлагается определять с помощью МАИ на рассматриваемом участке МН. В пределах каждой группы $Гр_i$ имеется различное количество (J_i) факторов влияния. Каждый фактор имеет буквенно-цифровое обозначение F_{ij} , где i — номер группы, j — номер фактора в группе. К определению веса J_i автор также рекомендует применить МАИ.

Балльная оценка факторов влияния состояния МН на степень риска аварии для участков МН, находящихся в эксплуатации, определяется в соответствии с разделом В.1 РД 13.020.00-КТН-148-11. Сумма по группе факторов не должна превышать 10 баллов.

В таблице приведен фрагмент расчета балльной оценки состояния участков МН в зависимости от степени риска по существующему методу и МАИ.

**Сравнительная характеристика оценки факторов влияния состояния МН
на степень риска техногенных аварий (фрагмент)**

Обозначение фактора влияния	Доля группы факторов		Доля факторов в группе		Балльная оценка		
	р (сущ. методика)	Р (МАИ)	q (сущ. методика)	q (МАИ)	Участок 1	Участок 2	Участок 3
F_{11}	0,6	0,55	0,4	0,35	1	0,8	0,9
F_{12}			0,2	0,33	5	6	7
F_{13}			0,4	0,32	2	5	8
F_{21}	0,1	0,12	0,45	0,49	1,9	1,9	1,9
F_{22}			0,1	0,09	3	7	5
F_{24}			0,45	0,42	6	7	6
F_{31}	0,10	0,11	0,2	0,19	10	5	1
F_{32}			0,15	0,11	2	10	10
F_{33}			0,15	0,14	0	0	0
F_{34}			0,5	0,56	2	3,5	2
F_{41}	0,10	0,12	0,35	0,46	2,6	3	1,8
F_{42}			0,3	0,32	0	1	1
F_{43}			0,15	0,15	0	4	4
F_{44}			0,2	0,07	5	0	5
F_{51}	0,1	0,1	0,6	0,56	7	7	3
F_{52}			0,1	0,15	1	7	3
F_{53}			0,3	0,29	5	10	3
Балльная оценка аварийности участка, V_n					2,8065	3,9925	4,2045
Балльная оценка аварийности участка, V_n (МАИ)					2,9867	4,1672	4,1367
Балльная оценка среднестатистического эксплуатируемого МН, V_{cp}					3,7		

Результат балльной оценки по существующему методу и методу анализа иерархий получился различный. Метод анализа иерархий позволил скорректировать вес факторов с учетом попарного сравнения каждого по закрепленной шкале с выраженной оценкой преимущества одного от другого. В результате предложенной корректировки оценка риска возникновения аварий является более

надежной, что позволит предприятию обоснованно планировать программу ремонтно-предупредительных работ на различных участках магистральных нефтепроводов.

Авторами спрогнозировано, что при использовании предложенной методики скорректированная программа планово-предупредительных ремонтных работ позволит более рационально использовать ресурсы предприятия, обеспечивающие эффективное выполнение запланированного объема ремонтных работ. Прогнозируется значительное снижение интенсивности аварий (рис. 3).

В свою очередь, своевременное предупреждение аварийных остановок на линейных участках магистральных нефтепроводов позволит сократить прогнозируемые экономические потери предприятия по причинам аварийных остановок, и, как следствие, оптимизировать сумму страховых платежей.

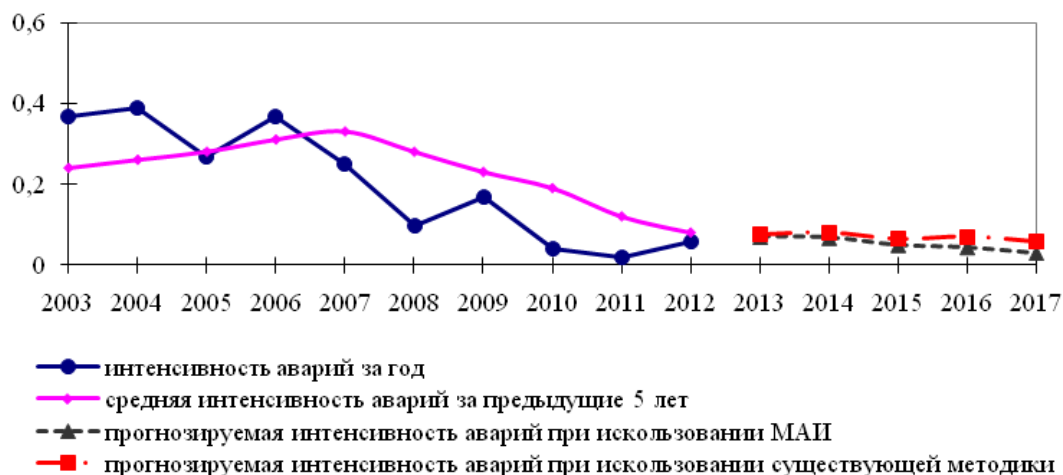

Рис.3. Прогноз интенсивности аварий на магистральных нефтепроводах

Таким образом, предложенное авторами совершенствование системы измерения вклада каждого фактора риска в интегральной оценке риска экономических потерь предприятия в результате аварий позволит не только более надежно прогнозировать ущерб предприятия, но и более обоснованно формировать программу планово-предупредительных ремонтных работ и впоследствии минимизировать аварийную опасность и отрицательные последствия возможных аварий предприятия трубопроводного транспорта нефти.

Сведения об авторах

Зубарев Александр Андреевич, д. э. н., профессор кафедры «Менеджмент в отраслях ТЭК», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень тел. 8(3452)416369

Глухова Мирослава Геннадьевна, к. э. н., доцент кафедры «Менеджмент в отраслях ТЭК», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)416369

Мартынов Денис Николаевич, инженер научно-образовательного центра «Нефтегазовые технологии», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8922477677

Zubarev A. A., professor of the chair «Management in FEC branches», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369

Glukhova M. G., Candidate of Sciences in Economics, associate professor of the chair «Management in FEC branches», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369

Martynov D. N., Engineer Research and Education Center «Oil and Gas Technology», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)416369

УДК 325.1:314.7

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖЕНСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ SOCIAL ASPECTS OF FEMALE LABOUR MIGRATION TO RUSSIA

А. А. Илимбетова

A. A. Ilimbetova

Ключевые слова: государственная миграционная политика, женский труд, трудовая миграция, женщины-мигранты, социальная защита

Key words: state migration policy, women's labor, labor migration, migrant women, social protection

Представлен анализ социальных последствий женской трудовой миграции в Россию. Выделены области наиболее серьезных социальных проблем: в области трудовой деятельности и отношений между работником-мигрантом и работодателем, медицинского обслуживания женщин-мигрантов, проблема адаптации и интеграции женщин-мигрантов и их детей в российское общество. Обоснована необходимость разработки мер государственной миграционной политики и социальной защиты женщин-мигрантов как особой, наиболее уязвимой группы трудовых мигрантов.

The article is aimed at analyzing social consequences of the female labour migration to Russia. The following most problematic social areas are highlighted: labour activity and relations between migrant workers and employers, health care for female migrant workers, adaptation and integration of female migrants and their children in the Russian society. The article substantiates the necessity to develop state measures in the field of migration policy and social protection of female migrants, being the most vulnerable group of labour migrants.

Главная причина привлечения иностранной рабочей силы на рынок труда того или иного государства носит экономический характер. Недостаток собственных работников вследствие демографического кризиса в сочетании с динамичным развитием рынка товаров и услуг, требующим все больше работников разной квалификации, вынуждают правительства вовлекать иностранных работников на национальный рынок труда. Эта мера решает экономическую задачу, но вслед за ней возникает другая, более тонкая проблема — социальная. Любой мигрант, несмотря на нахождение на территории другого государства, продолжает быть частью мирового сообщества, испытывает потребности в социальных гарантиях, медицинских, образовательных услугах, юридической защите.

Серьезным вызовом миграционной политике и системе социальной защиты принимающих стран является феминизация миграционных потоков (рост численности и доли женщин среди международных трудовых мигрантов). Не осталась в стороне от этого процесса и Россия, в которой феминизация явно проявилась в начале 2000-х гг. Если по официальным данным Росстата доля женщин среди внешних трудовых мигрантов ежегодно достигает 14–17 %, то, по мнению экспертов, их не менее 25–30 % от общей численности работающих в России мигрантов [1].

Феминизация трудовой миграции в Россию не отражается в официальной статистике вследствие занятости женщин преимущественно в теневом секторе экономики, на нелегальной основе. Поэтому, характеризуя особенности женской трудовой миграции, западные исследователи применяют термин «*doubledisadvantage*» [2], означающий подверженность женщин дискриминации и в качестве иностранной рабочей силы, и как представителей определенного гендера. В российской экономике низкоквалифицированный женский труд востребован в сфере общественных и домашних услуг, общепита, клининга, торговли, и можно предположить, что потребности в притоке этой категории работников будут увеличиваться по мере роста численности и укрепления материального благосостояния среднего класса и перехода российских женщин в секторы квалифицированного труда.

Мигранты, желающие работать в России, обязаны получать разрешение на работу, чтобы легализовать свою трудовую деятельность в России. Но это разрешение распространяется только на тех, кто работает у юридических лиц. В действительности сферы занятости женщин таковы, что им часто приходится работать у физических лиц — помощниками в домашнем хозяйстве, няней, сиделкой, садовником в загородных домах. Такая работа подвергает работников опасности физического и психологического насилия вследствие постоянного нахождения на рабочем месте под контролем работодателя. Также работа в частных домохозяйствах характеризуется ненормированным рабочим днем, неформальностью (условия труда оговариваются устно, нет гарантий их соблюдения), работодатель часто снижает оплату труда взамен на предоставление жилья и питания. Для урегулирования правового статуса домашних работников с 1 июля 2010 года вступил в силу федеральный закон № 86-ФЗ о введении патентов для мигрантов, работающих у частных лиц. Эта мера коснулась, прежде всего, сфер женской занятости. Патент имеет ряд достоинств, таких как легкость его получения и невысокая стоимость. Но имеются и недостатки. Патент не требует оформления трудового договора, и в этом заключается его самый большой минус, так как устная договоренность, по которой работает большинство домашних работников, не гарантирует выплаты оговоренной суммы оплаты труда и выплат вообще, соблюдения условий труда. Также получение

патента не решает проблему медицинского обслуживания, которая является очень актуальной для всех мигрантов, но особенно для женщин [3].

Миграционное законодательство предъявляет требования к мигрантам относительно порядка въезда, пребывания, трудовой деятельности, но не предусматривает наличия у них ответных потребностей. Тяжелые условия работы, проживание большого количества людей в тесных помещениях без бытовых условий, скудное питание обостряют необходимость в медицинских услугах. Когда речь идет о женщинах, к этим факторам добавляется и необходимость регулярного обращения в женскую консультацию, медицинское обследование, особенно остро эта проблема встает при беременности и родах. По действующим ныне в России законам женщины-мигранты не имеют права на бесплатную медицинскую помощь до родов, что может отрицательно сказаться на здоровье женщины и ребенка. Учитывая рост доли женщин и их возрастные характеристики (более 60 % женщин-мигранток находятся в активном репродуктивном возрасте [4]), можно прогнозировать дальнейшую актуализацию проблемы социального обеспечения этой группы мигрантов.

Уровень представленности женщин в потоках мигрантов из разных стран различен: в миграционном потоке из Узбекистана женщины составляют 8 %, из Таджикистана — 7 %, Азербайджана —

9 %, из Армении — 10 %, в то время как среди трудящихся-мигрантов из Молдовы женщин 24 %, из Кыргызстана — 28 %, из Украины — 19 %, из Вьетнама — 35 % [5]. Но общая тенденция такова, что в структуре стран исхода растет доля выходцев из республик Центральной Азии, что отражается и на численности женщин. Этот процесс говорит о том, что в миграцию вовлекаются выходцы из традиционных обществ, в которых, как правило, женщина занимает подчиненное положение, а потому не имеет возможности получить профессиональное образование и опыт работы, чаще всего является домохозяйкой, то есть занимается неоплачиваемым трудом, а также не имеет возможности и не испытывает необходимости изучать русский язык. После распада Советского Союза изучение русского языка в бывших республиках СССР почти прекратилось. Как показывают результаты исследований, лишь каждый пятый житель Узбекистана из опрошенных в 2004 году хорошо владел русским языком и 60 % кое-как могли изъясниться. В Кыргызстане в 1999 году 15 % жителей считали русский язык родным и 75 % вторым языком, а через 10 лет только 9 и 50 % соответственно [6]. При этом нужно отметить, что в обоих опросах участвовало население старше 18 лет, поэтому можно предположить, что у более молодого поколения уровень знания русского языка еще ниже. Эти процессы являются результатом сокращения финансирования как системы образования вообще, так и преподавания русского языка в школах. Если при советской власти знание русского языка было обязательным условием продвижения по карьерной лестнице, то теперь это возможно и без таких навыков. Отсутствие профессиональных навыков в сочетании с плохим знанием русского языка во многом определяют неконкурентоспособность женщин-мигрантов на российском рынке труда, дают им возможность заниматься лишь неквалифицированной и непрестижной работой.

Кроме подверженности риску нелегальной занятости и физического насилия также нужно учитывать трудности адаптации и интеграции, свойственные именно женщинам-мигрантам. Эти трудности в большей степени являются социально обусловленными, так как исходят из гендерных стереотипов и подчиненного положения женщины в странах происхождения и отчасти из-за сохранения таких стереотипов в России. Число самостоятельных мигранток растет, но все же преобладающая часть мигрирует в сопровождении мужа, отца, других членов семьи, за которыми остается право принятия решений. Особенности сфер занятости и практика повседневной жизни также влияют на возможности интеграции. В России существуют уже сформированные, анклавные сферы занятости мигрантов из тех или иных стран. Поэтому большинство иностранок работают в окружении таких же мигрантов, как они сами, совместно снимают жилье и проводят свободное время среди своих соотечественников. Замкнутость самих женщин в своем сообществе, с одной стороны, и неприязненное отношение членов принимающего сообщества, с другой стороны, оказывают сдерживающее влияние на процесс интеграции.

Когда мы говорим только о мигрантах-мужчинах, не возникает вопросов, касающихся детей. Но когда речь заходит о женщинах-мигрантах, то проблемы связанные с пребыванием, образованием и здоровьем детей встают «в полный рост», потому что детей берут с собой именно женщины. Социальные, правовые и экономические проблемы, возникающие у родителей в стране пребывания, влияют и на уровень благополучия детей, находящихся вместе с ними. Более половины мигранток настроены на длительное или постоянное проживание в России, особенно часто такая установка встречается у тех, кто приехал на заработки вместе с детьми, соответственно они должны быть

интегрированы в российское общество, они должны чувствовать себя частью российского социума. Социальная исключенность детей мигрантов может грозить России теми же проблемами, что испытывает сейчас, например, Франция или США, когда потомки иммигрантов, недовольные своим маргинальным положением, решаются на акции протеста и устраивают бунты. Серьезным препятствием на пути к полноценному социальному обеспечению и интеграции детей мигрантов в российское общество являются: нелегальное положение родителей, плохое знание русского языка и разный менталитет, препятствующие эффективному общению детей-иностранцев с российскими сверстниками, негативное отношение к мигрантам со стороны принимающего общества.

Исследование, проведенное в 2010 году среди школьников Москвы, показало, что чем старше ребенок-мигрант, тем сложнее ему представить свою жизнь после школы. У него растет тревога по поводу будущих перспектив в плане профессионального образования и карьерного роста [7]. Чем раньше ребенок попадает в новое общество, тем легче ему адаптироваться. И, соответственно, чем дольше ребенок живет в стране происхождения, тем сильнее в нем укореняются ценности и нормы родного общества, и ему труднее адаптироваться в российской среде, он сильнее осознает свою уязвимость на новом месте жительства. Главный вывод авторов исследования состоит в том, что «социальная адаптация детей мигрантов в московских общеобразовательных школах происходит скорее *стихийно*, не является пока целенаправленной программой институциональных и гражданских сообществ» [7]. В то же время среди детей-мигрантов обнаруживаются высокие адаптивные установки, интерес к изучению русского языка, истории и культуры и получение высшего образования. Они готовы к межэтническому общению. Это та позитивная черта, которую необходимо учитывать при разработке интегративных программ для таких детей.

Немаловажным фактом для России является то, что трудовая миграция избыточной рабочей силы из развивающихся стран служит серьезной платформой для обеспечения социальной стабильности в самих этих странах. Миграция не только спасает население стран выезда от безработицы и голода, но и благоприятствует снижению напряженности в обществе, преимущественно состоящем из молодых людей. Потому что, как известно, общества с молодой структурой населения более подвержены социальным потрясениям, нежели при преобладании населения в зрелом возрасте. Стоит также отметить, что для различного рода потрясений в этих странах есть все основания: обесценивание человеческого труда в результате социально-экономических и политических катаклизмов 1990-х годов; низкий уровень жизни и безработица вследствие неразвитости экономики и дефицита рабочих мест; отсутствие возможностей для получения образования и самореализации, которые могут стать поводом для социальных конфликтов. В свою очередь, исходя из геополитической стратегии, России необходима социально-экономическая и политическая стабильность в государствах постсоветского пространства, являющихся стратегическими партнерами России.

В чем же состоят социальные проблемы женской трудовой миграции в Россию? Причины этих проблем кроются как в социально-демографических характеристиках самих мигранток, так и в особенностях миграционной и социальной политики России. В погоне за экономическими благами, получаемыми в результате использования иностранной рабочей силы, правительства и сами члены принимающего общества забывают о том, что мигранты — такие же люди, являющиеся не только производителями материальных благ, но и членами человеческого сообщества, которым необходим минимальный набор гарантированных прав и возможностей.

Трудовая миграция предъявляет высокие требования к физическому и психологическому здоровью мигрантов, а характер женского труда становится нелегким испытанием для этого здоровья. Этнокультурные особенности женщин-мигрантов и социальное различие между мигрантами и коренным населением создают серьезные препятствия и для адаптации и интеграции женщин. Поэтому женщины-мигранты должны быть признаны особой социальной группой в миграционном потоке, требующей регулярного получения необходимых услуг: социальных и юридических, в области медицины, образования, защиты от физического и психологического насилия. Разработка интеграционной программы на сегодняшний день — одна из наиболее важных задач, стоящих перед миграционной политикой.

Список литературы

1. Оценка нужд и потребностей женщин — трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия. ЮНИФЕМ – МОТ, 2009. – С. 23.

2. Migrant women in the European labour force. Current situation and future prospects. Technical report. RANDEurope. 2008., United Kingdom. Cambridge. P.XXVIII.
3. Рязанцев С. В. Патенты вывели «из тени» больше миллиона мигрантов // Миграция XXI век. – 2012. № 2(11). – С. 45.
4. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е. В. Тюрюкановой. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 184 с.
5. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Аналитический доклад. МОМ, – М. 2009. – 76 с.
6. Русский язык уходит, быстро и безвозвратно // Ашхабад, 21 декабря 2011 года URL: Gundogar.org.
7. Макаров А. Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социс. – 2010. – № 8. – С. 94-101.

Сведения об авторе

Илимбетова Айсылу Амировна, аспирантка кафедры народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, тел. 89652644929

Ilimbetova A. A., post-graduate student of the department of population economics faculty of the M. V. Lomonosov Moscow state university, Moscow city, phone: 89652644929

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ НЕФТЕПРОДУКТОВ

MECHANISM OF FORMATION OF COMPETITIVE ENTREPRENEURIAL ENVIRONMENT IN THE PETROLEUM PRODUCTS MARKET

М. И. Краснова

M. I. Krasnova

Ключевые слова: рынок нефтепродуктов, конкуренция, государственное регулирование
Key words: market of petroleum products, competition, government regulation

Рассмотрены основные экономические инструменты государственного регулирования конкуренции, применяемые в настоящее время на рынке нефтепродуктов. Выявлена недостаточная результативность проводимой государственной политики в этой области. Показаны направления совершенствования таких инструментов государственного регулирования на федеральном и региональном уровнях, как формирование ценовых индикаторов на нефтепродукты, биржевая торговля, таможенная и налоговая политика, осуществление товарных интервенций.

The article describes the main economic instruments of state regulation, that are currently in use in the oil products market. The author reveals a poor efficiency of the policy realized by the government in this sphere. The directions of improvement of such instruments of state regulation at the federal and regional levels as the formation of price indicators for petroleum products, exchange trade, customs and tax policy, implementation of trade interventions are demonstrated.

Качественное развитие предпринимательской среды в сфере нефтепродуктообеспечения в рыночных условиях предполагает наличие эффективной и динамически развивающейся конкуренции. Важным аспектом ее формирования является создание эффективного механизма регулирования конкуренции. Структура рынка нефтепродуктов в современных условиях является олигопольной и характеризуется наличием доминирующих нефтегазовых компаний, осуществляющих деятельность на всех сегментах рынка (добыча, переработка, реализация). Сохраняется устойчивая тенденция дальнейшего роста экономической концентрации и сокращения количества независимых предпринимательских структур — участников рынка.

Анализ рынка нефтепродуктов показал, что в 67 субъектах Российской Федерации (более 75 % объема реализации) присутствуют хозяйствующие субъекты, доминирующие (в том числе совместно) с долей продаж более 50 %, в 57 регионах это сбытовые подразделения ВИНК. Экономическая концентрация на оптовых рынках нефтепродуктов характеризуется преобладанием единоличного доминирования: на 59-ти монополизированных региональных рынках из 67 более 50 % объема продаж занимает одна компания, в 50 регионах это сбытовые подразделения ВИНК, в 9 — независимые участники рынка. Таким образом, сложившаяся ситуация на рынке нефтепродуктов выглядит следующим образом: добываемая вертикально интегрированными нефтяными компаниями нефть перерабатывается на собственных НПЗ, произведенные нефтепродукты реализуются на собственных АЗС вне зависимости от территориальной удаленности этих объектов производственной цепи друг от друга. При этом торговли нефтью и нефтепродуктами между ВИНК не происходит. Анализ уровня рыночной концентрации показал, что российский рынок нефтепродуктов является умеренно концентрированным с «расплывчатой» олигополией, в то время как в Тюменской области (без округов) рынок нефтепродуктов является высококонцентрированным и характеризуется «жесткой» олигополией (табл.1).

Таблица 1

Результаты анализа рыночной концентрации на рынке нефтепродуктов

Показатель	В России	В Тюменской области
Коэффициент рыночной концентрации	47 % < CR3 < 50 %, 55 % < CR4 < 59 %,	71 % < CR3 < 87 %, 80 % < CR4 < 90 %,
Индекс Герфиндаля — Гиршмана	1300 < HHI < 1800 — рынок умеренно концентрированный	2300 < HHI < 3500 — рынок высококонцентрированный
Коэффициент Линда	0,290 (7 хозяйствующих субъектов, характер олигополии — «расплывчатая»)	0,893 (2 хозяйствующих субъекта, характер олигополии — «жесткая»)

Действующая в настоящее время государственная система защиты конкуренции не охватывает все аспекты, связанные с регулированием процессов экономической интеграции, и почти не затрагивает деятельность вертикально-интегрированных структур.

Наличие существенных конкурентных преимуществ перед неинтегрированными участниками рынка способствует приобретению вертикально-интегрированными нефтяными компаниями значительной рыночной власти, создает высокую потенциальную возможность не только воздействовать на структуру товарных рынков, но и оказывать существенное влияние на состояние конкуренции, ее уровень, интенсивность и перспективы развития, что приводит к негативным социально-экономическим последствиям.

В последние годы в нефтегазовом секторе экономики все острее проявляются неблагоприятные тенденции: нефтепереработка по темпам развития начинает отставать от других производств, при этом на нефтепродукты цены растут значительно быстрее, чем на другие товары. Внутренний рынок нефтепродуктов неустойчив, в нем почти отсутствует конкуренция продавцов нефтепродуктов в регионах в оптовом и в розничном звене, в результате наблюдается скачкообразный рост цен на основные виды топлива; периодически возникают региональные дефициты; качество нефтепродуктов остается в целом на низком уровне; слабо используются биржевые финансовые инструменты, не сформирована единая система ценовых индикаторов. Сохраняется непрозрачность рынка, что в определенной степени связано с закрытостью информации о сети нефтебаз и автозаправочных станций, потреблении нефтепродуктов по субъектам РФ.

Все это требует более широкого и гибкого проведения государственной политики в области регулирования рынка нефтепродуктов, прежде всего, на региональном уровне. Основной задачей экономической политики является формирование конкурентной предпринимательской среды, благоприятной для ведения бизнеса, развития компаний и рынков, наиболее полного удовлетворения потребностей общества. Поэтому реализуемая государством экономическая политика должна основываться на конкурентных принципах.

В табл. 2 представлен анализ основных инструментов государственного регулирования конкуренции на рынке нефтепродуктов.

Таблица 2

Инструменты регулирования рынка нефтепродуктов

Инструменты регулирования	Регулирующие институты	Недостатки
Регулирование ценообразования утверждением методик расчета ценовых индикаторов	ФАС РФ Минэнерго РФ	Отсутствие утвержденной методики расчета ценовых индикаторов, не предусмотрен учет региональных особенностей рынка
Налоговые инструменты: 1. НДС 2. Акцизы	ФНС РФ	1. Привязка НДС к мировой цене приводит к повышению цен внутреннего рынка 2. Недостаточное влияние на качество и стимулирование модернизации НПЗ
Регулирование условий внешней торговли (экспортные таможенные пошлины)	ФТС РФ	Недостаточное проявление регулирующей функции экспортного таможенного тарифа
Контроль над уровнем рыночной концентрации в отрасли	ФАС РФ	Отсутствие влияния на экономическую политику ВИНК (за исключением штрафных санкций)
Регулирование ценообразования развитием биржевой торговли нефтепродуктами	Законодательные и исполнительные государственные органы РФ	Недостаточный уровень развития данного инструмента, не позволяющий выполнить эту задачу
Создание государственного резерва нефтепродуктов	Правительство РФ	На стадии предложения

На основании анализа результативности осуществления мер государственного регулирования конкуренции на рынке нефтепродуктов автором были предложены направления его совершенствования. Повышение стабильности ценовой конъюнктуры на внутреннем рынке

нефтепродуктов является системной задачей, для решения которой федеральным органам исполнительной власти необходимо реализовать комплекс мер, не предусматривающих прямого вмешательства в ценообразование на нефтепродукты и способствующих формированию конкурентной среды в отрасли, в том числе определение ценового индикатора в соответствии с методикой формульного образования. В настоящее время на стадии обсуждения находятся 3 варианта формул для расчета индикатора цен на нефтепродукты, предложенные Федеральной антимонопольной службой России (ФАС), Минэнерго и вертикально интегрированными нефтяными компаниями (ВИНК). На основании расчетов, проведенных автором, можно сделать вывод, что формула, предложенная ФАС, наиболее приближена к рыночному уровню. В то же время фактические рыночные цены завышены по сравнению с расчетными. Поскольку рыночные цены различаются по регионам, то на основании анализа статистических данных о средних ценах по регионам автором приведено обоснование применения корректирующего коэффициента к формульной цене соответствующего региона, такой коэффициент для Тюменской области составит в среднем по бензинам 1,08, по дизельному топливу 1,04.

Действующая налоговая система не в полной мере стимулирует развитие независимого сектора рынка нефтепродуктов. С целью создания более гибкого механизма налогообложения предлагается, с одной стороны, в качестве стимулирующего инструмента предоставлять льготы по налогу на прибыль (в региональной части) и на имущество для независимых участников на стадии вхождения на рынок нефтепродуктов. С другой стороны, с целью ограничения рыночной власти вертикально интегрированных нефтяных компаний, доминирующих на региональных рынках, представляется целесообразным ввести региональный налог с продаж в оптовом звене в размере 2 % от выручки при реализации структурным подразделениям. Это ограничит преимущества ВИНК перед неинтегрированными участниками рынка и восполнит снижение поступлений налогов при предоставлении налоговых льгот. Кроме того, необходимо продолжить дифференциацию акцизов с целью мотивации к модернизации нефтепереработки.

Для формирования благоприятной экономической среды на внутреннем рынке нефтепродуктов требуется также дальнейшее совершенствование экспортного таможенного тарифа. Введенный в 2011 г. порядок экспорта 90-66-90 не привел к существенному сокращению экспорта темных нефтепродуктов, что является следствием низкой глубины нефтепереработки. С целью усиления регулирующей функции таможенного тарифа и стимулирования повышения глубины переработки предлагается ввести запретительные ставки таможенной пошлины на экспорт мазута (коэффициент от ставки вывозной пошлины на нефть 1,6) и льготные, дифференцированные по маркам, ставки вывозной пошлины на высокооктановые бензины (при условии финансирования модернизации НПЗ). Такой подход приведет к необходимости развивать вторичную нефтепереработку на основе современных технологий, увеличивать предложение высококачественных нефтепродуктов, в том числе для внешнего рынка.

Рыночным механизмом ценообразования является товарная биржа. Развитие биржевого рынка в России позволит решить целый ряд важнейших задач, в числе которых:

- обеспечение устойчивости внутреннего рынка нефтепродуктов и выявление экономически обоснованного уровня цен на внутреннем рынке;
- формирование необходимой рыночной информации в нефтяном секторе;
- обеспечение возможностей страхования рисков от неблагоприятного колебания цен на реальный товар для производителей и потребителей нефтепродуктов;
- существенное снижение затрат бюджета при закупке нефтепродуктов для государственных нужд.

В настоящее время биржевая торговля нефтепродуктами не получила широкого применения; цены, формируемые в результате торгов нельзя рассматривать как рыночные. ФАС предлагает обязать нефтяные компании реализовывать, используя биржевые площадки, не менее 10 % продаж бензина и не менее 5 % продаж дизельного топлива. Такой объем товарооборота не сможет обеспечить формирование рыночной цены, способной стать ценовым индикатором для внутреннего рынка. Обязательный объем продаж требуется увеличить как минимум вдвое. В целях мотивации продаж участникам торгов предлагается предоставлять льготу по налогу на добавленную стоимость в размере

15 % (от действующей ставки). Кроме того, по мере развития нефтепереработки в регионах необходимо формировать региональные электронные биржевые площадки нефтепродуктов, что позволит более оперативно решать вопросы реализации, а также рационализировать логистические

процессы. Таким образом, возможности использования механизма государственного регулирования конкуренции с учетом направлений его совершенствования на различных уровнях управления будут способствовать развитию предпринимательства на региональном рынке нефтепродуктов.

Список литературы

1. Авдашева С. Б. Акциз на бензин надо отвязать от цены нефти [Электронный ресурс] / С. Б. Авдашева. URL: http://www.mn.ru/newspaper_opinions/20110426/301391517.html.
2. Бутырина Е. Обзор рынка нефтепродуктов // Панорама. – 2010. – № 23. – С. 21-23.
3. Краснова М. И. Конкуренция на рынке нефтепродуктов Тюменского региона. Вопросы экономики и управления: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 20-21 декабря 2010 г. / под ред. д. э. н., проф. И. Е. Бельских. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – С. 132-133.
4. Пельменева А. А. Государственное регулирование нефтегазового рынка России [Электронный ресурс] / А. А. Пельменева. URL: <http://science.ncstu.ru/conf/past/2008/12>.
5. Программа развития конкуренции в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 19.09.2009 г. № 691-р.
6. Топливо-энергетический комплекс России 2000–2009. Справочно-аналитический обзор. – М.: Институт энергетической стратегии, 2010.

Сведения об авторе

Краснова Мария Ивановна, ассистент кафедры экономики, организации и управления производством, Тюменский государственный нефтегазовый университет, тел. 89044931625, e-mail: krasnovami@gmail.ru

Krasnova M. I., assistant of the chair «Production economics, organization and management», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 89044931625, e-mail: krasnovami@gmail.ru

УДК 330.131.7

ПРОЕКЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В ПРОЦЕССАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ОБЪЕКТИВНЫЙ РИСК¹ PROJECTION OF THE ECONOMIC MECHANISM IN THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF UNCERTAINTY INTO THE OBJECTIVE RISK

Е. А. Кузьмин

E. A. Kuzmin

Ключевые слова: устойчивость, приемлемость рисков, неопределенность, управляемость, проекционность экономического механизма, организационно-экономические системы
Key words: stability, acceptable risk, uncertainty, control, projection of the economic mechanism, organizational-economic systems

Раскрывается существование особого свойства экономического механизма — проекционности, проявляющееся в вариативности силы апперцепции неопределенности, ее преобразования в риск. Априорная связь энтропии и рисков позволяет сделать обоснованный вывод о селективности задачи управления в отношении самих рисков и в отношении неопределенности.

In the article the author reveals the existence of the unique property of the economic mechanism, namely a projection, manifested in the variability of the uncertainty apperception force. The priori relationship of entropy and risks enables to make a valid conclusion about the selectivity of the control problem in respect to both the risks themselves and the uncertainties.

Риск как априорный результат наличия неопределенности является неотъемлемым атрибутом любой деятельности. Экспоненциальный рост сложности социально-экономического взаимодействия приводит к тому, что значимость рисков и неопределенности неуклонно возрастает, подчеркивая особую роль процессов и механизма управления ими. Может показаться, что непрерывные усилия управления защищают организационно-экономическую систему или экономического субъекта,

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по мероприятию 1.3.2. (XLVI очередь, лот 2012-1.3.2-12-000-3002), заявка ИКС № 2012-1.3.2-12-000-3002-034, а также при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 12-06-31031.

придавая им сравнительно большую устойчивость, надежность и стабильность функционирования. Однако, по глубокому убеждению автора, это не так.

Усилия управления необходимы лишь тогда, когда само воздействие может принести эффект, когда затраты ресурсов на управление способны поддержать или сохранить устойчивость. Тем самым поиск оптимума допустимого воздействия рисков и управленческой реакции, которые меняются с течением жизненного цикла, становится одной из актуальнейших научных задач поддержания устойчивого развития, однозначное или универсальное решение которой отсутствует.

Изучением допустимости рисков, изменений уровня их приемлемости с течением времени, а также вопросами принятия управленческого решения на основе оценок полезности риска занимались многие ученые и специалисты, преимущественно зарубежные. Теоретические исследования, проведенные К. J. Arrow [1, 2] и J. W. Pratt [3] во второй половине XX в., по сути, задали последующее направление научной мысли, призванное решить принципиальную задачу выбора значимых рисков и нахождения некоторого уровня их воздействия, когда дальнейшие действия в том же направлении чреваты утратой спокойствия определенности.

Эмпирические работы, базирующиеся на выводах и положениях К. J. Arrow и J. W. Pratt о приемлемости рисков через полезность, среди которых публикации I. Friend и M. E. Blume [4], R. A. Cohn, W. G. Lewellen, R. X. Lease и G. G. Schlarbaum [5], F. W. Siegel и J. P. Hoban Jr. [6, 7], W. B. Riley Jr. и K. V. Chow [8] и многих других, показали, что на величину полезности и приемлемости рисков оказывают влияние разнообразные факторы. К аналогичному выводу пришли в своем исследовании D. K. Schooley и D. D. Worden [9], подчеркнув особую роль капитала, так как «особенно богатство воздействует на неприятие риска, а факторы влияния носят смешанный характер».

Отсюда — неоднозначность трактовки приемлемого риска и неоднородность методов не только качественного, но и количественного определения уровня допустимости риска.

Многоаспектность риска, как и неопределенности, привела к междисциплинарным исследованиям причин, форм и видов его проявления в социально-экономических процессах и реакции на риск в зависимости от ценностей экономического субъекта. Среди ученых, посвятивших труды изучению апперцепции рисков, отметим V. C. Marshall [10], P. M. Sandman [11], O. Renn [12, 13], G. Walker, P. Simmons, B. Wynne и A. Irwin [14], N. Pidgeon [15], P. Slovic [16] и др.

О том, что такие субъективно-объективные формы проявления рисков существуют, говорит то обстоятельство, что у P. M. Sandman риск в альтернативной форме выражения есть сочетание объективной опасности и возмущения. Именно в возмущении кроется субъективная составляющая, которая «колеблется от равнодушия до энергичной оппозиции» [17] риска. Однако точка зрения P. M. Sandman на риск отражает только его непредметную реализацию. Иными словами, риск обладает определенным уровнем ущерба и выгод от тех событий и явлений, которые являются вероятными, что составляет его предметную сторону. Возмущение возникает не в отношении самого риска как такового, а риска в рамках конкретных условий. По мнению автора, возмущение было бы правильнее соотносить с экономическим субъектом или организацией, в которых создаются условия, меняющие восприятие и приемлемость риска.

С учетом сказанного интересно мнение ряда ученых о том, что приемлемость риска находится в непосредственной сфере влияния неопределенности. Такое предположение будет справедливым только в том случае, если проекционность системы (о которой будет сказано далее) на некотором рассматриваемом временном интервале стабильна. J. Reuvid доказывает, что «толерантность к риску или аппетит [к нему. — Прим. авт.] отражает степень неопределенности, которую фирма или физическое лицо готовы принять для достижения финансовых целей» [18]. В этом проявляется дуализм принципиального восприятия устойчивости и безопасности в контексте декомпозиции причинно-следственных предпосылок их возникновению. Очевидно, что «в условиях неопределенности... важно неприятие риска в процессе принятия решений» [19], на что указывают L. Eeckhoudt, C. Gollier и H. Schlesinger. Компромисс между риском и доходностью выражается в «константе, называемой коэффициентом неприятия риска» [20].

Влияние рисков и неопределенности на экономическую устойчивость и безопасность

Безусловно, динамика эволюционного развития экономического субъекта приводит к тому, что уровень приемлемости риска и его восприятие меняется с ходом жизненного цикла. Приемлемость рисков создает некий образ эталона нормального в известном смысле слова положения, при котором устойчивость возникает как результат объединения двух детерминант — обратной причинно-следственной априорной связи неопределенности и рисков, а также целей и задач

существования, которые воплощаются в уровне приемлемости рисков на различных этапах жизненного цикла. Помимо индикативной функции, указывающей на характерное состояние экономического субъекта или организации, приемлемость играет роль регулятора управления. Как отмечалось, сущность допустимого уровня риска заключается в том, что реакция на опасности и угрозы не должна быть сплошной. Эта особенность находит подтверждение в выводе J. Fraser и V. Simkins: «Задачей эффективного управления на уровне предприятия и на оперативном уровне является принятие решений и действий, которые надлежащим образом сохраняют баланс между потенциалом роста и недостатком эффектов. Этот баланс рисков отражен в аппетите и толерантности к риску со стороны организации» [21]. Возникающая устойчивость при этом доказывает, что фактическое развитие лишь сбалансировано с заданными целями и задачами, для выполнения и реализации которых решается одновременно задача эффективного использования ресурсного потенциала. Становится очевидным, что чем более рациональным будет использование имеющихся ресурсов, тем дольше будет функционировать экономический субъект и тем протяженнее будет жизненный цикл, поскольку «доступ к ресурсам необходим для выживания организации» [22].

Обобщение сущностных императивов приемлемости рисков приводит к изучению *категории безопасности*. Понятие «экономическая безопасность» традиционно связывается с такими категориями, как «независимость», «суверенитет», «устойчивость» и «стабильность». В научном сообществе фактически отсутствует единообразное определение термина «устойчивость». Дуализм данного понятия, подчеркнутый в исследовании О. В. Михалева [23], в особенностях изучения конкретных объектов и явлений находит весьма многообразные отклики и подтверждения в научных публикациях. С одной стороны, устойчивость — это свойство организационно-экономической системы и каждого из ее элементов. Она, «будучи внутренним свойством... зависит как от внутренних, так и от внешних условий» [23]. С другой стороны, можно говорить о том, что устойчивость представляется как состояние, в котором система может либо находиться, либо испытывать неустойчивость как проявление излишнего воздействия неопределенности и рисков, сопровождающих их изменений и скорости таких перемен. В результате «устойчивость — это не просто свойство и не просто состояние системы, а свойство, проявляющееся в состоянии, которое зависит от ее отношений с внешней средой» [23].

Существует большое количество научных публикаций, где при трактовке экономической безопасности используются именно термины «устойчивость» и «стабильность». Общепринятой трактовкой экономической безопасности в самом общем смысле можно считать определение, данное Л. Абалкиным, который одним из первых в современной России обратился к данной проблематике. По мнению Л. Абалкина «экономическая безопасность — это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [24]. Не оспаривая верность данного определения, подчеркнем, что категории «независимость», «стабильность» и «устойчивость» выступают в качестве параметров, от динамики которых зависит, будет ли достигнуто то самое состояние безопасности.

Традиционное понимание безопасности предполагает, что угрозы функционирования экономического субъекта полностью отсутствуют, но параметр приемлемости рисков заставляет переосмыслить состояние безопасности. С одной стороны, устойчивость уже является признаком того, что система пребывает в некотором безопасном положении. С другой стороны, устойчивость затрагивает соотношение неопределенности и не позволяет однозначно утверждать, что организация в безопасности. Во-первых, категория рисков не тождественна категории безопасности, но априорная связь между ними указывает на наличие корреляции и на детерминированность рисков от энтропии. Во-вторых, пороговый уровень стационарной устойчивости может не соответствовать граничному пределу допустимого (приемлемого) воздействия рисков, который устанавливается независимо.

Аналогичные выводы о том, что приемлемость приводит к безопасности, можно проследить в работе В. В. Костерева. Он справедливо отмечает, что «безопасность — это пребывание данной системы в условиях приемлемого риска» [25], а условие безопасности есть условие приемлемости угроз [25]. Схожие идеи высказывает К. Heldman, подчеркивая, что толерантность к риску представляет собой баланс «удобства риска» [26] для заинтересованных сторон, когда *порог означает точку перегиба преимуществ активного или пассивного восприятия рисков*, «поскольку стоимость воздействия будет слишком велика, учитывая количество выгод, которые могут быть получены». Приемлемость рисков в таком случае становится «дугой [зоной. — Прим. авт.] комфорта» [26] для экономического субъекта. Таким образом, *организационно-экономическая*

система или экономический субъект, будучи устойчивым, может оказаться в небезопасном положении.

Проекционность в процессе преобразования неопределенности в объективный риск.

Если согласиться, что безопасность является областью допустимого риска, который «организация готова принять для достижения бизнес-целей, выражая терпимость» [27], то необходимо рассмотреть вопрос *связи устойчивости и безопасности*. Любая организационно-экономическая система или экономический субъект моментно обладают определенной совокупностью рисков (под совокупностью рисков в данном случае подразумевается общая стоимость потенциального вероятного ущерба от проявления событий и явлений неопределенностной природы во всех ее формах) и *кумулятивной энтропией*. Известно, что *зависимость неопределенности и рисков является априорной в их каскадном преобразовании*. *Отсутствие превентивного управления неопределенностью составляет прочие равные условия, которые указывают на прямую зависимость величины рисков от энтропии*. Но в динамике развития соотношение между значением совокупного риска и кумулятивной неопределенности приобретает неоднозначную роль, характеризуя особое свойство внутренней и внешней части экономического механизма по апперцепции неопределенности. *Обозначающаяся квантификация преобразования неопределенности в риск описывает существующий порядок с точки зрения истолкования проекционности, меняющейся под воздействием «очень немногих переменных, можно даже сказать, что поведение отдельных частей системы просто определяется этими немногими факторами» [28], получившими название управляющих «параметров порядка, подчиняющих себе систему» [1].*

Естественно, этот процесс не является замкнутым, система развивается и постоянно обновляется, вместе с тем обновляется и апперцепция неопределенности. Однако обновление не носит однонаправленный характер: периоды положительной самоорганизации сменяются моментами ее отрицательного действия, когда насыщенность системы рисками и плотность их распределения указывают на то, что сколь угодно малое возрастание неопределенности приведет к существенному нарастанию совокупного риска, как и наоборот. В результате параметры порядка, вначале воздействуя на поведение частей системы, впоследствии сами испытывают их влияние. Круговорот взаимозависимости поведения частей и параметров порядка системы означает существование спиральной циклической модели развития, подтверждая многочисленные предположения о траектории эволюционного развития организационно-экономических систем. Сам факт существования определенного цикла в обусловленности поведения и состояния параметров свидетельствует, что управляющие параметры порядка системы обладают граничными значениями детерминации, выход за которые приводит в движение маховик изменчивости самой системы, неопределенности ее поведения при смене пороговых значений параметров порядка. И удивительное, необъяснимое поведение системы есть следствие трансформации данных параметров.

При всей скрытости немногих факторов, определяющих поведение системы и ее частей, предлагаемое автором количественное соотношение между совокупным риском и кумулятивной неопределенностью, которыми обладает объект исследования в каждый конкретный момент, дает основания утверждать, что *порядок в системе или механизм поддержания ее на ходу характеризуется высокой или низкой проекционностью*. Иными словами, динамика развития свидетельствует, что в одних состояниях отношение рисков к энтропии относительно низко (то есть на единицу свойственной неопределенности приходится сопоставимо меньше ущерба в его стоимостном выражении риска), а в других состояниях отношение является противоположным, демонстрируя сравнительно высокий объем потенциального ущерба на единицу кумулятивной или частной неопределенности.

Появляется возможность приведения величин с целью аналитического рассмотрения механизма системы, выработки стратегии и тактики прямого или опосредованного управления как системой в целом, так и ее составными частями. Ведь *высокая проекционность свидетельствует, что наиболее целесообразно воздействовать на неопределенность*, благодаря чему риск (в априорной связке с энтропией) будет снижаться существенно, чем при прямом управлении опасностями и угрозами. Однако целесообразность превентивного управления неопределенностью при сравнительно высокой проекционности наталкивается на ограничения изменений энтропии, так как объективно существует предел самоорганизации и управляемости.

Остается открытым вопрос о стационарной устойчивости и положении безопасности. Если считать верной гипотезу о невозможности состояния безопасности без наличия устойчивости, то

справедливо утверждать, что *приемлемость риска определяется исходя из величины допустимости неопределенности*. Однако, по мнению автора, выявленная проекционность механизма говорит о том, что величина совокупного риска, обусловленная присутствием неопределенности, создается в каждый конкретный момент с различной степенью детерминированности.

Таким образом, даже в ситуациях, когда неопределенность постоянна в абсолютном и в относительном значении, при прочих равных условиях относительно объекта исследования, *динамика параметров порядка организационно-экономической системы воплощает в себе каждый раз неповторимый объем рисков, соответствующих заданной неопределенности*. В этом, как представляется, заключается теоретико-методологический смысл проекционности, позволяющий, помимо прочего, сделать вывод, что *положение устойчивости и состояние безопасности не являются взаимодополняющими*. Вместе с тем, допуская, что может быть известен мультипликатор проекционности механизма, который на определенном интервале эволюционного развития остается неизменным, приемлемость рисков можно оценить через произведение мультипликатора и порогового уровня энтропии, соответствующего достижению стационарной устойчивости.

Противоречивость суждений относительно того, что, во-первых, устойчивость и безопасность не являются взаимодополняющими (в самом общем понимании), и во-вторых, приемлемость рисков, а собственно и безопасность, могут быть найдены через устойчивость, говорит о весомой доле условности в исследовании подобных категорий, дуализме восприятия и понимания их сущности и природы. Главной в концепции изучения категорий становится изменчивость параметров порядка системы или механизма, в рамках которого система существует и функционирует именно так, как свойственно ему. Сменяемость границ управляющих параметров порядка системы в циклическом развитии приводит к замещению проекционности, но, что особенно примечательно, данные границы параметров крайне непостоянны, вариативны и меняются непрерывно, вызывая колебания проекционности почти мгновенно.

Список литературы

1. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. – М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002.
2. Arrow K. J. Aspects of the theory of risk bearing. – Helsinki: YFjo Johnsson Lectures, 1965.
3. Pratt J. W. Risk aversion in the small and in the large // *Econometrica*. – 1964. – No. 32. – P. 122–136.
4. Friend I., Blume M. E. The demand for risky assets // *American economic review*. – 1975. – No. 65. – P. 900–922.
5. Cohn R. A., Lewellen W. G., Lease R. X., Schlarbaum G. G. Individual investor risk aversion and investment portfolio composition // *Journal of finance*. – 1975. – No. 30. – P. 605–620.
6. Siegel F. W., Hoban J. P. (Jr.) Measuring risk aversion: Allocation, leverage, and accumulation // *Journal of financial research*. – 1991. – No. 14. – P. 27–35.
7. Siegel F. W., Hoban J. P. (Jr.) Relative risk aversion revisited // *Review of economics and statistics*. – 1982. – No. 64. – P. 481–487.
8. Riley W. B. (Jr.), Chow K. V. Asset allocation and individual risk aversion // *Financial analysts journal*. – 1992. – No. 48. – P. 32–37.
9. Schooley D. K., Worden D. D. Risk aversion measures: Comparing attitudes and asset allocation // *Financial services review*. – 1996. Vol. 5, no. 2. – P. 87.
10. Marshall V. C. The social acceptability of the chemical and process industries : A proposal for an integrated approach // *Transactions of the Institution of Chemical Engineers*. 1990. Vol. 68. P. 83–93; / Volume 75, Supplement, 1997. – P. S145–S155.
11. Sandman P. M. Environmental communication research program. New Brunswick: Ryders Lane, Rutgers University, 1991.
12. Renn O. Perception of risks // *Toxicology letters*. 2004. Vol. 149. – P. 405–413.
13. Renn O. The role of risk perception for risk management // *Reliability engineering and system safety*. 1998. Vol. 59. – P. 49–62.
14. Walker G., Simmons P., Wynne B., Irwin A. Public perception of risks associated with major accident hazards. HSR Contract Research Report 194/1998, Health & Safety Executive, UK, 1998. Elton E. J., Gruber M. J., Brown S. J., Goetzmann W. N. Modern portfolio theory and investment analysis. John Wiley & Sons, 2009.
15. Pidgeon N. Risk assessment, risk values and the social science programme: Why we do need risk perception research // *Reliability engineering and system safety*. – 1998. Vol. 59. – P. 5–15.
16. Slovic P. The Perception of Risk. Sterling (VA): Earthscan Publications, 2000.
17. Cameron I. T., Raman R. Process Systems Risk Management. Academic Press, 2005.
18. Reuvid J. Managing business risk: A practical guide to protecting your business. Kogan Page Publishers, 2010.

19. Eeckhoudt L., Gollier C., Schlesinger H. Economic and financial decisions under risk. Princeton University Press, 2011.
20. Elton E. J., Gruber M. J., Brown S. J., Goetzmann W. N. Modern portfolio theory and investment analysis. John Wiley & Sons, 2009.
21. Fraser J., Simkins B. Enterprise risk management: Today's leading research and best practices for tomorrow's executives. John Wiley & Sons, 2010.
22. Jawahar I. M., McLaughlin G. L. Toward a descriptive stakeholder theory: An organizational life cycle approach // Academy of Management Review. – 2001. – No. 26.
23. Михалев О. В. Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. акад. упр. и экономики, 2010.
24. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4-13.
25. Костерев В. В. Надежность технических систем и управление риском. – М.: МИФИ, 2008.
26. Heldman K. PMP Project Management Professional Exam Study Guide. John Wiley & Sons, 2009.
27. Milosevic D. Z., Martinelli R., Waddell J. M. Program management for improved business results. John Wiley & Sons, 2009.
28. Авдийский В. И., Безденежных В. М. Неопределенность, изменчивость и противоречивость в задачах анализа рисков поведения экономических систем // Эффективное антикризисное управление. – 2011. – № 3 (66).
29. Arrow K. J. Essays in the theory of risk-bearing. Chicago: Markham Publishing Company, 1971.

Сведения об авторе

Кузьмин Евгений Анатольевич, аспирант, кафедра экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, тел. 89221267201, e-mail: KuzminEA@gmail.com

Kuzmin E. A., post-graduate student of the chair «Economics of Enterprises», the Ural State University of Economics», phone: 8922126720, e-mail: KuzminEA@gmail.com

УДК 330.322

**К ВОПРОСУ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ
ДЕКЛАРАЦИИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ООН
TO THE ISSUE OF FINANCIAL SUPPORT OF THE UNITED NATIONS' MILLENNIUM
DECLARATION TARGETS REALIZATION**

М. А. Шерстнев
M. A. Sherstnev

Ключевые слова: развитие, финансы, цели развития, Декларация тысячелетия
Key words: development, finance, development targets, Millennium declaration

Содержится обзор идей об источниках финансирования развития, которые широко обсуждались международным сообществом до кризиса, начавшегося в мире в 2008 г., для достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН. Представленные идеи по-прежнему остаются отправной точкой для дальнейшего обсуждения этого вопроса и соответствующих политических решений в посткризисном мире.

The article presents a review of ideas about the sources of development financing, which were widely discussed by the community before the crisis that began in 2008 in the world, to achieve the goals in the sphere of development formulated in the UN's Declaration of Millennium. The ideas presented still remain being a starting point for further discussion of this issue and corresponding political solutions in the post-crisis world.

Современные научные исследования и политические дискуссии призваны обеспечить дальнейшее осмысление многогранной проблемы финансирования развития в неоднородном мировом хозяйстве, главным образом в таких двух важных областях, как взаимосвязь между развитием финансовых систем и экономическим ростом и имеющимся перечнем конкретных источников финансирования развития в современном мире. В настоящей статье рассматривается второй аспект указанных исследований и политических дискуссий — источники финансирования развития. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций сформулировала количественно определенные цели, которые должны быть достигнуты в течение заранее определенного периода времени. В 2003 году было решено дополнительно сформулировать перечень

конкретных показателей для мониторинга прогресса в направлении Целей Развития Тысячелетия (ЦРТ) [1]. Эти цели политики развития поднимают вопрос соответствующих механизмов финансирования для их практического осуществления.

Внутренние источники финансирования

Как указано в Zedillo et al. [2]: «Основная ответственность за обеспечение роста и справедливого развития лежит на самих развивающихся странах. Эта ответственность включает в себя создание условий, которые делают возможным обеспечить необходимые финансовые ресурсы для инвестиций. Это именно действия отечественных политиков, которые во многом определяют состояние управления, макроэкономической и микроэкономической политики, государственные финансы, состояние финансовой системы и другие основные элементы экономических условий страны». Важнейшим внутренним источником финансирования развития являются сбережения домашних хозяйств, предприятий и правительств в самих развивающихся странах и их последующая трансформация в инвестиции. Но какие факторы реально влияют на поведение в области сбережений в этой группе стран?

Schmidt-Hebbel, Serven [3; 4], Edwards [5] представили детальный обзор сберегательного поведения в мире, который был использован экспертами международных организаций для формулировки важных политических выводов в отношении стран третьего мира. В указанных исследованиях были выявлены следующие важные экономические взаимосвязи:

- положительная корреляция между уровнями нормы сбережения и дохода на душу населения разных стран;
- положительная корреляция между нормой сбережения и темпами экономического роста разных стран;
- положительная корреляция между нормой внутренних сбережений и нормой инвестиций разных стран;
- отсутствие значимой связи между нормой сбережения и уровнем неравенства доходов.

Эти выводы указывают, что процесс экономического развития связан с увеличением нормы национальных сбережений (хотя *причинно-следственные взаимосвязи сбережения — развитие могут быть более сложными на разных стадиях экономического развития*), и поэтому внутренние источники финансирования важны для процесса развития.

Reinhart и Talvi [6] в своем исследовании взаимосвязей между внутренними и иностранными сбережениями (притоком капитала) представили обзор литературы, в котором изложены основные факторы, влияющие на норму сбережения в развивающихся странах. Эти факторы включают демографические факторы, уровень развития финансового сектора, темпы роста ВВП на душу населения, привлечение иностранных сбережений (приток капитала) и некоторые другие. Авторы указали, что уровень нормы сбережения в Азии был значительно выше, чем в Латинской Америке благодаря более высокому уровню развития финансовой системы (стоит отметить, что имеющиеся эмпирические данные не показывают никакой разницы в предпочтениях домохозяйств между настоящим и будущим потреблением между Азией и Латинской Америкой). Еще одно важное наблюдение состоит в том, что именно экономический рост дает толчок росту внутренних сбережений, а не наоборот, и это обстоятельство является важным ограничением для политики развития *на ее начальных этапах*.

Группа беднейших стран характеризуется своими особенностями в поведении относительно нормы сбережения, обзор ряда важных идей из соответствующей эмпирической литературы приводится в Rosenzweig [7]. Экономическая среда в таких странах сочетает в себе низкие и волатильные доходы с отсутствием полностью развитых страховых и кредитных рынков, что приводит к ситуации, когда сбережения осуществляются главным образом для сглаживания потребления в краткосрочной перспективе в условиях нестабильных доходов и низкой ликвидности, а ориентированные на перспективу жизненного цикла сбережения являются просто невозможными (то есть имеются только сбережения из предосторожности).

Однако внутренние источники имеют свои ограничения для процесса экономического развития. Во-первых, как уже указывалось выше, трудно финансировать «take-off» только из внутренних источников, так как они чрезвычайно ограничены на этой начальной стадии экономического развития (или почти отсутствуют в случае беднейших стран). Во-вторых, относительно низкий доход на душу населения создает определенные ограничения для *добровольных* частных сбережений. В-третьих, есть некоторые эмпирические доказательства, что для длительных

исторических периодов отсутствие доступа к мировым рынкам капитала имеет неблагоприятные последствия для экономического развития стран на периферии мировой экономики [8].

Внешние источники финансирования

Для целей нашего анализа внешние источники финансирования могут быть разделены на следующие укрупненные группы:

- международные частные потоки доходов и капитала;
- официальная помощь развитию и финансирование устойчивой официальной внешней задолженности;
- облегчение бремени внешней задолженности для развивающихся стран.

Международные частные потоки доходов и капитала

Чистые финансовые потоки от частного сектора развитых стран в развивающиеся страны и переходные экономики в 2004 году составили \$ 192 млрд в форме акционерного капитала (2,7 % от ВВП) и \$ 109 млрд в форме кредитов и займов (1,4 % ВВП). Имеющиеся данные показывают, что потоки акционерного капитала имеют гораздо более стабильный характер, чем долговые потоки [9].

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются одним из наиболее важных компонентов частных финансовых потоков. Явные преимущества этой формы финансирования состоят в том, что она не увеличивает бремя задолженности развивающихся стран, способствует формированию капитала в странах-получателях и последующему получению дохода и налогов, имеет такие дополнительные преимущества, как передача по внутренним каналам МНК предпринимательских навыков, методов управления и технологий; ПИИ не подвержены быстрым притокам, внезапным остановкам и оттокам в периоды финансовых кризисов. Однако ПИИ являются феноменом частного сектора, и они оцениваются по экономическим критериям частного бизнеса. Поэтому они не являются легкодоступными для всех частей развивающегося мира и менее всего доступны для беднейших стран и регионов.

В то же время новым явлением становится финансовая взаимозависимость между развивающимися странами и странами с переходной экономикой. В быстро растущих развивающихся и переходных странах их предприятия начинают собственный поиск деловых возможностей за рубежом (это происходит в Бразилии, Китае, Индии, Малайзии, Мексике, Южной Африке и Российской Федерации)[9].

Денежные переводы мигрантов стали в минувшее десятилетие важной частью внешнего финансирования в ряде развивающихся и переходных стран, их сумма в 2004 году оценивалась в \$ 125,8 млрд. Эта форма финансирования также не способствует росту бремени внешней задолженности развивающихся стран, более доступна для различных частей третьего мира и оказывает позитивное воздействие на сокращение масштабов нищеты в странах-получателях (с 2001 по 2004 год доля стран с низким уровнем дохода в общей сумме денежных переводов увеличилась с 28 до 35 %, и доля денежных переводов составила более чем 5 % ВВП в бедных странах) [9]. Но денежные переводы являются по своей экономической природе текущим доходом, и поэтому их влияние на формирование капитала и последующий рост богатства и уровня экономического развития не являются прямолинейными, так как зависят от их распределения получателями между потреблением и сбережением.

Секьюритизация будущих частных потоков денежных средств (главным образом денежных переводов в случае бедных стран) представляет собой инновационный способ финансирования, который доступен для развивающихся стран [9]. В этом механизме финансирования используется офшорный счет, который находится под управлением доверенного лица как обеспечение для займов местным банком. Средства, которые поступают местному банку, направляются на этот счет, из них кредиторам выплачиваются основная сумма долга и проценты (держателям облигаций или коммерческим кредиторам), а оставшиеся после исполнения внешних обязательств средства перечисляются в местный банк. Этот механизм финансирования позволил Эль-Сальвадору, Мексике и Турции привлечь около \$ 2,3 млрд за 1994–2000 годы.

Официальная помощь развитию (ОПР)

Официальная помощь развитию играет чрезвычайно важную роль, особенно для беднейших стран. «...ОПР определяется Комитетом содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) как субсидии и льготные кредиты, предоставленные правительствами стран-доноров и международными организациями в целях содействия экономическому развитию и благосостоянию» [9]. Монтеррейский консенсус содержал призыв к богатым, промышленно развитым странам выделять 0,7 % от ВВП на цели ОПР для развивающихся

стран и 0,15–0,2 % ВВП для наименее развитых стран как помощь в целях развития [1]. С учетом этой декларации страны-доноры начали устанавливать свои собственные ориентиры для достижения цели. Члены Европейского союза поставили цель увеличить ОПР от 0,35 % их ВНД в 2003 году до 0,39 % в 2006 году [9].

ОПР принимает множество различных конкретных форм и направлена на достижение целей развития. Явным преимуществом является то, что значительную часть этой помощи не увеличивает бремя внешней задолженности, в то же время льготные займы предоставляются на значительно более выгодных условиях по сравнению со стандартными условиями кредитования. Однако она подвергалась жесткой критике за то, что может порождать специфическую культуру зависимости и подвержена коррупции и неэффективному использованию как на стороне доноров, так и на стороне получателей.

В минувшее десятилетие было предложено несколько инновационных форм финансирования развития как часть ОПР. Предложение по *Механизму международного финансирования (International Finance Facility, IFF)* было выдвинуто Правительством Великобритании для обеспечения объема финансирования, необходимого для достижения ЦРТ в установленные сроки [2]. Механизм финансирования структурируется следующим образом: страны-доноры дают обещание касательно потока будущих взносов в IFF и затем осуществляют соответствующие платежи в обещанных объемах и в соответствии с обещанным временным графиком. Обязательства по взносам являются юридически обязательными, каждый донор несет ответственность за свои собственные платежи, и неисполнение обещанных платежей должно рассматриваться как суверенный дефолт. Будущие взносы стран-доноров позволяют IFF осуществлять займы на мировых рынках капитала через выпуск облигаций. При этом IFF должен быть структурирован как заемщик высокого качества, который способен привлечь средства по самой низкой возможной цене.

В Монтеррейском консенсусе содержался призыв к Международному валютному фонду произвести *дополнительную эмиссию СДР* и их распределение между развивающимися странами для финансирования провозглашенных ООН целей развития. Это позволяет генерировать дополнительную ликвидность для нуждающихся стран. Но такое предложение чревато глобальным инфляционным риском и лишено ясности в отношении схемы рефинансирования [11].

Наиболее высоким потенциалом для получения доходов для финансирования развития могли бы стать *глобальные налоги*. Экспертные оценки давали следующие цифры доходов: налог Тобина — \$ 50 млрд при ставке 0,02 %; налог на валютные операции Шпанна — 17–20 млрд евро при ставке 0,02 %; налог на выбросы углекислого газа — \$ 130 млрд; налог на авиакеросин — \$ 20 млрд; налог на морские перевозки — \$ 20 млрд; налог на торговлю оружием — \$ 2,5–5 млрд; налог на биты электронной информации — \$ 50 млрд в год [11]. Но такие предложения сталкиваются с серьезными препятствиями в политической сфере, прежде всего с нежеланием США участвовать в создании системы глобальных налогов.

Устойчивое официальное долговое финансирование и облегчение бремени задолженности

Внешнее официальное кредитование, предоставляемое международными организациями (прежде всего, МВФ, Всемирным банком и региональными банками развития) и иностранными правительствами на стандартных условиях также важны для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Оно помогает преодолеть узость национального кредитного рынка и уменьшить эффект вытеснения частных инвестиций в случае государственных займов, а также уменьшить стоимость заимствований и получить доступ к финансированию в чрезвычайных ситуациях (включая ситуации проблем в сфере платежного баланса). При этом следует отметить, что обслуживание внешней задолженности само по себе представляет серьезную проблему в третьем мире, которая усугубляется низкой эффективностью государственных инвестиций. В то же время любое списание долга порождает проблемы морального риска как у должников, так и у кредиторов, при этом поведение всех сторон отношений может приобретать более безответственный характер.

Представленный обзор различных идей и подходов позволяет заключить, что успешное выполнение поставленных задач возможно лишь при использовании разнообразных источников финансирования как из частных, так и из официальных источников, при этом каждая из групп имеет свои сильные и слабые стороны. Развивающиеся страны в первую очередь сами несут ответственность за создание благоприятных условий для мобилизации финансовых ресурсов и их последующего эффективного использования по каналам частных (что предполагает развитие более глубоких и эффективных национальных финансовых систем) и государственных инвестиций.

В целом наиболее серьезным потенциалом для привлечения ресурсов обладают прямые иностранные инвестиции, денежные переводы мигрантов из-за рубежа, различные формы официальной помощи развитию (включая предложенные инновационные формы финансирования).

Глобальный экономический кризис и серьезные финансовые проблемы в центре мирового хозяйства осложнили поиск источников финансирования для развития. В этих условиях потенциальным новым источником финансовых ресурсов могут стать более развитые и быстрорастущие страны в самом третьем мире (прежде всего, страны БРИКС). Однако эти страны сами должны решать задачи собственного внутреннего развития, поэтому это требует поиска адекватных форм сотрудничества и представляет поле для отдельного исследования (с учетом создания в Российской Федерации специального агентства помощи развитию и возвращения нашей страны в число доноров для стран третьего мира).

Список литературы

1. United Nations (2003) «Millennium Development Goals», New York.
2. Zedillo, E et al. (2001) «Report of the High-Level Panel on Financing for Development», New York.
3. Schmidt-Hebbel, K and Serven, L (1995a) «Saving in the World: Puzzles and Policies», The World Bank, mimeo.
4. Schmidt-Hebbel, K and Serven, L (1995b) «Saving and Income Distribution», The World Bank, mimeo.
5. Edwards, S (1995) «Why are saving rates so different across countries. An International Comparative Analysis», NBER Working Paper Series, April.
6. Reinhart, C and Talvi, E (1998) «Capital flows and saving in Latin America and Asia: a reinterpretation», Journal of Development Economics, Vol. 57.
7. Rosenzweig, M. (2001) «Savings behaviour in low-income countries», Oxford Review of Economic Policy, Vol.17, No 1.
8. Taylor, A. (1998) «Argentine and the world capital market: saving, investment, and the international capital mobility in the twentieth century», Journal of Development Economics, Vol. 57.
9. World Bank (2005) «Global Development Finance», Washington, DC.
10. HM Treasury (2005) «International Finance Facility», www.hm-treasury.gov.uk.
11. SDC (Swiss Agency for Development and Cooperation) (2005) «New Sources of Development Financing», SDC Working Paper, Berne.
12. United Nations (2002) «Report of the International Conference on Financing for Development. Monterrey, Mexico, 18-22 March 2002», New York.

Сведения об авторе

Шерстнев Михаил Анатольевич, к. э. н., доцент, Институт теоретической экономики и международных экономических отношений, Самарский государственный экономический университет (www.sseu.ru),

г. Самара, тел.: 88462240667, e-mail: sherstnev@sseu.ru

Sherstnev M. A., Candidate of Sciences in Economics, associate professor of the Institute of Theoretical Economics and International Economic Relations, Samara State Economic University, phone: 88462240667, e-mail: sherstnev@sseu.ru

УДК 338.1

КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

**QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ASSESSMENT OF ECONOMIC DEVELOPMENT
INDUSTRIAL ORGANIZATION**

Шилова Н. Н.

Shilova N. N.

Ключевые слова: промышленность, интенсификация, экономический рост, методы экономического анализа, затраты, область эффективности, количественно-качественная оценка эффективности
Key words: industry, intensification, economic growth, methods of economic analysis, the result, the costs, the area of efficiency, quantitative and qualitative assessment of effectiveness

Представлен краткий анализ методов экономического анализа, функционирующих в секторе «промышленность», с позиции их применения представителями малого бизнеса и индивидуальными предпринимателями. Приведена методика количественно-качественной оценки развития промышленной организации, основанная на расчете индекса эффективности. Приведена оценочная классификация областей использования производственных и финансовых ресурсов/затрат промышленной организации с позиции их интенсивного/экстенсивного вовлечения в процесс промышленного производства.

This article presents a brief analysis of the methods of economic analysis from the position of their representatives of small business and individual entrepreneurs operating in the sector «industry». Methods of quantitative and qualitative assessment of the development of industrial organization, based on the calculation of the performance index and the classification of areas of the production and financial resources/cost-of industrial organizations using from the position of their intensive/extensive usage are showed in the article. Given the estimated classification of areas of use of the production and financial resources/cost-of industrial organizations from the position of their intensive/ extensive involvement in the process of industrial production.

Россия в целом является промышленной страной, поэтому именно развитие промышленности определяет образ жизни и перспективы большей части населения. Постоянный поиск резервов повышения эффективности деятельности промышленных предприятий — одно из необходимых условий обеспечения устойчивости их конкурентных позиций в условиях рыночного функционирования, без которого невозможно поступательное развитие общества.

Хозяйственные резервы в экономическом анализе — это постоянно возникающие возможности повышения эффективности деятельности предприятия на основе использования достижений научно-технического прогресса (НТП) и передового опыта [1].

В условиях ограниченности ресурсов дополнительным источником служат выявление и вовлечение резервов на этапе оживления и экономического роста. Поиск резервов необходим для увеличения объема выпуска и реализации продукции, достижения уровня рентабельности, необходимого для сохранения конкурентных позиций и повышения стоимости бизнеса.

Экономическая сущность резервов повышения эффективности промышленного производства состоит в наиболее полном и рациональном использовании возрастающего потенциала с целью получения большего количества высококачественной продукции при наименьших затратах живого и овеществленного труда на единицу продукции. Для практики поиска резервов основным классификационным признаком служат факторы и условия интенсивного и экстенсивного развития производства:

1) экстенсивный способ — увеличение выпуска продукции без повышения степени отдачи применяемых в производстве трудовых и материальных ресурсов (то есть без повышения результативности), за счет их абсолютного увеличения. Развитие ориентируется на вовлечение в производство дополнительных ресурсов;

2) интенсивный — способ развития, опирающийся на внедрение инноваций, целью и результатом которого является повышение эффективности производства и увеличения на этой основе выпуска продукции при повышении их ресурсоотдачи.

Ограниченность ресурсов стимулирует промышленные предприятия к необходимости расширения рыночной доли и удовлетворения возрастающих потребностей в товарах производственного и бытового назначения при интенсификации промышленного производства. Интенсификация понимается как увеличение интенсивности, производительности труда [2]; комплексный фактор эффективности, обобщающий основные направления повышения эффективности производства: научно-технический прогресс, совершенствование общественных форм организации производства, управления, планирования и экономического стимулирования.

Характеризуя степень использования различных видов затрат и ресурсов, интенсификация непосредственно воздействует на уровень экономической эффективности промышленного производства. Между интенсификацией и эффективностью производства существует органическая связь и взаимообусловленность. Объекты поиска резервов:

- предприятие в целом и его сегменты;
- виды деятельности (операционная, инвестиционная, финансовая);
- отдельные центры затрат и центры ответственности;
- отдельные виды продукции;
- основные показатели, отражающие результаты хозяйственной деятельности (объем производства и реализации, себестоимость продукции, сумма прибыли и т. д.).

Для поиска и оценки резервов требуется количественное измерение возможного увеличения выпуска в результате повышения эффективности использования ресурсов, их оптимального сочетания и увеличения рыночной доли организации. Это обуславливает необходимость оценки эффективности ресурсов и затрат организации и поиск неиспользованных резервов для более качественного функционирования предприятий [3].

В процессе анализа не только вскрывают и характеризуют основные факторы, влияющие на хозяйственную деятельность, но и измеряют степень их воздействия.

Кроме традиционных способов анализа абсолютных, относительных и средних величин, графического, табличного, балансового, способа группировки экономистами используются методы детерминированного факторного анализа; методы стохастического корреляционного факторного анализа, экономико-математические методы; методы комплексной оценки результатов хозяйственной деятельности и пр. [4]. Большая часть обозначенных методов требует профессиональных знаний экономики, владения математическим инструментарием, что в значительной степени ограничивает использование этих методик представителями малого бизнеса и индивидуальными предпринимателями (таблица 1).

В условиях активизации малого предпринимательства в секторе «промышленность» целесообразно обратиться к оценке эффективности развития промышленного бизнеса с помощью сопоставления темпов изменения результативного показателя (объем продукции, выручка, прибыль, рыночная доля и пр.) и показателей использования производственных и финансовых ресурсов/ затрат предприятия в процессе создания результата.

Основой оценки качества использования ресурсов/затрат выступает критерий индекса эффективности, расчет которого осуществляется на основе формулы

$$I\varepsilon = \frac{I_z}{I_r}, \quad (1)$$

где $I\varepsilon$ — индекс эффективности использования ресурсов/ затрат; I_z — индекс затрат; I_r — индекс результативного показателя.

Каждому определенному индексу эффективности соответствует своя область эффективности, характеризующая определенное соотношение динамики результатов и динамики ресурсов/затрат (табл. 2, рисунок).

Таблица 1

Методы экономического анализа

Название	Характеристика метода	Недостатки
Методы детерминированного факторного анализа: <ul style="list-style-type: none"> метод цепных подстановок; индексный метод; методы абсолютных и относительных разниц; интегральный метод 	Исследования влияния факторов, связь которых с результативным показателем носит функциональный характер, то есть когда он представлен в виде произведения, частного или алгебраической суммы факторов	Возникновение неразложимого остатка, неадитивность по времени, трудности, связанные с получением формул расчёта, не дает общего метода разложения абсолютных отклонений обобщающего показателя по факторам при числе факторов больше двух
Методы стохастического корреляционного факторного анализа: корреляционный, дисперсионный анализ, компонентный, многомерный	Носят характер вероятностной, корреляционной зависимости, поскольку изменение фактора может дать несколько значений результата в зависимости от сочетания других факторов	На практике точностью оценки факторов пренебрегают, выдвигая на первый план относительную значимость влияния того или иного фактора
Экономико-математические методы: <ul style="list-style-type: none"> математическое программирование, исследование операций, методы экономической кибернетики 	Математическое описание экономического объекта или процесса с целью их исследования и управления ими. Математическая запись решаемой экономической задачи	Трудоемкость и сложность анализа, необходимость дополнительного инструментария

<p>Методы комплексной оценки результатов хозяйственной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Метод «Дельфи» • Директ-костинг • Метод «ПАТТЕРН» 	<p>Метод поиска решений, основанный на их генерации в процессе мозговой атаки</p>	<p>Чрезмерная субъективность и длительность времени для обеспечения «согласованности» мнений экспертов</p>
	<p>Метод, основанный на определении реальной стоимости продукции и услуг вне зависимости от расчетных условно-постоянных и накладных расходов</p>	<p>Трудности в разделении расходов</p>
	<p>Сочетание методов системного анализа написания «сценария» и построения «дерева целей»</p>	<p>Система лишена обратной связи из-за отсутствия логических элементов обнаружения ошибок в планах</p>

Характеристика областей эффективности производства [7]

Область экономики предприятия	Показатели индексов	Характеристика области
5 — область интенсивного производства	$I_r > 1, I_z < 1, I_r > I_z, I_e < 1$	Увеличение результата производства при одновременном снижении затрат (ресурсов), наблюдается эффективное использование затрат (ресурсов)
4 — область частично интенсивного производства	$I_r > 1, I_z > 1, I_r > I_z, I_e < 1$	Рост производства сопровождается ростом текущих затрат, но темпы роста производства выше, чем темпы роста затрат (ресурсов) Результат действия интенсивных и экстенсивных факторов
3 — область эффективного сокращения производства	$I_r < 1, I_z < 1, I_r > I_z, I_e < 1$	Уменьшение результатов производства идет более медленными темпами, чем снижение затрат (ресурсов)
2 — область неэффективного сокращения производства	$I_r < 1, I_z < 1, I_r < I_z, I_e > 1$	Снижение результатов производства идет более высокими темпами, чем снижение затрат (ресурсов)
1 — область экстенсивного производства	$I_r > 1, I_z > 1, I_r < I_z, I_e > 1$	Экономика предприятия функционирует за счет вовлечения новых ресурсов для ведения производственной деятельности
0 — область неуправляемого развития	$I_r < 1, I_z > 1, I_e > 1$	Снижение результатов производства при одновременном росте текущих затрат

Описание областей эффективности можно проводить как по базисным, так и по цепным индексам.

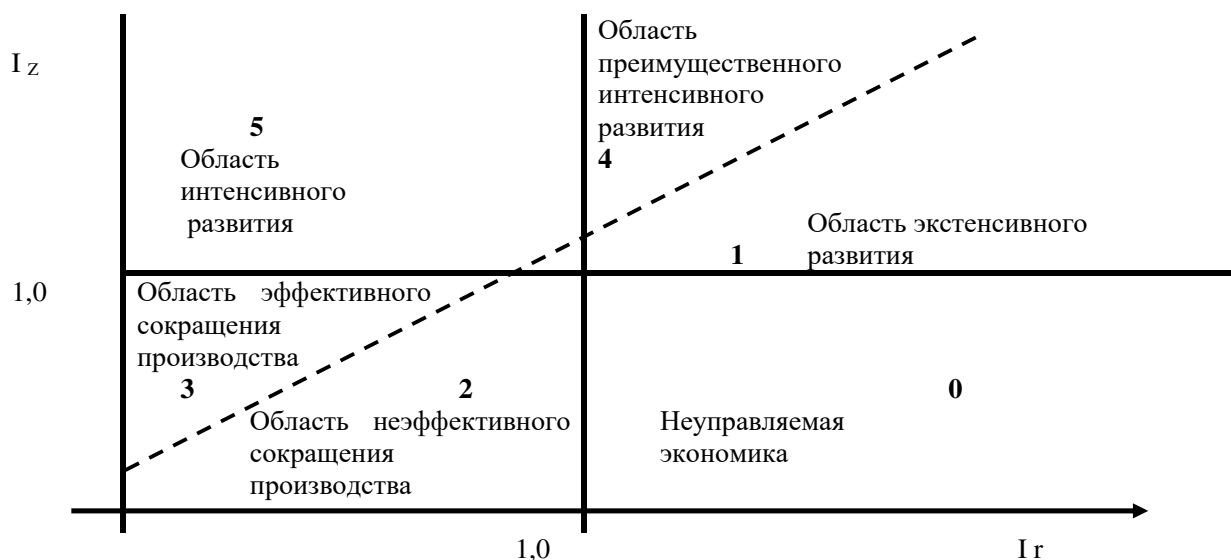

Рисунок. Классификация областей использования производственных и финансовых ресурсов/затрат промышленного предприятия

Изучение влияния экстенсивных и интенсивных факторов роста позволяет не только выявить, но и количественно оценить резервы роста выпуска продукции и прибыли при наличии достаточной емкости рынка.

Цель количественного анализа состоит в расчете экономии либо потерь в результате роста (снижения) эффективности использования ресурсов / затрат на производство и реализацию

продукции. Экономия либо потери можно рассчитать по цепному индексу на основе следующей формулы:

$$\mathcal{E}_i(P_i) = \left(\frac{Z_{i-1}}{R_{i-1}} - \frac{Z_i}{R_i} \right) * R_i, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_i(P_i)$ — экономия (потери), тыс. р.; Z_{i-1} — затраты на производство и реализацию продукции в предшествующем периоде; R_{i-1} — результат деятельности организации в предшествующем периоде; Z_i — затраты на производство и реализацию продукции в отчетном периоде; R_i — результат деятельности организации в отчетном периоде.

Предлагаемая качественная оценка предприятием производственных и финансовых ресурсов/затрат в процессе достижения результата не требует много времени и понятна любому предпринимателю, так как она аналогична восприятию школьных балльных оценок и построена по принципу «интенсификация экономики состоит в том, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты на него». Оценка экономии/потерь также проста в расчетах. Количественно-качественная оценка позволяет:

- оценить состояние экономики предприятия за отчетный период;
- выявить существующие тенденции и закономерности, указать на основные причины, которые привели к данному состоянию экономики предприятия;
- определить наличие резервов и возможностей их эффективного использования в ходе производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

Автор занимается разработкой программного продукта, в котором будет реализована возможность выполнения количественно-качественной оценки эффективности использования производственных и финансовых ресурсов/затрат.

Список литературы

1. Комплексный экономический анализ финансово-хозяйственной деятельности организации: учеб. пособие / Б. И. Герасимов, Т. М. Коновалова, С. П. Спиридонов, Н. И. Саталкина. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 160 с.
2. Словарь бизнес-терминов. Академик. ру. 2001.
3. Тришкина Н. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. – М.: МИЭМП, 2009. – 717 с.
4. Толпегина О. А. Экономический анализ: учебный курс. – М.: МИЭМП, 2011.
5. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учебное пособие / А. И. Алексеева, Ю. В. Васильев, А. В. Малеева, Л. И. Ушвицкий. – М.: Финансы и статистика, 2006.
6. Ежова Н. Э. Организация технико-экономических измерений в управлении инновациями на предприятиях машиностроения: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / ВоГТУ. – Вологда: 2006. – 154 с.
7. Трофимова И. Г. Методические основы формирования элементов системы управления эффективностью производства : дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Гос. инж.-экон. академия. – Санкт-Петербург, 1993. – 142 с.
8. Шилова Н. Н. Анализ финансово-экономической деятельности: Методические указания по выполнению курсовой работы / Н. Н. Шилова. – Тюмень: ТюмГУ, 2012. – 44 с.

Сведения об авторе

Шилова Наталья Николаевна, д. э. н, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление», Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень тел. 8(3452)208456

Shilova N. N., Doctor of Economics, professor of the chair «Marketing and municipal management», Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)208456

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371

СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ESSENTIAL FUNDAMENTALS OF POLYETHNIC CULTURE OF CONTEMPORARY
EDUCATION SYSTEM

Г. И. Егорова, Н. М. Сязи
G. I. Egorova, N. M. Syazi

Ключевые слова: полиэтническая культура, полиэтническое образование, сущность этнокультурной компетентности, межэтническое взаимодействие

Key words: polyethnic culture, polyethnic education, the contents ethnocultural competence, the interethnic cooperation

Перед современной педагогической теорией и практикой ставится проблема формирования личности высокого уровня этнокультурной компетентности. Средством решения проблемы может стать полиэтническое образование. Межэтнические взаимодействия рассматриваются как совокупность разнообразных форм отношений между этническими группами и их представителями в современной образовательной системе.

The problem of formation of a polyethnic personality with a high level of ethnocultural competence is put forth before the contemporary pedagogical theory and practice. The interethnic interactions are considered as a whole set of various forms of relations between ethnic groups and their representatives in the contemporary educational system.

Перед современной педагогической теорией и практикой ставится проблема формирования личности высокого уровня этнокультурной компетентности [1]. Решить проблему может полиэтническое образование. Проведенный анализ литературы показал, что пионерами в истории становления и развития идеи образования в полиэтнической среде являются США, Канада и страны Западной Европы. Первоначально проблема обучения и воспитания детей из разных этнокультур решалась в рамках концепции «плавильного котла». Согласно ей, разные национальности «переплавляются» в новое надэтническое образование. Однако практика отвергла ассимиляторскую идею в силу различных причин. Возникла новая идея — создание национальных школ. В ее основе лежит понимание полиэтнического общества, состоящего из «мозаики» различных культур, сохраняющих свое разнообразие, несмотря на все интегративные процессы. Среди зарубежных и отечественных ученых не существует единой точки зрения, касающейся становления национальных школ, проблемы соотношения этнокультурного и федерального компонентов образования. По нашему мнению, модель современных школ должна учитывать социальный заказ, ориентированность этнических групп и то непосредственное социально-культурное пространство, в котором они проживают.

Как показал анализ литературных источников [2], наиболее перспективной образовательной стратегией в этнически неоднородной среде является концепция мультикультурного образования, опирающаяся на современное понимание полиэтничности. Сущность ее заключается в том, что полиэтническое общество — это общество социального разнообразия, в котором представители различных этнических групп сохраняют и развивают свои традиции и культурные особенности, при одновременном сотрудничестве друг с другом в укреплении общественного единства. Зачастую встречающиеся [2] термины — многокультурное, поликультурное, мультикультурное образование — обозначают, в сущности, одно и то же. Кроме того, как синонимы используются термины «межкультурное» и «интеркультурное» образование.

Поликультурное образование — более широкое понятие, одновременно охватывающее представителей всех групп — социальных, культурных, гендерных, расовых, этнических и т. д. Концепция полиэтнического образования вначале существовала как самостоятельная область, однако затем она была расширена до многокультурного образования. Многокультурное образование отвечает не только интересам этноса, но также интересам государства, всего мирового сообщества, оно направлено на развитие сотрудничества и взаимодействия. В последнее время наметилась тенденция к сближению концепций поликультурного, антирасистского и глобального образования вплоть до их объединения.

Анализ опыта многонациональных государств в области организации полиэтнического образования [4] показал, что главной целью образования в полиэтнической среде является формирование у учащихся межкультурной (этнокультурной) компетентности. В этом случае индивиды

сохраняют свою этническую идентичность и эффективно функционируют в рамках общей культуры государства. Следует отметить, что взгляды зарубежных и отечественных ученых [5] на организацию образования в полиэтнической среде не имеют принципиальных различий. Заслуживает внимания и то, что современные идеи полиэтнического образования базируются на работах ученых прошлого [6].

В России проблема поликультурного образования приобрела особую актуальность и сложность в 1990-е гг., когда в условиях социально-экономических и политических реформ сложилась новая образовательная ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка обучения, идей народной педагогики, рост влияния религии на формирование самосознания личности. В этих условиях, с одной стороны, поликультурное образование способствует этнической идентификации и формированию культурного самосознания обучаемых, а с другой стороны, препятствует их этнокультурной изоляции от других стран и народов.

Важной социально-политической детерминантой развития полиэтнического образования является интенсивное развитие интеграционных процессов как важной составляющей развития современного мира, а также стремление России и других стран интегрироваться в мировое и европейское социально-культурное и образовательное пространство, сохранив при этом национальное своеобразие. Интеграционные процессы способствуют превращению Европы в многоязычное пространство, в котором национальные языки имеют равные права. С открытием границ между государствами усиливается мобильность людей, их мотивация к изучению иностранных языков, а также к установлению и поддержанию контактов внутри своей страны и за рубежом.

Развитие полиэтнической культуры обусловлено не только современными историческими и социокультурными предпосылками, но и опирается на ряд традиций отечественной и зарубежной педагогики и психологии. Большой интерес, например, представляет программа «Панпедия», разработанная Коменским в XVI в. Великий мыслитель, исходя из посылки об общности людей, их потребностей и устремлений, обосновывает «Панпедию» как программу универсального воспитания всего человеческого рода. Существенную часть «Панпедии» составляет формирование у детей умений жить в мире с другими, выполнять взаимные обязанности, уважать и любить людей.

Рассматривая формирование полиэтнической культуры в целостном педагогическом процессе, мы полагаем, что в основе разрабатываемых нами сущностных критериев должен лежать духовно-нравственный показатель воспитанности учащихся. Можно предложить следующие компоненты духовно-нравственной воспитанности: когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой и поведенческий.

Специфические цели формирования полиэтнической культуры в образовании:

- формирование всесторонне и гармонически развитой личности, способной к творческому саморазвитию и осуществляющей этнокультурное и гражданское самоопределение на основе национальной традиции, ценностей российской и мировой культуры;
- создание условий для сохранения и развития комплиментарного сотрудничества всех этнокультурных групп в едином экономическом, социальном, политическом и культурном сообществе, именуемом российской гражданской нацией;
- эффективная подготовка выпускников школы и вуза к жизни в условиях федеративного государства и современной цивилизации, расширение возможностей самореализации, социального роста, повышения качества жизни;
- развитие образовательного и профессионального потенциала России, воспитание молодежи, подготовленной к ответственной и продуктивной интеллектуальной, организаторской, производственной деятельности в открытом поликультурном мире.

Достижение указанных целей обеспечивается следующими принципами образовательной политики Российской Федерации:

- сохранение целостности культурного и образовательного пространства России;
- приобщение подрастающих поколений к традиционному духовному наследию и профессиональной национальной культуре народов России;
- гуманистический, светский и поликультурный характер образования;
- ответственность государства за получение детьми полноценного образования;
- научная основа содержания образования и принципов воспитания;
- вариативность выбора родителями образовательной траектории ребенка;
- формирование морально-этических стереотипов и воспитание трудовых навыков, необходимых для активной профессиональной деятельности.

Таким образом, сущность полиэтнической культуры в рамках образовательного процесса определяется совокупностью различных мотивационных компонентов, формированием полиэтнической культуры посредством полиэтнического образования, а также системой воспитания толерантности как важнейшего компонента.

Список литературы

1. Бережнова Л. Н. Этнопедагогика в системе педагогических наук / Л. Н. Бережнова, И. Л. Набок, В. И. Щеглов. – М., 2007. – С. 7-18.
2. Малухова Ф. В. Этнокультурное образование // www.etnos.narod.ru.
3. Нездемковская Г. В. Становление этнопедагогики в России / Г. В. Нездемковская // Педагогика. – 2009. – № 7. – С.17-26.
4. Крылова Н. Б. Культурология образования. – М.: Народное образование, 2000. – 269 с.
5. Шадриков В. Д. Философия образования и образовательной политики. – М.: Наука, 1993. – 203 с.
6. Шакуров Р. Х. Социально-психологические проблемы руководства педагогическими коллективами. – М.: Педагогика, 1990. – 206 с.

Сведения об авторах

Егорова Галина Ивановна, д. п. н., профессор, заведующая кафедрой химии и химической технологии, Филиал Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тобольск, тел.8(3456)255920

Сязи Надежда Максимовна, аспирант кафедры «Общая педагогика, история педагогики и образования», Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, учитель истории и обществознания, санаторная школа-интернат, г. Тарко-Сале, Ямало-Ненецкий автономный округ, тел. 89224561168, e-mail: nsyazi@mail.ru

Egorova G. I., Doctor of Pedagogy, professor, head of the chair of chemistry and chemical technology, Tobolsk branch of Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3456)255920

Syazi N. M., post graduate of the chair «General pedagogy, history of pedagogy and education», Tobolsk State social-pedagogical academy named after Mendeleev D. I., Teacher of history and social science, sanatorium boarding school, Tarko-Sale, Yamal-Nenets autonomous district, phone: 89224561168, e-mail: nsyazi@mail.ru

УДК 504.75 (574)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМЫ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

CURRENT PROBLEMS AND TENDENCIES IN THE SECONDARY EDUCATION REFORM

Б. М. Жапарова

B. M. Zhararova

Ключевые слова: общеобразовательная школа, реформа, система среднего образования, образовательное пространство

Key words: comprehensive secondary school, reform, secondary education system, educational space

Общеобразовательная школа как социальный институт наследования и трансляции ценностей культуры выдвигается в число основных факторов, определяющих будущее страны. Проанализирована необходимость и структура реформирования системы среднего образования в новых социально-экономических реалиях.

A comprehensive secondary school as a social institution of inheritance and translation of culture values is included among the basic factors determining the future of the country. The necessity and the structure of the secondary education system reforming in the new social-economic realities are analyzed in the article.

Перспективы Казахстана как независимого и суверенного государства определены его долгосрочными интересами. По этой причине успешное продвижение потребует концентрации усилий в сфере образования, в особенности средней школы. Цель усилий правительства — дать импульс таким реформам в средней школе, которые бы задали этому процессу не только направление, идеологию реформирования, но и тон, динамику, поступательность и рациональность.

Реформированию должны быть подвергнуты цели образования, его экономический фундамент; система подготовки и переподготовки преподавательского состава; содержание и технология обучения.

Сформированная в бывшем Советском Союзе система школьного образования без преувеличения имела громадный позитивный потенциал и собственные традиции. Именно она, обеспечив еще в довоенный период ликвидацию безграмотности в стране, вывела СССР по этому

показателю в число самых передовых государств в конце 50-х – начале 60-х годов. Тогда была достигнута наибольшая гармония школьной системы с ее содержанием. Однако в дальнейшем начали появляться антагонистические тенденции, которые с годами все больше и больше расширялись и углублялись. Условия крайне идеологизированной жизни общества предопределяли такой разрыв. Прогрессивные педагоги это прекрасно осознавали. Их усилиями и стараниями в первые годы горбачевской перестройки был остро поставлен вопрос о проведении в советской школе кардинальных реформ. В силу общеизвестных причин до реальных перемен в сфере школьного образования дело так и не дошло. Политические катаклизмы отодвинули проблему школы далеко на задворки. Но от этого она не перестала быть актуальной. Просто теперь каждое независимое государство должно будет решать ее самостоятельно, в силу своих возможностей и поставленных задач.

Обретение Казахстаном в декабре 1991 года государственного суверенитета, а также провозглашение задачи построения открытого гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономики обусловили переориентацию целей образования на формирование творчески мыслящих, высокообразованных в интеллектуальном и нравственном отношении людей.

Стержневые ориентиры и приоритеты государственного строительства, сформированные в основном законе республики — «Общих направлениях социально-экономического развития», в «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства», создали четкие предпосылки для кардинальной перемены парадигмы всего народного образования, особенно в рамках средней школы. Именно среднее образование должно позволить осуществить адаптацию молодого поколения к новым жизненным условиям, удержать процесс воспроизводства социального опыта, закрепить в общественном сознании и практике новые ориентиры общества и личности.

Можно констатировать, что итогом деятельности общеобразовательной школы, педагогических коллективов, органов управления всех уровней, правительства является то, что, несмотря на все сложности переходного периода, социально-экономическую нестабильность, острый дефицит финансирования, система базового образования не только сохранилась, но и продолжает содержательно развиваться. Возрастает инновационная активность, начали интенсивно развиваться общеобразовательные учебные заведения нового типа, обеспечивающие личностную ориентацию образовательного процесса. Сделаны серьезные шаги по интеграции в международное образовательное пространство.

Важнейшим достижением всего казахстанского общества стало расширение и укрепление государственных гарантий на образование, закрепленных Конституцией Республики Казахстан в статье 30. Сегодня граждане Казахстана имеют право на бесплатное и общедоступное среднее и начальное профессиональное образование в государственных учебных заведениях.

Приоритетным направлением является работа по поддержке и защите образовательных потребностей национальностей и этнических групп, проживающих на территории Казахстана. Программы национальной школы предполагают не только углубленное изучение родных языков, но и освоение наследия своего народа. На сегодняшний день обучение детей в общеобразовательных школах ведется на 7 языках, действуют 3 364 школы с казахским языком, 2 484 — с русским, 72 — с узбекским, 14 — с уйгурским, 2 — с таджикским, 3 — с турецким, 1 — с немецким языками обучения, 2 428 являются смешанными школами. Многие из них открылись в последнее время и только начинают набирать силу. Кроме того, на основе государственной политики развития национальной школы в местах компактного проживания тех или иных национальностей организовано изучение 14 родных языков. Особенно важно отметить увеличение числа школ с углубленным изучением казахского языка. За последние 4 года число таких школ возросло на 459 единиц, число детей казахской национальности, обучающихся на родном языке, — на 287,5 тысяч.

В настоящее время в 3 446 учебных заведениях, что составляет 42 % от общего количества школ, углубленно изучается 31 предмет. В 8 400 классах углубленного и профильного обучения занимается 170 601 учащийся. По сравнению с прошлым учебным годом количество школ с углубленным изучением отдельных предметов увеличилось на 1 338 единиц, а контингент учащихся в этих классах — на 87 361 ученика. В 2,5 раза возросло число таких учебных заведений в Актюбинской, Алматинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской областях. Значительно увеличилось количество классов с углубленным изучением предметов в Кызылординской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Талдыкорганской, Западно-Казахстанской областях и в городе Алматы [1].

Тем не менее существующие позитивные сдвиги в среднем образовании происходят крайне медленно и в основном носят бессистемный характер. Во многом это обусловлено нереалистичностью, фрагментарностью и нескоординированностью проводимых преобразований. При существенном продвижении в относительно малозатратных направлениях развитие, требующее крупных капиталовложений, происходит более медленными темпами.

Динамично развивающаяся нормативная база образования не подтверждена сегодня экономическим механизмом ее реализации. Крайне ограничены возможности расширения практики новых экономических механизмов. Отсутствие экономических гарантий прав граждан на бесплатное и общедоступное образование придает таким правам декларативный характер.

В настоящее время разработано значительное количество новых программ, учебников, методических рекомендаций для учителей, в том числе по направлению, требующему особого внимания общества, — гуманитарному образованию. В то же время постоянно усиливающийся дефицит и задержки ассигнований на учебное книгоиздание делают большинство из разработанных программно-методических материалов малодоступными для основных заказчиков — детей и педагогов, снижают эффективность реализации важнейшего направления реформы — развития содержания образования. Это привело государственную среднюю школу в состояние стагнации, совершенно ослабив ее учебно-воспитательную функцию.

Очевидно, что в ходе реализации реформы в системе образования не были достигнуты главные цели — переход на этап сбалансированного развития и преодоления кризисных процессов в образовании. В связи с этим единственным шансом, способным предотвратить негативные тенденции, является создание реальной, конкретной и эффективной программы на принципах, обеспечивающих, с одной стороны, демократические преобразования, с другой — использование всего положительного, что накопила история школьного образования [2].

Необходимость реформирования базового образования детерминирована не только сложившимся критическим положением сферы, но и перспективами развития казахстанского общества. В связи с этим чрезвычайно важен выбор идеи, которая станет стратегическим ориентиром подобного реформирования. Такой идеей должна стать идея формирования новой генерации людей с инновационным, творческим типом мышления, с развитой мировоззренческой и правовой культурой. Это подтверждает и мировая практика реформирования: наличие стратегически значимой цели даже при текущих сложных обстоятельствах может вынудить любую систему к позитивным преобразованиям, выбору ею эффективных вариантов реформирования.

От того, какой она будет, во многом зависит будущее Казахстана, его кадровый потенциал.

И еще один важный момент. Программа не должна быть лишь декларацией о благородных намерениях и радужных перспективах. В ней должны быть заложены действенные механизмы, то есть она должна содержать не только — «что», но и — «как».

Развитие образования — национальная проблема, от успешного решения которой во многом зависят результаты проводимых сегодня в республике реформ. Реформа образования является их неотъемлемой частью.

При определении задач школы, которая играет огромную роль в формировании будущего страны, недопустимо ориентироваться только на текущие общественные потребности. Текущие цели могут стать эффективными только в случае их оптимального сочетания со стратегическими потребностями общества. В силу этого перспективы экономического и общественного развития Казахстана будут зависеть от приобретенных в процессе обучения навыков критического и созидательного мышления, от степени претворения в жизнь концептуальных принципов преобразований в школе, основой которых являются гуманизация и демократизация образовательной сферы.

В связи с этим стратегия обновления общего среднего образования должна состоять в том, чтобы средствами образования способствовать достижению общесоциальных целей Казахстана: укреплению демократии, развитию национального самосознания, гармонизации межнациональных отношений, уменьшению социальной напряженности в обществе.

В процессе достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи: обеспечение и укрепление государственных гарантий гражданам на образование; переход на качественно новый уровень образования, развивающего личность и учитывающего интересы и склонности конкретного ребенка с учетом состояния его здоровья.

Такова в общих чертах конструкция реформирования системы среднего образования в новых социально-экономических реалиях.

Реформирование школы — мероприятие ответственное и важное. Оно требует от его организаторов и исполнителей творческих, инициативных и неординарных подходов, высокого качества работы, профессионализма.

Список литературы

1. Тасмагамбетов И. Н. Социально-политическое обновление Казахстана: тенденции и приоритеты. – Алматы: Институт развития Казахстана, 2009.
2. Телебаев Г. Т. и др. Казахская культура сегодня: ценности, потребности, институты. – Астана: Елорда, 2002.

Сведения об авторе

Жапарова Баглан Магауовна, к. п. н., доцент, Павлодарский государственный педагогический институт, г. Павлодар, тел. 651631, e-mail: baglan_kaz@mail.ru

Zhaparova B. M., Candidate of Sciences in Pedagogy, associate professor, Pavlodar State Pedagogical Institute, phone: 651631, e-mail: baglan_kaz@mail.ru

УДК 316.344

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF RESOCIALIZATION OF CONVICTED PERSONS

Е. Ю. Леонова, Л. Л. Мехришвили

E. Yu. Leonova, L. L. Mehrishvilly

Ключевые слова: ресоциализация, ресоциализация осужденных, пенитенциарное учреждение, высшее профессиональное образование

Key words: resocialization, resocialization of convicted persons, penitentiary institution, the higher professional education

Рассматриваются подходы к дефинициям «ресоциализация»; «ресоциализация осужденных» в теоретико-методологическом аспекте; описывается опыт апробации экспериментальной модели получения высшего профессионального образования лицами, находящимися в исправительных учреждениях, как фактор их ресоциализации.

The article considers the approaches to such scientific definitions as «resocialization» and «resocialization of convicted persons» in the theoretical-methodical aspect. It describes the experience of approbation of the experimental model of getting the higher professional education by convicted persons being at correctional facilities as a factor of their resocialization.

В современном мире проблема ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных из мест лишения свободы не только приобретает актуальный характер, но и становится критерием оценки цивилизованности страны, эффективности реализации принципов социально ориентированного государства.

В связи с реформированием российской пенитенциарной системы становится актуальным исследование проблем ресоциализации осужденных, приоритетным направлением которой является применение международных стандартов содержания заключенных, призванных сформировать модели поведения, необходимые для успешного вхождения в социум после освобождения из мест лишения свободы. В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. должно осуществляться совершенствование уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных. Следовательно, можно рассматривать воспитательный процесс как приоритетное направление трансформации системы УИН.

В воспитательном процессе важное место занимает организация общего и профессионального образования осужденных к лишению свободы. В настоящее время в исправительных учреждениях функционирует 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов (УКП). Более 2 тыс. осужденных дистанционно обучаются в учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Однако следует отметить тот факт, что основным качественным показателем исправления осужденных является уровень уголовно-правового рецидива. По данным ФСИН о судимости осужденных: впервые совершившие преступления — 38,8 %, второй раз — 29,5 % и 31,7 % третий раз и более. В среднем по России уголовно-правовой рецидив достигает 30 %, по статистическим данным, в Тюменской области уровень рецидивной преступности в 2010 году составил почти 50 % [1].

Эффективность деятельности в сфере противодействия уголовному рецидиву зависит от способности компетентных органов устранить ключевые криминогенные факторы рассматриваемой формы общественно опасного поведения: распространение криминальной субкультуры, утрата лицом социально значимых связей (семья, трудовой коллектив). Благоприятного эффекта можно ожидать от мер индивидуальной работы с осужденным, организации адекватного социального контроля над лицами, освободившимися из мест лишения свободы, который позволит минимизировать совершение ими повторных противоправных действий.

Попадая в места заключения впервые и на длительные сроки, человек становится участником специфичной микросреды — пенитенциарной субкультуры, существенным образом деформирующей шкалу идеалов и ценностей индивида. По этой причине принципиальное значение для исправления осужденных имеет их ресоциализация, характеризуемая положительными элементами в динамике поведения, в период отбывания наказания, позволяющая индивиду легче адаптироваться к изменяющимся социальным условиям после освобождения.

При формировании комплексного подхода к осмыслению «ресоциализации» особое значение приобретает всесторонний анализ данной дефиниции.

Ресоциализация (лат. *re* — повторное, возобновляемое действие; лат. *socialis* — общественный; англ. *Resocialization*; нем. *resozialisierung*) — это повторная социализация, которая происходит на протяжении всей жизни индивида [2]. Ресоциализация осуществляется изменениями установок индивида, целей, норм и ценностей жизни.

Процесс ресоциализации рассматривается отдельными авторами в достаточно узком смысле. Например, В. Л. Васильев соотносит процесс ресоциализации с такими процессами, как «...перевоспитание лиц, совершивших преступления, приобщение их к трудовой деятельности и нормальной социальной среде, отслеживание динамики личности осужденного, разработка рекомендаций по перевоспитанию и ресоциализации осужденных...» [3]. Ресоциализация в данном контексте является отдельным самостоятельным направлением общей работы с осужденным. Представляется, что данный подход сводит процесс ресоциализации только к адаптации осужденного в обществе. Не можем разделить позицию автора, так как адаптировать в обществе человека, освобождающегося из мест лишения свободы, можно только посредством его исправления, приобщения к социально-трудовой деятельности и к социальной среде, отвечающей нормам и ценностям общества.

Идентичным представляется понятие «реабилитация», под которым авторы сборника «Социально-психологическая реабилитация осужденных подростков» понимают в социально-психологическом смысле «...возврат необходимых возможностей и способностей к здоровой и полноценной жизни в обществе самой личности освобожденного из мест заключения...» [4]. Для того чтобы вести речь о полноценности жизни в рамках реабилитации или ресоциализации, необходимо определить минимальные границы такой полноценной жизни, что представляется весьма сложным.

Содержание понятия «ресоциализация осужденных» анализируется в дискурсе различных подходов. З. А. Астемиров утверждает, что понятие «ресоциализация» может отождествляться с «перевоспитанием». И. В. Шмаров рассматривает ресоциализацию осужденных только как постпенитенциарную деятельность психологов [5]. Ю. В. Жулева понимает ресоциализацию как «возобновление или повторность действия», направленного против асоциальной деградации личности. Вслед за приостановлением деградации личности общество с помощью специальных «повторных действий» может принять индивида в число социализированных членов через приобщение его к общественным ценностям и нормам [6]. М. И. Еникеев определяет ресоциализацию как восстановление ранее нарушенных социальных качеств личности, необходимых для полноценной жизнедеятельности в обществе [7].

Противоречия формулировок возникают вследствие того, что термин «ресоциализация» интерпретируется в рамках отдельных социально-гуманитарных дисциплин (юриспруденции, социальной психологии, педагогики, социологии, политической науки), поэтому смысловое наполнение термина зачастую различно.

Представители социологической науки интерпретируют ресоциализацию как одну из сторон взрослого этапа социализации. При этом отучение индивида от старых ценностей, норм, ролей и правил поведения называется десоциализацией. Следующий за ним этап обучения новым ценностям, нормам, ролям и правилам поведения называется ресоциализацией [8]. Ресоциализация выступает как коррекция отклоняющегося от нормы процесса социализации [9].

Понятие «ресоциализация» в отечественных исследованиях используется как в широком, так и узком контекстах. В первом случае оно связано с процессом повторного прохождения социализации, который может возникать на разных возрастных этапах в длительных экстремальных ситуациях или нетипичных условиях, требующих освоения норм и ценностей, противоположных тем установкам, которые были сформированы на этапах первичной и вторичной социализации.

В узком смысле понятие «ресоциализация» используется в пенитенциарной педагогике, криминологии и девиантологии и трактуется как восстановление социального статуса, утраченных либо несформированных социальных навыков у правонарушителей, переориентации их социальных установок и референтных ориентаций за счет включения в новые позитивно ориентированные отношения коррекционных мер.

Считаем возможным предположить, что ресоциализация осужденных представляет собой процесс восстановления социальных, нравственных, правовых навыков и социального статуса как в условиях пенитенциарной системы, так и вне ее с помощью социально-психологических, педагогических, в том числе образовательных, технологий.

Необходимо отметить, что ресоциализация осужденных — процесс индивидуальный. Его эффективность зависит, в первую очередь, от того, как будут учтены и применены в практике образовательного процесса социально-психологические закономерности развития личности осужденного, специфика их проявлений в нестандартных условиях ситуации лишения свободы и различных видах деятельности принудительного характера.

В 2006–2007 учебном году Тюменский государственный нефтегазовый университет провел первый экспериментальный набор и начал осуществлять обучение осужденных, находящихся в Исправительной колонии № 2 города Тюмени, по специальности «Социальная работа».

В настоящее время в 3 экспериментальных группах обучаются 57 студентов (3, 5, 6 курсов), которые получают высшее образование на базе самого исправительного учреждения. Специфика эксперимента заключается в том, что при его реализации использовались как современные дистанционные, так и традиционные формы обучения с использованием современных образовательных технологий: мультимедийные лекции, мастер-классы, тренинги, ролевые игры, CASE-технологии, ситуационные задачи, социальные проекты.

Вышесказанное определило проблематику нашего исследования: в теоретическом плане — это проблема изучения процесса ресоциализации личности осужденного; в практическом — разработка программы по реализации права осужденных на получение высшего профессионального образования в пенитенциарных и постпенитенциарных условиях.

На базе ФКУ ИК-1, 2, 4 УФСИН по Тюменской области (колониях строгого и общего режима) проведено исследование влияния высшего профессионального образования на личность осужденного. Цель исследования заключалась в изучении особенностей влияния технологий образовательного пространства высшей школы на процесс ресоциализации личности осужденного. Объект исследования — ресоциализация заключенных, а предмет — влияние образования на процесс ресоциализации осужденного.

В основу исследования положена следующая гипотеза: процесс ресоциализации осужденного имеет специфические особенности, определяемые субъективными и объективными факторами. Основным механизмом ресоциализации — образовательное пространство — детерминанта влияния как на субъективные (личностные особенности, самооценка, самовоспитание), так и на объективные (сеть социальных контактов, пространство пенитенциарного учреждения, возможности самореализации) факторы трансформации личности.

Эмпирическая база исследования была определена и ограничена рамками уголовно-исполнительной системы. В исследовании приняли участие 50 осужденных — мужчин, отбывающих наказание в колонии строгого режима, осужденных за тяжкие преступления.

В 2012 году автором были проведены 3 фокус-группы с осужденными на базе исправительных учреждений. По результатам фокус-группового исследования сделаны выводы.

1. Процесс исправления осужденного стимулирует потенциальная возможность изменения собственной социальной роли: осужденный, находящийся в условиях пенитенциарного учреждения, становится студентом, обучающимся в вузе.

2. Изменение микросоциальной среды: в процессе образования создается организованное образовательное пространство, значительно отличающееся от условий пенитенциарной жизнедеятельности. Особенно студенты отмечают заинтересованность в непосредственном контакте с профессорско-преподавательским составом.

3. Рациональное использование времени при нахождении в пенитенциарном учреждении: как правило, возраст осужденных от 20 до 30 лет — это период активной деятельности: создание семьи, получение образования, становление в профессиональной сфере, в то время как сроки нахождения студентов-осужденных в местах лишения свободы от 7 до 12 лет. Поэтому все осужденные отмечают нахождение в пенитенциарном учреждении как понапрасну потраченное время.

4. Изменение для обучающегося осужденного части режимных условий пенитенциарного учреждения, не регламентированных как свободное время для необучающихся осужденных: определенную часть времени обучающийся затрачивает на посещение занятий, подготовку к ним в библиотеке, компьютерном классе, общение с профессорско-преподавательским составом, участие в тренингах, семинарах, написание курсовых и дипломных работ.

5. Повышение социального статуса при получении высшего профессионального образования: около 30 % осужденных до момента заключения в места лишения свободы получали высшее или среднеспециальное образование, а в результате совершения преступления утратили возможность закончить образовательное учреждение.

Одна из главных целей реализации высшего образования в пенитенциарном учреждении состоит в изменении социальной роли осужденного из объекта в субъект общественного действия. Система образования способствует развитию способности индивида к воспроизводству и совершенствованию жизни социально-организационными, институционализационными средствами. Это система различных приемов, развивающих способность человека результативно участвовать в общественной жизни, решать социально значимые проблемы. Образование осужденных, по убеждению авторов, должно быть направлено не только на формирование определенных навыков, умений и знаний в рамках профессионального уровня, но и на позитивное изменение ценностно-нормативных установок, мотивирующих личность стать полноценным гражданином государства и членом общества. Социальным механизмом данных трансформаций и является сегодня высшее образование в пенитенциарной системе.

Список литературы

1. Официальный сайт УФСИН России // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.fsin.ru>.
2. Словарь-справочник по социологии / Составители: А. Акмалова, В. Капицин, А. Миронов и др. – М.: Изд-во Дашков и К, 2010. – 304 с.
3. Васильев В. Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 608 с.
4. Лихтарников А. Л., Чеснокова Е. Н. Социально-психологическая реабилитация осужденных подростков. – СПб.: Мемориал: Penal Reform International, 2001 – 176 с.
5. Синьов В. М., Радов Г. О., Беца О. В. Педагогические основы ресоциализации осужденных / В. М. Синьов, О. Г. Радов, О. В. Беца. – К.: МП «Леся», 1997. – 187 с.
6. Жулева Ю. В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дисс. канд. юр. наук. – Рязань, 2000. – С. 26.
7. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
8. Кравченко А. И. Культурология / А. И. Кравченко. Учебное пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2001. – 285 с.
9. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. – 2003. – № 3. – С. 15-19.

Сведения об авторах

Леонова Елена Юрьевна, кафедра социологии и социального сервиса, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)453523

Мехришвили Ламара Ленгизовна, д. с. н., профессор, кафедра социологии и социального сервиса, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)453523, e-mail: mll-234@mail.ru

Leonova E. Yu., the chair of sociology and social service, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)453523

Mehrishvilly L. L. Doctor of Social Sciences, professor of the chair of sociology and social service, Tyumen State Oil and Gas University, phone: 8(3452)453523, e-mail: mll-234@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, Новоселов Владимир Васильевич — д. т. н., профессор, ректор Тюменского государственного нефтегазового университета

Зам. гл. редактора, Хайруллина Нурсафа Гафуровна — д. с. н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета

Барбаков Олег Михайлович — д. с. н., профессор, заведующий кафедрой математических методов в экономике Тюменского государственного нефтегазового университета,

Белоножко Марина Львовна — заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, д.с.н., профессор

Влад Генин — декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета UC Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес-администрирования, Ph.O, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна — заместитель директора Института социологии РАН, д. ф. н., профессор

Левашов Виктор Константинович — руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, д. с. н., профессор

Нарбут Николай Петрович — заведующий кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов, д. с. н., профессор

Пленкина Вера Владимировна — д. э. н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета

EDITORIAL BOARD

Professor Novesolov, Vladimir Vasilevich — Chief Editor, Doctor of Technical Sciences, professor, rector of the Tyumen State Oil & Gas University

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna — Deputy Chief Editor, Doctor of Sociological Sciences, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Mathematical Methods in Economics, Tyumen State Oil & Gas, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Belonozhko, Marina Lvovna — Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil & Gas University, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Genin, Vlad — Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna — Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Narbut, Nikolai Petrovich — Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna — Doctor of Economical Sciences, Tyumen State Oil & Gas University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» - это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, метаанализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков - все это может быть объектом исследований.

Журнал издается ежеквартально (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Каждая статья рецензируется. После положительной оценки рецензента, редакционная коллегия определяет возможность публикации статьи в журнале.

Отправленная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть отправлена для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнал, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

- Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь: аннотацию на русском и английском языках, содержащую название рукописи, данные автора обязательно (Ф.И.О.) полностью, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, краткое содержание рукописи объемом до 0,25 страницы машинописного текста, УДК, рецензию, протокол заседания кафедры с рекомендацией к публикации.
- Рукопись представляется в редакцию в виде файла на диске с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются.
- Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. **Объем статьи 3-4 страницы.**
- Параметры страницы: Поля верхнее: 2,5 см; нижнее: 2 см; левое: 2,5 см; правое: 2,5 см.
- Название статьи должно содержать не больше 7-8 слов фамилии и инициалы авторов.
- Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки. В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников - фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, Стр.; б) для книг - фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, Стр. (ГОСТ 7.1 - 84). В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати.
- Список литературы не должен превышать 10 наименований источников.
- Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.
- Диски со статьями не возвращаются.
- Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
- Корректур статей иногородним авторам предоставляется.
- Плата за публикацию не взимается.

Электронный вариант статьи, аннотация, подписка на журнал высылаются по e-mail: nur@tsogu.ru

Индекс Роспечати 19420. Для жителей Тюмени организована подписка на журнал в редакции.

Пожалуйста, отправляйте Ваши статьи:

профессор Нурсафа Хайруллина, заместитель главного редактора

Телефон/Факс: 8(3452)453526

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board of the «News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics» Journal welcome papers on original research findings and informed opinion on the theory and methodology of research of social processes and related fields.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted on the disk and via email. The electronic version of it should be sent to: nur@tgngu.tyumen.ru.

The paper should be typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman).

The body of the manuscript should be single space. DoubleSpace before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces. You must leave a space after each paragraph.

The margins should be as follows:

Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm

Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 1 inch or 2.5 cm

Do not insert page numbers.

References will appear at the end of the paper. Display only those references cited in the text. References should be listed and numbered alphabetically by the last name of the first author at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author' names in front. References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Authbr(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages.

The length of the manuscript should not exceed more 4 pages. The title of the manuscript should be in all capital letters, boldfaced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be «LARGE.» (12 point). For Example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University

Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith

Kathy Matthews

Tyumen State Oil and Gas University

Each manuscript should be accompanied by an abstract of approximately 100-150 words. The word ABSTRACT should be typed in all capital letters, bold-faced, and centered on the third line following the author(s) and affiliation(s). The size of the heading should be «VERY LARGE». The text of the abstract should be in «ITALICS». An abstract should be sent in English language.

A list of keywords describing your manuscript should be provided after the abstract (for indexing and search purposes).

Your manuscript should be accompanied by a cover page, consisting of the paper title, author name(s), affiliation(s) of the author(s), purpose of submission and detailed contact information, including phone number(s) and email address(es).

All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be «LARGE».

Appendices should immediately follow the body of the paper and precede the references. The term, APPENDIX, should be centered in all capitals above the appended material. The size of the term, APPENDIX, should be «VERY LARGE». If there is more than one appendix, they should be numbered consecutively.

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note that the computer disk will not be returned. It is essential that you comply with these instructions because we print from disk. Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

«News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics»

CALL FOR PAPERS

The «News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of social processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives.

The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome.

Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December.

Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

Please send submissions to:

Prof. Vlad Gennin

Telephone/Fax:

E-mail:

Deputy Editor-in-Chief

+1 (925) 937-92-88

vgenin@yahoo.com

Подписано в печать 18.06.2013. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 10,17. Усл. печ. л. 13. Тираж 500. Заказ № 1226

Библиотечно-издательский комплекс
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.
e-mail: nur@tsogu.ru